СОЧИНЕНІЯ

А. С. ГРИБОѢДОВА.

(первое, полное изданіе.)

БЕРЛИНЪ.
РУДОЛЬФЪ ВАГНЕРЪ.
No. 19., Подъ липами.
1860.

Отъ издателей.

Въ настоящемъ изданіи собраны и напечатаны безъ пропусковъ всѣ доселѣ появлявшіяся въ печати сочиненія А. С. Грибоѣдова. Примѣчаніями, находящимися въ концѣ книги, издатели старались удовлетворить требованіямъ современной библіографіи. Трудъ издателей будетъ вполнѣ вознагражденъ, если собраніе это, возобновивъ память о великомъ нашемъ писателѣ, подастъ поводъ къ открытію и обнародованію новыхъ его произведеній, можетъ быть, еще сохраняющихся у друзей его или родственниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вызоветъ подробнѣйшія о немъ свѣденія, столь необходимыя для полнаго его жизнеописанія, котораго доселѣ мы не имѣемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Статьи въ прозѣ.

Письмо изъ Брестъ-Литовска.

Іюня 26 дня 1814.
Брестъ.

Позвольте доставить вамъ нѣкоторое свѣденіе о праздникѣ, который давали командующему кавалерійскими резервами, генералу Кологривову, его офицеры. Издатель Вѣстника Европы долженъ въ немъ принять участіе; ибо ручаюсь, что въ Европѣ немного начальниковъ, которыхъ столько любятъ, сколько здѣшніе кавалеристы своего.

Поводомъ къ празднеству было награжденіе, полученное генераломъ Кологривовымъ: ему пожалованъ орденъ святаго Владиміра 1 степени. Неподражаемый государь нашъ на высочайшей степени славы, среди торжества своего въ Парижѣ, среди восторговъ удивленнаго свѣта, среди безчисленныхъ и безпримѣрныхъ трофеевъ, помнитъ о ревностныхъ, достойныхъ чиновникахъ и щедро ихъ награждаетъ. При первомъ объявленіи о монаршей милости любимому начальнику, приближенные генерала условились торжествовать радостное происшествіе, и назначили на то день 22 іюня. День былъ прекрасный, утро, смѣю сказать, піитическое.

Такъ, день желанный возсіялъ,
И къ генералу строй предсталъ

Піитовъ всякаго сословья;
Одинъ стихи ему кладетъ
Въ карманъ, другой подъ изголовье:
А онъ, о доброта! какой примѣровъ нѣтъ,
Всѣ оды принимаетъ,
Читаетъ ихъ, и не зѣваетъ. —

Нѣтъ; онъ былъ тронутъ до глубины сердца, и подобно всѣмъ дивился, сколько стихотворцевъ образовала искреняя радость. Вотъ приглашеніе, которое онъ получилъ отъ всего дежурства:

Вождь, избранный царемъ
Къ трудамъ, отечеству полезнымъ!
Се новымъ грудь твою лучемъ
Монархъ нашъ озаряетъ звѣзднымъ.
Державный сей герой,
Смиривъ крамолу
И мечъ склоняя долу,
Являетъ благость надъ тобой,
Воспомянувъ твои заслуги неизсчетны:
Тогда какъ разрушалъ онъ замыслы навѣтны,
И ты перуны закалялъ,
Отъ коихъ міръ весь трепеталъ;
Тобою внушены кентавры,
Что нынѣ пожинали лавры,
И въ вихрѣ смерть несли врагамъ.
Царь помнитъ то; — и радость намъ!
Скорѣе осушимъ, друзья, заздравны чаши:
А ты приди, узри, вкуси веселья наши
Межъ окружающихъ сподвижниковъ твоихъ,
Неподчиненныхъ зри, друзей, сыновъ, родныхъ.
Въ кругу приверженцевъ, въ кругу необозримомъ,
Ты радость обрѣтешь въ сердцахъ,
Во взорахъ, на устахъ.
Блаженно славнымъ быть, блаженнѣй быть любимымъ

Все это происходило въ верстѣ отъ Бреста, на дачѣ, гдѣ генералъ имѣетъ обыкновенное пребываніе. Множество офицерства явилось съ поздравленіями; потомъ поѣхали на мѣсто, гдѣ давали праздникъ, одни, чтобы посмотрѣть, другіе, чтобъ докончить нужныя приготовленія.

Есть въ Бугѣ островъ одинокій;
Его восточной мысъ
Горою надъ рѣкой нависъ,
Заглохъ въ травѣ высокой,
(Преданья гласъ такой,
Что взрыты нашими отцами
Окопы, видные тамъ нынѣшней порой;
Преданье кажется мнѣ сказкой, между нами,
Хоть вѣрю набожно я древности сѣдой;
Нѣтъ, для окоповъ сихъ отцы не знали мѣста,
Сражались, били, шли впередъ,
А впрочемъ лѣтописи Бреста
Пусть . . . разберетъ);
Усадьбы, города и селы,
И возвышенности и долы
Съ горы рисуются округъ,
И стелется внизу межъ водъ прекрасный лугъ.
На семъ избранномъ мѣстѣ,
При первой ликованья вѣсти,
Подъялись сотни рукъ;
Сѣкиръ и заступовъ вездѣ былъ слышенъ стукъ.
Едва-ль румянила два раза сводъ небесный
Аврора утренней порой,
Все воспріяло видъ иной,
Видъ новый, видъ прелестный,
Творенье феиной руки!
Гдѣ были насыпи — пестрѣлись цвѣтники,
А гдѣ темнѣли кущи —

Явились просѣки, къ веселію ведущи,
Къ красивымъ убраннымъ шатрамъ,
Разкинутымъ небрежно по холмамъ.
Въ срединѣ ихъ, на возвышеньи,
Стояли свѣтлые чертоги угощенья;
Изъ оконъ видѣнъ ихъ
Въ лугу разбитый станъ для воиновъ простыхъ.
На темѣ острова былъ къ небу флагъ возвышенъ,
Чтобъ знакъ веселія узрѣть со всѣхъ сторонъ,
И жерловъ рядъ постановленъ,
Чтобъ радости отзывъ вездѣ былъ слышенъ.
На скатѣ-жъ, гдѣ приступенъ валъ,
Одинъ лишь входъ удобный,
И городъ гдѣ являлъ
Картинѣ видъ подобный,
Воздвигнули врата искусною рукой
Изъ копій, связанныхъ цвѣтами,
И укрѣпили ихъ въ полкругѣ надъ столпами,
Унизанными осокой.
Любовь врата соорудила;
Сама природа убрала;
Подзорами оружіе спабдило;
Потомъ веселость въ нихъ вошла.

Въ три часа по полудни всѣ приглашенные на праздникъ офицеры съѣхались, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія генерала. Наконецъ вздернутый къ верху флагъ и пушечные залпы возвѣстили приближеніе его. Онъ ѣхалъ верхомъ, сопровождаемый болѣе 50 офицеровъ. Мнѣ бы весьма хотѣлось описать вамъ въ стихахъ блескъ сего шествія, блескъ воинскихъ нарядовъ; къ несчастію никакъ не могъ прибрать риѳмы для лядунокъ и киверовъ, и такъ пусть будетъ это въ прозѣ. Но то, чего не въ силахъ выразить никакая поэзія, была встрѣча генерала на мосту, нарочно для сего дня наведенному,

гдѣ онъ при громѣ пушекъ и нѣсколькихъ оркестровъ, при радостныхъ восклицаніяхъ съ восторгомъ былъ принятъ военными хозяевами и гостями. — Слезы душевнаго удовольствія полились изъ глазъ его и всѣхъ предстоящихъ. Онъ нѣсколько времени стоялъ безмолвенъ, удивленъ, обрадованъ, растроганъ, потомъ взошелъ, или лучше сказать внесенъ былъ окружающею толпою въ тріумфальныя врата.

Сей входъ отличіямъ условнымъ былъ рубёжъ;
Но случай подшутилъ, и чтожъ?
Кто чиномъ высшимъ украшался,
И доблестями тотъ отличнѣй всѣхъ являлся. —

Взошедъ въ галлерею, онъ былъ еще привѣтствуемъ стихами; но я ихъ здѣсь не помѣщу отъ того, что не спросился у кавалериста-сочинителя. Потомъ генералъ пошелъ на возвышеніе и нѣсколько времени восхищался рѣдкими живописными видами. — На валу шатры, кои бѣлѣлись между березками; у подошвы горы лугъ, гдѣ разбитъ былъ лагерь; рѣка Бугъ, обтекающая все мѣсто празднества; мѣстечко Тересполь и другія селенія въ отдаленности; толпа народа на мостахъ и на берегу, взирающаго съ удивленіемъ на пышный, невиданный имъ праздникъ: все плѣняло взоръ наблюдателя, все приводило въ изумленіе. Вдругъ запѣли на сей случай сочиненную солдатскую пѣснь, и разгласилось на лугу троекратно ура! Послѣ чего всѣ были созваны къ обѣду: столы въ галлереѣ и въ палаткахъ были накрыты на 300 кувертовъ.

Ужъ запахомъ къ себѣ манили яства,
Литавры грянули! — и новыя пріятства,
Обѣдъ сближаетъ всѣхъ,
Съ нимъ водворяется въ собраньи сто утѣхъ,
Веселость, откровенность,

Любезность, острота, пріязнь, непринужденность,
И словомъ вамъ сказать,
Всѣ радости сошлись насъ угощать.
Когда-жъ при трубахъ, барабанахъ,
Заискрилось шампанское въ стаканахъ,
Венгерское густое полилось,
Бургонское зардѣлось,
У всякаго лице отъ нектара краснѣлось;
Но стихотворецъ тутъ перо свое хоть брось.

Признаться, моя логика велитъ лучше пить вино, чѣмъ описывать, какъ пьютъ, и кажется, что она хоть гусарская, но справедливая. Не буду также вамъ говорить о различныхъ сластяхъ и пышностяхъ стола, который, само собой разумѣется, былъ весьма великолѣпенъ; 300 человѣкъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ были угощены нельзя лучше, нельзя роскошнѣе, нельзя веселѣе.

И гости всѣ едва-ли
Изъ за обѣда встали,
Взялись за пѣсни, остроты;
Тутъ изліянія сердечны
Рѣкою полились: всѣ въ радости безпечны!
Болтливость пьянаго есть признакъ доброты;
Піиты же, какъ искони — доселѣ;
Всѣхъ болѣе шумѣли,
Не отъ вина, нѣтъ, — на бѣду
Всегда они въ чаду:
Имъ голову кружитъ другое упоенье —
Сестеръ парнасскихъ вдохновенье.

Не думайте однакожъ, чтобъ забвеніе всего овладѣло шумнымъ обществомъ; нѣтъ, забывали важныя дѣла, скуку, горести, непріятности, но не забывали добродѣтель: она сопутница чистой радости; и въ сіи часы,

когда сердце всякаго было на языкѣ, и душа отверзта для добрыхъ впечатлѣній, открылась подписка въ пользу гошпиталя и бѣдныхъ всякаго званія. На сей предметъ собрано 6,500 рублей.

Такъ посвящали мы — честь нашему собранью! —
Забавамъ часъ, другой же состраданью.

Время было тихое, благопріятное для прогулки. Сѣрая мгла, нависшая на небѣ, предохранила отъ лѣтняго жара; всѣ разсыпались по валу. Между тѣмъ пушечная пальба, хоры музыкантовъ и пѣсенниковъ не умолкали ни на пять минутъ. Мало по малу стало смеркаться, и подъ вечеръ пригласили всѣхъ на противоположную сторону острова; зрители были чрезвычайно удивлены, когда, проходя не весьма большое разстояніе, все въ глазахъ ихъ перемѣнилось; исчезли за кустами и пригорками шатры, галлерея и все мѣсто празднества; явилась природа въ дикости: грозные утесы, глубокіе рвы, по ту сторону рѣки сельская картина, луга и рощи возбуждали пріятное удивленіе; прежнія сцены казались призракомъ. Къ общей радости нашли тамъ множество дамъ, которыхъ присутствіе конечно есть первое украшеніе всякаго праздника.

Ихъ взоры нѣжные шумливость укрощаютъ
И грустныя сердца къ веселью возбуждаютъ.

Нѣсколько ракетъ возвѣстили начало фейерверка. Онъ былъ прекрасный и продолжительный. Между многими разнообразностями искуственнаго огня горѣло вензелевое имя генерала и владимірская звѣзда. Амфитеатръ, гдѣ сидѣли зрители, сдѣланъ былъ изъ уступовъ горы. При выходѣ оттуда весь островъ былъ уже иллюминованъ. Дамы и офицеры смѣшались вмѣстѣ; въ галлереѣ начались танцы; въ полночь былъ ужинъ. Генералъ до разсвѣта принималъ участіе въ праздникѣ; потомъ воз-

вратился домой, сопровождаемый тѣми же чувствами, тѣми же отголосками любви и приверженности, съ какими былъ встрѣченъ. Онъ въ сей день являлъ любезнаго начальника, пріятнаго гостя и чувствительнаго человѣка. Есть праздники, которые на другой же день забываютъ отъ того, что даются безъ цѣли, или цѣль ихъ пустая. Въ столицахъ видѣнъ блескъ, въ городахъ полубоярскія затѣи; но праздникъ, въ коемъ участвуетъ сердце, который украшали пріязнь, благотворительность и другія душевныя награжденія, — такой праздникъ оставляетъ по себѣ надолго неизгладимыя воспоминанія.

Философы въ ученомъ заточеньи;
Защитники уединенья,
Нашъ посѣтите станъ, когда вамъ есть досугъ!
Здѣсь узрите вы дружный, братскій кругъ,
Начальника, отца обширнаго семейства.
Коль надобно — на смерть идутъ;
Не нужно — праздники даютъ.
У васъ какъ будто чародѣйство:
Отъ книгъ не йдите вы на часъ,
Минута дорога для васъ:
А мы на дней не ронщемъ скоротечность;
Они не истекутъ, доколѣ мы живемъ;
А тамъ настанетъ вѣчность;
Такъ дней не перечтемъ.

Моя одна забота, чтобъ праздники чаще давались. Нашъ стоитъ 10,000 рублей, кромѣ фейерверка. Кончая мою реляцію, желаю вамъ также веселиться, какъ я веселился 22го іюня.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю и проч.

Александръ Грибоѣдовъ.

P. S. Посылаю вамъ 1,000 рублей для бѣдныхъ, которыхъ такъ много послѣ пожара Москвы. Въ отдаленности отъ любезнаго отечественнаго края, намъ не извѣстно, какія частныя лица наиболѣе терпятъ отъ бѣдности. Полагаемся на васъ. Конечно заступникъ неимущихъ лучше всѣхъ знаетъ, кому нужна помощь.

О кавалерійскихъ резервахъ.

Блистательныя событія прошедшей войны обращали на себя всеобщее вниманіе и не давали публикѣ времени для наблюденія побочныхъ, но между тѣмъ важныхъ причинъ, кои способствовали къ успѣхамъ нашего оружія. Къ онымъ конечно принадлежатъ резервы, сіе мудрое учрежденіе вѣнценоснаго нашего героя Сей разсадникъ юныхъ воиновъ, которой единственно дѣлалъ, что войско наше послѣ кровопролитныхъ кампаній 1812 и 13 годовъ, послѣ дорого купленныхъ побѣдъ, какъ фениксъ возставало изъ пепла своего, дабы пожать новые неувядаемые лавры на зарейнскихъ поляхъ, и явить грозное лице свое въ столицѣ непріятеля. Буду говорить только о формированіи кавалеріи; ибо самъ былъ очевидцемъ, дивился быстротѣ хода его, трудностямъ, съ коими оно сопряжено, и неусыпнымъ стараніямъ командующаго сею частію, который въ точности оправдалъ слова великаго нашего государя, изъявившаго ему въ всемилостивѣйшемъ рескриптѣ*), что не нашелъ иного, коему бы можно было ввѣрить столь важную часть. Все сіе усмотритъ читатель изъ обозрѣнія

*) 14го іюня 1813 года изъ деревни Петерсвальде, въ Силезіи.

кавалерійскихъ резервовъ, которое я постараюсь сдѣлать какъ можно внятнѣе и короче, не входя въ излишнія подробности.

18го октября 1812 года получилъ генералъ отъ кавалеріи Кологривовъ рескриптъ о принятіи его въ службу и повелѣніе приготовить въ Муромѣ 9000 кавалеріи и по два эскадропа для каждаго гвардейскаго полка. Формированіе, возложенное прежде на генерала графа Толстова, не было еще начато по многимъ важнымъ причинамъ. — Ни людей, ни лошадей, ни матеріаловъ для обмундировки, ниже какихъ необходимыхъ пособій не было. Едва начали собираться толпы рекрутъ, какъ былъ сказанъ походъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, а не доходя до мѣста, получено повелѣніе идти на Могилевъ-Бѣлорусскій. Между тѣмъ планъ формированія перемѣненъ и сдѣланъ гораздо обширнѣе. — Повелѣно было формировать для каждаго армейскаго полка по два эскадрона изъ 200 нижнихъ чиновъ, въ Могилевѣ однако все болѣе и болѣе приходило въ устройство; зачали поступать рекруты и лошади, начили съѣзжаться офицеры, которые всѣ, подстрекаемые духомъ достойнаго ихъ начальника, пылали благороднымъ соревнованіемъ, чтобы споспѣшествовать къ славѣ дѣйствующей арміи, и доказательство сему не двусмысленно. Въ началѣ марта 813го зачали поступать рекруты и лошади, въ исходѣ того-же мѣсяца сѣдла и ружья, а въ началѣ апрѣля выступили въ армію 14 и въ слѣдъ за сими 32 эскадрона, готовые въ строгомъ смыслѣ. Потомъ вся резервная кавалерія двинулась къ Слониму, и едва успѣла туда вступить, какъ уже выслано 10 гвардейскихъ эскадроновъ, являющихъ видъ всадниковъ испытанныхъ, закоснѣлыхъ въ военномъ ремеслѣ, и кои вскорѣ сдѣлались ужасными непріятелю. Такъ! въ толь скорое время, когда самый взыскательный военноискусникъ не былъ бы въ правѣ ничего требовать

кромѣ нѣкотораго навыка въ обращеніи съ лошадьми, возникли сіи съ блестящей наружностію, искусные въ построеніяхъ и всѣмъ отличные, достойные тѣлохранители великаго! — Но что! одобреніе его величества по прибытіи ихъ во Франкфуртъ есть несомнѣнный знакъ ихъ достоинства. —

Изъ Слоними перешли всѣ кавалерійскіе резервы въ Брестъ-Литовскъ, и оттолѣ отправлялись ежемѣсячно въ дѣйствующую армію по десяти, двѣнадцати, двадцати, а въ армію 113, нынѣ же въ готовности 130 эскадроновъ. Итакъ въ пятнадцать, а съ настоящаго формированія въ двѣнадцать мѣсяцевъ, образовалось 65,000 кавалеріи.

Кто когда либо служилъ въ кавалеріи, кто хоть малѣйшее имѣетъ понятіе о трудностяхъ сей службы; кто приведетъ себѣ на память, что прежде сего одинъ конный полкъ формировался цѣлыми годами; кто вспомнитъ, въ какое смутное время кавалерійскіе резервы восприяли свое начало; кто разчислитъ, какія запутанности встрѣчаются при началѣ всякаго важнаго и огромнаго государственнаго дѣла; кто взвѣситъ обстоятельства, коихъ не въ силахъ отвратить никакая предусмотрительность, напримѣръ: отдаленность губерній, изъ коихъ приводятся лошади, порча ихъ на дорогѣ, неопытность иныхъ гражданскихъ чиновниковъ, коимъ поручено было въ губерніяхъ принимать, разбирать, отводить ремонты итакъ далѣе; кто притомъ знаетъ, чего стоитъ въ кроткаго земледѣльца внушить духъ бранный, чего стоитъ заставить забыть его мирную, безмятежную жизнь, дабы пріучить къ непреклоннымъ воинскимъ уставамъ, тотъ конечно подивится многочисленной и отробной конницѣ, образованной въ столь короткое время, въ безпрестанныхъ перемѣнахъ мѣста, на походѣ отъ Оки до Буга (2000 вер.) по краямъ, опустошеннымъ непріятелемъ; подивится войску,

ополченному въ случайностяхъ войны, какъ бы въ тишинѣ мира, подъ сѣнію котораго рѣдко что требуется къ спѣху, и дается времени столько, сколько потребно для совершенія нужнаго дѣла.

Къ вящшему доказательству, какъ успѣшно формировалась кавалерія, служитъ конница польской арміи, стоявшая подъ Гамбургомъ, равно какъ и большая часть бывшей во Франціи, которая вся составлена генераломъ Кологривовымъ, притомъ эскадроны изъ новообразованныхъ, которые принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, почти всѣ отличились. Для примѣра упомянемъ о Павлоградскомъ гусарскомъ, который, составленный весь изъ рекрутъ, и не доходя еще до своего назначенія, въ одной сшибкѣ съ непріятелемъ разбилъ его наголову и взялъ 200 нижнихъ чиновъ въ плѣнъ, также и Сумскій ударилъ одинъ на 2 эскадрона и обратилъ ихъ въ бѣгство, имѣя въ виду сильное непріятельское подкрѣпленіе. Теперь, обозрѣвъ быстрое и успѣшное формированіе, займемся другимъ не менѣе важнымъ предметомъ.

Утихла буря на политическомъ горизонтѣ; уже не отзываются громы ея, и миръ, какъ благотворный лучъ солнца, озаряетъ гражданскую дѣятельность; истинный патріотъ, непомышлявшій о своемъ стяжаніи тогда, когда отечество, удрученное бѣдствіями взывало къ нему, нынѣ въ мирномъ досугѣ расчитываетъ убытки, претерпѣнные государствомъ. Убытки сіи неизбѣжны съ военное время. Но скажемъ къ успокоенію людей, пекущихся о народномъ благосостояніи, что кавалерійскіе резервы, относительно къ огромности сего учрежденія, весьма мало стоили казнѣ не по одному только безкорыстію командующаго сею частію (я не хочу вѣрить, чтобы какой нибудь россійскій чиновникъ помыслилъ о личныхъ своихъ выгодахъ, особенно въ то время, какъ дымилась еще кровь его собратій на отеческихъ поляхъ); нѣтъ! Но не мудрено бы

было ему, единственно занятому важнымъ порученіемъ, и простительно даже не имѣть вниманія къ экономическимъ расчетамъ, повидимому несовмѣстнымъ съ пылкимъ духомъ ревностнаго военоначальника. Отдадимъ справедливость генералу Кологривову, что онъ во всякое время умѣлъ сливать военную дѣятельность съ соблюденіемъ государственной экономіи, и покажемъ это на опытѣ.

Въ Муромѣ дѣлались заготовленія провіанта и фуража на 12,000 человѣкъ и 90,812 лошадей. Генералъ Кологривовъ, по прибытіи своемъ туда, прекратилъ сіе, соображаясь, что таковое число людей и лошадей не могло придти въ одно время и содержаться въ одномъ мѣстѣ. Послѣдствія оправдали принятыя имъ мѣры, ибо резервы перемѣнили квартиры, а безполезныя заготовленія продались бы съ публичнаго торга гораздо дешевле, чѣмъ стоили казнѣ: такимъ образомъ сбережено болѣе полумиліона казенной суммы.

Военнымъ министерствомъ назначено было употребить вольныхъ ремесленниковъ для скорѣйшаго обмундированія нижнихъ чиновъ, и для дѣланія конскаго прибора. Сіе оказалось ненужнымъ: хозяйственными распоряженіями, употребленіемъ своихъ мастеровъ и пріученіемъ наиболѣе къ ремеслу рекрутъ, все сдѣлано равно поспѣшно, и казенныя издержки уменьшены болѣе, чѣмъ на 200,000 рублей.

Съ самаго начала формированія приводились лошади не только въ изнуреніи, но и въ болѣзняхъ, должно было продавать ихъ съ публичнаго торга. Но генералъ Кологривовъ, почитая всегда священнѣйшею обязанностію пещись о государственной пользѣ, завелъ на свой счетъ конскій лазаретъ, въ коемъ лошади по большей части вылѣчиваются и обращаются на службу. Ос-

нованіе и содержанія сего заведенія не стоитъ казнѣ ничего, кромѣ корма лошадямъ.

Скажу еще одно слово о продовольствіи войска, о сей необозримой части государственныхъ расходовъ. Вездѣ, гдѣ только стояла резервная кавалерія, не только не допускали возвышаться справочнымъ цѣнамъ, но и значительно понижали ихъ, даже въ мѣстахъ, гдѣ послѣ непріятеля сами жители во всемъ нуждались. Польза проистекавшая отъ того для казны, можно сказать, неисчислима; ибо только во время пребыванія кавалерійскихъ резервовъ въ брестскомъ и сосѣдственныхъ повѣтахъ уменьшеніе казенныхъ издержекъ простирается до нѣсколькихъ милліоновъ. —

Впрочемъ, нельзя упомнить всѣхъ случаевъ, въ коихъ генералъ Кологривовъ отвращалъ по возможности ущербъ, который могла претерпѣть казна. Конечно должно бы болѣе сказать о ревности его къ службѣ, объ извѣстной опытности, о невѣроятныхъ его стараніяхъ и о чудесной дѣятельности, но онъ, сколько я знаю, не любитъ небережныя, хотя правдивыя, хвалы; касательно-жъ до читателей, вѣрно: всякій благоразумный человѣкъ, который приложилъ вниманіе къ сей статьѣ, со мною вмѣстѣ скажетъ: хвала чиновнику, точному исполнителю своихъ должностей, радѣющему о благѣ общемъ, заслуживающему признательность соотечественниковъ и милость государя! хвала мудрому государю, умѣющему избирать и цѣнить достойныхъ чиновниковъ!

О разборѣ вольнаго перевода бюргеровой баллады: Ленора.

Iniquitas partis adversae justum bellum ingerit.

Я читалъ въ С. О. балладу: Ольга и на нее критику, на которую сдѣлалъ свои замѣчанія.

Г-ну рецензенту не понравилась Ольга: это еще не бѣда, но онъ находитъ въ ней безпрестанныя ошибки противъ грамматики и логики, — это очень важно, если только справедливо; сомнѣваюсь, подлинно ли оно такъ; дерзость меня увлекаетъ еще далѣе: посмотрю, каковъ логикъ и грамотей самъ сочинитель рецензіи!

Г. Жуковскій, говоритъ онъ, пишетъ баллады, другіе тоже; слѣдовательно эти другіе или подражатели его или завистники. Вотъ образчикъ логики г. рецензента. Можетъ быть, иные не одобрятъ оскорбительной личности его заключенія; но въ литературномъ быту то ли дѣлается? — Г. рецензентъ читаетъ новое стихотвореніе; оно не такъ написано, какъ бы ему хотѣлось; за то онъ бранитъ автора, какъ ему хочется, называетъ его завистникомъ, и это печатаетъ въ журналѣ, и не подписываетъ своего имени. — Все это очень обыкновенно и уже никого не удивляетъ.

Грамматика у г. рецензента своя, новая и сродни его логикѣ; она, напр., никакъ не допускаетъ чтобъ:

Рать подъ звонъ колоколовъ
Шла почить отъ всѣхъ трудовъ.

Вступать въ городъ подъ звонъ колоколовъ, плясать подъ музыку. — Такъ говорится и пишется и утверждено постояннымъ употребленіемъ, но г. рецензенту это не нравится: стало быть грамматически неправильно.

Между тѣмъ уважимъ прихоти г. рецензента, разсмотримъ по порядку все, что ему не нравится.

Во первыхъ онъ не жалуетъ балладъ, и повторяетъ сказанное въ одной комедіи, что: „однѣ только красоты „поэзіи могли до сихъ поръ извинить въ семъ родѣ со„чиненій странный выборъ предметовъ.“ Странный выборъ предметоцъ, т. е. чудесное, которымъ наполнены баллады — признаюсь въ моемъ невѣжествѣ: я не зналъ до сихъ поръ, что чудесное въ поэзіи требуетъ извиненія.

Въ Ольгѣ г. рецензенту не нравится между прочимъ выраженіе рано поутру; онъ его ссылаетъ въ прозу: для стиховъ есть слова гораздо кудрявѣе*).

Также ему не по сердцу восклицаніе: ахъ! когда оно вырывается отъ души въ стихахъ:

Измѣнилъ ли другъ любезный!
Умеръ ли, ахъ! я умру.

Въ строфѣ, въ которой такъ живо описано возвращеніе воиновъ-побѣдителей въ отеческую страну:

---

*) Онъ вообще непримиримый врагъ простоты; не знаю, какъ ускользнули отъ его критики дышущіе піитической простотою стихи:

Такъ весь день она рыдала,
Божій промыселъ кляла,
Руки бѣлыя ломала,
Черны волосы рвала.
И стемнѣло небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Всѣ къ покою улеглись,
Звѣзды яркія зажглись.

На сраженьи пали шведы,
Туркъ безъ брани побѣжденъ,
И желанный плодъ побѣды,
Миръ Россіи возвращенъ,
И на родину съ вѣнками,
Съ пѣсньми, съ бубнами, съ трубами,
Рать подъ звонъ колоколовъ
Шла почить отъ всѣхъ трудовъ.

Слово: туркъ, которое часто встрѣчается и въ образцовыхъ одахъ Ломоносова, и въ простонародныхъ пѣсняхъ, несносно для вѣрнаго слуха г. рецензента, также и сокращенное: съ пѣсньми. Этому горю можно бы помочь: стоитъ только растянуть слова, но тогда должно будетъ растянуть и цѣлое; тогда исчезнетъ краткость, чрезъ которую описаніе дѣлается живѣе; и вотъ что нужно г. рецензенту: его длиная рецензія доказываетъ, что онъ не изъ краткости бьется. —

Далѣе онъ изволитъ забавляться надъ выраженіемъ: слушай, дочь; — „подумаешь, замѣчаетъ онъ, что мать хочетъ бить дочь.“ Я такъ полагаю, и вѣрно не одинъ, что мать просто хочетъ говорить съ дочерью. —

Еще не нравятся г. рецензенту стихи:

. . . . Въ Украйнѣ дальной,
Если клятвъ нечтя своихъ,
Обошелъ налой вѣнчальный,
Ужъ съ другою твой женихъ.

Онъ находитъ, что проза его гораздо лучше:

Можетъ быть невѣрный
Въ чужой землѣ венгерской
Отрекся отъ своей вѣры
Для новаго брака.

Такъ переводитъ онъ изъ Бюргера; не видно между тѣмъ, почему это хорошо, а русскіе стихи дурны. При-

томъ г. рецензенту никакъ не хочется, чтобъ налой, при которомъ вѣнчаются, назывался налоемъ вѣнчальнымъ. Но онъ часъ отъ часу прихотливѣе: въ иномъ мѣстѣ эпитетъ: слезный ему кажется слишкомъ сухимъ, въ другомъ тонъ мертвеца слишкомъ грубымъ. Въ этомъ однако и я съ нимъ согласенъ: поэтъ неправъ; въ нашъ слезливый вѣкъ и мертвецы должны говорить языкомъ романическимъ. Nous avons tout changé, nous faisons maintenant la médécine d'une méthode toute nouvelle. —

Вотъ какъ въ балладѣ любовникъ-мертвецъ говоритъ съ Ольгой:

„Мы лишь ночью скачемъ въ полѣ;
„Я съ Украйны за тобой:
„Поздно выѣхалъ оттолѣ,
„Чтобы взять тебя съ собой
— „Ахъ, войди, мой ненаглядный
„Въ полѣ свищетъ вѣтеръ хладный;
„Здѣсь въ объятіяхъ моихъ
„Обогрѣйся, мой женихъ!“

*

Пусть онъ свищетъ, пусть колышетъ,
Что до вѣтру мнѣ? пора!
Воронъ конь мой къ бѣгу пышетъ,
Мнѣ нельзя здѣсь ждать утра.
Встань, ступай, садись за мною,
Воронъ конь домчитъ стрѣлою,
Намъ сто верстъ еще: пора
Въ путь до брачнаго одра.

*

— Гдѣ живешь? скажи пелестно:
Что твой домъ? великъ? высокъ?
— Домъ землянка. — Какъ въ ней? — Тѣсно.
— А кровать намъ? — Шесть досокъ.

— Въ ней уляжется-ль невѣста? —
Намъ двоимъ довольно мѣста.

Стихъ: въ ней уляжется-ль невѣста? заставилъ рецензента стыдливо потупить взоры; въ ночномъ мракѣ, когда робость любви обыкновенно исчезаетъ, Ольга не должна дѣлать такого вопроса любовнику, съ которымъ готовится раздѣлить брачное ложе? — Чтожъ ей? предаться тощимъ мечтаніямъ любви идеальной? — Богъ съ ними съ мечтаніями; нынѣ въ какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, пѣснь или посланіе, вездѣ мечтанія, а натуры ни на волосъ.

Ольга встала, вышла, сѣла,
На коня за женихомъ,
Обвила ему вкругъ тѣла
Руки бѣлыя кольцомъ
Мчатся всадникъ и дѣвица
Какъ стрѣла, какъ пращъ, какъ птица,
Конь бѣжитъ, земля дрожитъ,
Искры бьютъ изъ подъ копытъ.

Эта прекрасная строфа сверхъ чаянія понравилась и г. рецензенту; онъ только замѣчаетъ, что поэтъ далъ слову: пращъ значеніе ему несвойственное; — наконецъ, исписавъ 17 страницъ, г. р. дописался до замѣчанія справедливаго. Скажу только, что слово: пращъ въ такомъ смыслѣ, какъ оно принято въ Ольгѣ, находится также въ одномъ мѣстѣ у г. Жуковскаго:

От стука палицъ, свиста пращей,
Далече слышанъ гулъ дрожащій.

Стихотв. Жуковск. Т. I. стр. 107.

Потомъ г. р. отъ нечего дѣлать предлагаетъ нѣсколько вопросовъ для рѣшенья, отъ нечего дѣлать, говорю я: потому что онъ могъ легко бы самъ себѣ на нихъ отвѣчать, напр. въ стихахъ:

Наскакалъ въ стремленьи яромъ
Конь на каменный заборъ
Съ двери вдругъ хлыста ударомъ,
Спали петли и запоръ.

Онъ спрашиваетъ: что такое наскакалъ на заборъ? — Всякій грамотный и неграмотный русскій человѣкъ знаетъ, что наскакалъ на заборъ значитъ — примчался во всю прыть къ забору. — „Съ какой двери, продолжаетъ онъ, спали петли" и пр. — Съ той же, на которую въ переводѣ у г. рецензента: сѣдокъ поскакалъ опустивъ узду. — Далѣе въ стихахъ:

На дыбы конь воронъ взвился,
Дикимъ голосомъ заржалъ,
Стукнулъ въ землю — провалился
И на вѣки съ глазъ пропалъ.

Рецензентъ спрашиваетъ: „съ чьихъ глазъ?" — Такіе вопросы заставляютъ сомнѣваться, точно ли русскій человѣкъ ихъ дѣлаетъ. — Онъ свою рецензію прислалъ изъ Тентелевой деревни с. п. б. губерніи, нѣтъ ли тамъ колонистовъ? не колонистъ ли онъ самъ? — Въ такомъ случаѣ прошу сто разъ извиненія. — Для переселенца изъ нѣмечины, онъ еще очень много знаетъ нашъ языкъ. Но къ концу рецензентъ дѣлается чрезвычайно веселъ. Ему не нравится, что:

Ольга въ страхѣ, безъ ума
Неподвижна и нѣма.

и онъ хочетъ ее уронить. — Да, да! „вѣдь у Бюргера, говоритъ онъ, могла же она упасть и лежать" Надобно ее непремѣнно уронить. Куда дѣвалась ваша стыдливость, г. рецензентъ?

Но за этимъ слѣдуетъ замѣчаніе, которое похоже на дѣло: въ балладѣ адскіе духи припѣваютъ погибшей Ольгѣ:

Съ Богомъ въ судъ нейди крамольно
Скорбь терпи, хоть сердцу больно,
Казнена ты во плоти.
Грѣшну душу Богъ прости.

Точно не шло бы адскимъ духамъ просить Бога о помилованіи грѣшной души, хотя это и у Бюргера такъ, однако три первые стиха по моему болѣе походятъ на злобныя укоризны, на иронію, чѣмъ на проповѣдь, вопреки г. рецензенту; но видно участь моя ни въ чемъ съ нимъ не соглашаться. Его сужденія мнѣ не кажутся довольно основательными, и у меня есть маленькій предразсудокъ, надъ которымъ онъ вѣрно будетъ смѣяться: напр. я думаю, что тотъ, кто взялъ на себя трудъ свѣрять русскій переводъ съ нѣмецкимъ подлинникомъ, долженъ между прочимъ хорошо знать и тотъ и другой языкъ. Конечно г. рецензентъ признаетъ это излишнимъ, ибо кто же свѣдущій въ русскомъ языкѣ переведетъ съ нѣмецкаго:

Rasch auf ein eisern Gitterthor
Gings mit verhängtem Zügel.

Т. е. пустился во весь опоръ на желѣзныя рѣшетчатыя ворота.

Кто переведетъ это такимъ образомъ, какъ г. р.: „быстро на желѣзную рѣшетчатую дверь поскакалъ (сѣдокъ) опустивъ узду.“ Такъ точно французское: ventre à terre, можно перевести брюхомъ по землѣ.

У Бюргера Ленора говоритъ:

Verloren ist verloren.

А Ольга въ русской балладѣ:

Нѣтъ надежды, нѣтъ, какъ нѣтъ.

Рецензентъ кричитъ: „Нѣтъ! не то! не то! не то!“ Надлежало сказать: то, то, именно то, не можетъ быть проще и вѣрнѣе, не можетъ быть иначе. Но если вѣ-

рить г. рецензенту, онъ самъ по себѣ не вооружился бы противъ Ольги, взыскательные, неотвязчивые читатели его окружаютъ. Они заставили его написать длинную критику. Жалѣю я его читателей, но не клеплетъ ли онъ на нихъ? — Въ противномъ случаѣ, зачѣмъ было говорить съ ними такъ темно: „Что касается до меня, то я право ничего бы не нашелъ сказать противъ этихъ стиховъ, кромѣ того, что они такъ сказать нейдутъ въ душу." Такой нескладной отвѣтъ натурально никого не удовлетворитъ: съ неугомонными читателями надобно было поступить простѣе; надобно было сказать имъ однажды навсегда: государи мои! не будемъ толковать о поэзіи, она для насъ мудреная грамота, а примитесь за газеты. Читатели бы отстали, а безполезная и оскорбительная критика въ журналѣ не наполнила бы 22 страницъ.

Но нѣтъ! г. рецензентъ не могъ отговориться; судить криво, бранить, какое невинное удовольствіе! Какъ отказать себѣ въ этомъ! притомъ же писать для того, чтобъ находить одно дурное въ какомъ либо твореніи — подвигъ немноготрудный: стоитъ только запастись бумагой присѣсть и писать до тѣхъ поръ, доколѣ не наскучитъ; надоѣло: кончить, и выйдетъ рецензія въ родѣ той, которая сдѣлана на Ольгу. — Можетъ быть, иные мнѣ невдругъ повѣрятъ; для такихъ опытъ лучшее доказательство.

Переношусь въ Тептелеву деревню, и на минуту принимаю на себя видъ рецензента, на минуту, и то конечно за свои грѣхи, — Около меня лежатъ разныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ, но мнѣ, будто невзначай, попалась въ руки Людмилла. Читаю и на первомъ стихѣ втораго куплета останавливаюсь:

Пыль туманитъ отдаленье.

Можно сказать: пыль туманитъ даль, отдаленность,

но и то слишкомъ фигурно, а отдаленье просто значитъ, что предметъ удаляется; если принять, что пыль туманитъ отдаленье, можно будетъ сказать: что она туманитъ удаленье и приближенье. — Но за симъ слѣдуетъ:

Свѣтитъ ратныхъ ополченье.

Теперь я догадываюсь: отдаленье поставлено для риѳмы. — О риѳма!*) Далѣе:

Гдѣ жъ, Людмила, твой герой? —

Слишкомъ напыщенно.

Гдѣ твоя Людмила радость
Ахъ! прости надежда-сладость.

Надежда-сладость. — Опять таки для риѳмы! Одно существительное сливаютъ съ другимъ, для того чтобъ придать ему понятіе, которое не заключается въ немъ необходимо. Напр.: дѣвица-краса, любовникъ-воинъ, но надежда всегда сладость. — Далѣе мать говоритъ дочери:

Мертвыхъ стонъ не воскреситъ.

А дочь отвѣчаетъ.

. . . .
Не призвать минувшихъ дней
. . . .
Что прошло не возвратимо
. . . .

Мнѣ кажется, что онѣ говорятъ одно и тоже, а намѣреніе поэта заставить одну говорить дѣло, а другую то, что ей внушаетъ отчаяніе. Вообще какъ хорошенько разобрать слова Людмилы, они почти всѣ дышатъ кротостью и смиреніемъ, за что-жъ бы кажется ее такъ

*) Читатели не должны быть въ заблужденіи счетъ сихъ рѣзкихъ замѣчаній: они сдѣланы только въ подражаніе рецензенту Ольги.

жестоко наказывать? Должно думать, что за безразсудныя слова, ибо подъ концемъ усопшихъ хоръ ей завываетъ:

Смертныхъ ропотъ безразсуденъ
Часъ твой билъ — и пр.

Но гдѣ-жъ этотъ ужасный ропотъ, который навлекъ на нее гнѣвъ Всевышняго? Самая богобоязненная дѣвушка скажетъ тоже, когда узнаетъ о смерти своего любезнаго. Царь небесный насъ забылъ, вотъ самое сильное, что у ней вырывается въ горести, но при первомъ призракѣ счастія, когда она мертвеца принимаетъ за своего жениха, ея первое движеніе благодарить за то Бога и вотъ ея слова:

Знать тронулся Царь небесный
Бѣдной дѣвицы тоской! —

Неужели это такъ у Бюргера? Раскрываю Ленору — вотъ какъ она говоритъ съ матерью:

O Mutter, Mutter! was mich brennt,
Das lindert mir kein Sakrament,
Kein Sakrament mag Leben
Den Todten wieder geben.

Извините, г-нъ Бюргеръ! Вы не виноваты! Но возвратимся къ нашей Людмилѣ; она довольно погоревала, довольно поплакала; наступаетъ вечеръ.

И зерцало зыбкихъ водъ
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны.

Облеченны вмѣсто облечены нельзя сказать; это маленькая ошибка противъ грамматики. О грамматика и ты тиранка поэтовъ! Но чу! бьетъ полночь! Къ Людмилѣ крадется мертвецъ на цыпочкахъ, конечно чтобъ никого не испугать.

Тихо брякнуло кольцо,
Тихимъ шопотомъ сказали:
Всѣ въ ней жилки задрожали,
То знакомый голосъ былъ,
То ей милый говорилъ:
Спитъ иль нѣтъ моя Людмилла,
Помнитъ друга иль забыла? и. т. д.

Этотъ мертвецъ слишкомъ милъ, живому человѣку нельзя быть любезнѣе.

Послѣ онъ спохватился и перестаетъ говорить человѣческимъ языкомъ, но все таки говоритъ много лишняго, особливо когда подумаетъ, что ему данъ краткій, краткій срокъ и мигъ страшенъ замедленья.

Мы коней своихъ сѣдлаемъ
Темны кельи покидаемъ.

Такіе стихи:

Хотя и не варяго-росски,
Но истинно немного плоски

и не прощаются въ хорошемъ стихотвореніи.

Поздно я пустился въ путь,
Ты моя — моею будь!

Къ чему приплетенъ послѣдній стихъ?

Способъ, которой употребляетъ мертвецъ, чтобъ уговорить Людмиллу за собою слѣдовать, очень оригиналенъ.

Чу! совы пустынной крики!
. . . .
Ѣдемъ, ѣдемъ. . . . .

Кажется, что крикъ совъ вовсе незаманчивъ и онъ долженъ бы удержать Людмиллу отъ ночной поѣздки. И это чу! слишкомъ часто повторяется;

Чу! совы пустынной крики? —
. . . .

Чу! полночный часъ звучитъ!

. . . .

Чу! въ лѣсу потрясся листъ!

Чу! въ глуши раздался свистъ!

Такія восклицанія надобно употреблять гораздо бережнѣе; иначе они теряютъ всю силу. Но въ Людмиллѣ есть слова, которыя преимущественно предъ другими повторяются. Мертвецъ говоритъ:

Слышишь! пѣнье, брачны лики!
Слышишь! борзый конь заржалъ.

. . . .

Слышишь! конь грызетъ бразды!

А Людмилла отвѣчаетъ:

Слышишь! колоколъ гудитъ!

Наконецъ, когда они всего уже наслушались, мнимый женихъ Людмиллы признается ей, что домъ его гробъ и путь къ нему далекъ. — Я бы напримѣръ послѣ этого ни минуты съ нимъ не остался, но не всѣ видятъ вещи одинаково. — Людмилла обхватила мертвеца нѣжною рукой и помчалась съ нимъ.

Скокомъ, летомъ по долинамъ: —

Дорогой спутникъ ея ворчитъ сквозь зубы, что онъ мертвый и что:

Путь ихъ къ кельѣ гробовой. —

Эта несообразность замѣчена уже рецензентомъ **Ольги**. Но чтожъ? Людмилла вѣрно вскрикнула, обмерла со страху? — Она спокойно отвѣчаетъ:

Что до мертвыхъ? что до гроба?
Мертвыхъ домъ, земли утроба.

Впрочемъ дорогой Людмиллѣ довольно весело; ей встрѣчаются пріятныя тѣни, которыя

Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ,
Въ цѣпь воздушную свились.

И вкругъ ея:

Поютъ воздушны лики,
Будто въ листьяхъ повелики
Бьется легкій вѣтерокъ,
Будто плещетъ ручеекъ.

Потомъ мертвецъ опять сбивается на тонъ аркадскаго пастушка и говоритъ своему коню:

Чую ранній вѣтерокъ. —

Но пусть Людмилла мчится на погибель; не будемъ долѣе за нею слѣдовать.

Чтобъ не нагнать скуки на себя, ни на читателя, сбрасываю съ себя маску привязчиваго рецензента и въ заключеніе скажу два слова о критикѣ вообще. Если разбирать твореніе для того, чтобъ опредѣлить, хорошо ли оно, посредственно или дурно, надобно прежде всего искать въ немъ красотъ. Если ихъ нѣтъ — не стоитъ того, чтобъ писать критику; если-жъ есть, то разсмотрѣть, какого онѣ рода? много ли ихъ или мало? — Соображаясь съ этимъ только, можно опредѣлить достоинство творенія. Вотъ чего рецензентъ Ольги не знаетъ, или знать не хочетъ.

Письмо къ издателю сына отечества,

из Тифлиса отъ 21-го января 1819 года.

Вотъ уже полгода, какъ я разстался съ Петербургомъ; въ нѣсколько дней отъ сѣвера перенесся къ полуденнымъ краямъ, прилежащимъ къ Кавказу, (не мысленно, а по почтѣ: одно другаго побезпокойнѣе!) вдоль по гремучему Тереку вступилъ въ скопище громадъ, на которыя, по словамъ Ломоносова, Россія локтемъ возлегла, но которыя теперь подвинула уже гораздо далѣе. Вокругъ меня неплодныя скалы, надъ головою царь-птица и ястреба, потомки прометеева терзателя; впереди свѣтлѣлись снѣжные верхи горъ, куда я вскорѣ потомъ взобрался, и нашелъ сугробы, стужу, всѣ признаки глубокой зимы, но на разстояніи нѣсколькихъ верстъ суровость ея миновалась: крутой спускъ съ Кашаура ведетъ прямо къ весеннимъ берегамъ Арагвы, оттуда одинъ шагъ до Тифлиса, и я уже четвертый мѣсяцъ какъ засѣлъ въ немъ, и никто изъ моихъ короткихъ знакомыхъ обо мнѣ не хватится, всѣми забытъ, ни отъ кого ни строчки! Стало быть стоитъ только заѣхать за три тысячи верстъ, чтобъ быть какъ мертвымъ для прежнихъ друзей! Я не плачу имъ такимъ же равнодушіемъ, тѣмъ, которыхъ любилъ, бывши съ ними въ одномъ городѣ; люблю и теперь вспоминать проведенное съ ними пріятное время, всегда объ

нихъ думаю, навѣдываюсь у пріѣзжихъ обо всемъ, что происходитъ подъ вашимъ 60 градусомъ сѣверной широты; все, что оттуда здѣсь узнать можно, самыя незначущія мѣлочи сильно дѣйствуютъ на меня, и даже газетныя ваши вѣсти я читаю съ жадностію.

Теперь представьте мое удивленіе: между тѣмъ, какъ я воображалъ себя на краю свѣта, въ уголкѣ, пренебреженномъ просвѣщенными жителями столицы, на дняхъ перебиравши листки **Русскаго Инвалида** въ No. 284 прошедшаго декабря между важными извѣстіями объ американскомъ жаркомъ воскресеньѣ, о безконечномъ процессѣ Фуальдеса, о докторѣ Верлингѣ, бонапартовомъ лейбъ-медикѣ, вдругъ попадаю на статью о Грузіи: стало быть эта сторона не совсѣмъ еще забыта, думалъ я; иногда и ею занимаются, а слѣдовательно и тѣми, которые въ ней живутъ.... И было порадовался, но чтожъ прочелъ? Пишутъ **изъ Константинополя отъ 26 октября, будто бы въ Грузіи произошло возмущеніе, коего главнымъ виновникомъ почитаютъ одного богатаго татарскаго князя.** Это меня и опечалило и разсмѣшило.

Скажите, не печально ли видѣть, какъ у насъ о томъ, что полагаютъ происшедшимъ въ народѣ, намъ подвластномъ, и о происшествіи столько значущемъ, не затрудняются заимствовать извѣстія изъ иностранныхъ вѣдомостей, и не обинуясь выдаютъ ихъ по крайней мѣрѣ за правдоподобныя, потому что ни въ малѣйшей отмѣткѣ не изъявляютъ сомнѣнія, а можно-бъ было кажется усомниться, тѣмъ болѣе, что этотъ слухъ вздорный, не имѣетъ никакого основанія: вѣроятно, что объ истинномъ бунтѣ узнали бы въ Петербургѣ официально, не чрезъ Константинополь. Возмущеніе народа не то, что возмущеніе въ театрѣ противъ дирекціи, когда она даетъ дурной спектакль: оно отзывается во всѣхъ концахъ импе-

ріи, сколько впрочемъ ни обширна наша Россія. И какіе есть татарскіе князья въ Грузіи? Ихъ нѣтъ вопервыхъ, да если-бъ и были здѣсь: что татарскій князь, что нѣмецкій графъ одно и тоже: ни тотъ ни другой не имѣютъ никакого голоса. Я, какъ очевидецъ, и пребывая въ Тифлисѣ уже съ нѣкотораго времени, могу васъ смѣло увѣрить, что здѣсь не только давно уже не было и нѣтъ ничего похожаго на бунтъ, но при твердыхъ и мудрыхъ мѣрахъ, принятыхъ нынѣ правительствомъ, все такъ опокойно и смирно, какъ бы въ землѣ, издавна уже подчиненной гражданскому благоустройству. Вмѣсто прежняго самоуправства, нынѣ каждый по своей тяжбѣ идетъ покорно въ домъ суда и расправы и русскіе гражданскіе чиновники, оберегатели частныхъ правъ, каждаго удовлетворятъ сообразно съ правосудіемъ. На крытыхъ улицахъ базара промышленность скопляетъ множество людей, однихъ для продажи, другихъ для покупокъ; иные брадатые политики, окутанные бурками, въ мѣховыхъ шапкахъ, подъ вечеръ сообщаютъ другъ другу рамбавіи (новости) о томъ, напримѣръ, какъ недавно здѣшнія войска въ горахъ туда проложили себѣ путь, куда конечно никто изъ нашихъ прежде не заходилъ. На плоскихъ здѣшнихъ кровляхъ красавицы выставляютъ передъ прохожими свои нарумяненныя лица, которыя безъ того были бы гораздо красивѣе, и лѣниво грѣются на солнышкѣ, ни сколько не подозрѣвая, что отцы ихъ и мужья бунтуютъ въ Инвалидѣ. Въ караванъ-сарай привозятся предметы тудолюбія, плоды роскоши, получаемые чрезъ Черное море, съ которымъ нынѣ новое ближайшее открыто сообщеніе сквозь Имеретію. Въ окрестностяхъ города виртембергскіе переселенцы безтревожно обстроиваются; зажиточные исчисляютъ, сколько вѣковъ, годовъ и мѣсяцевъ составятъ время, времена и полвремени, проповѣдуютъ Ш*** золотой Іерусалимъ съ жемчужными вра-

тами; недостаточные работаютъ; дѣти ихъ каждое утро являются на улицахъ и въ домахъ съ духовными виршами механика К****, которыхъ никто не слушаетъ, и съ коврижками, которыя всѣ раскупаютъ, и щедро платятъ себѣ за лакомство, имъ на пропитаніе. Вечеромъ въ порядочныхъ домахъ танцуютъ, на сакляхъ (терассахъ), звучатъ въ бубны, и завываютъ пѣсни, очень пріятныя для — поющихъ. Между тѣмъ городъ примѣтно украшается новыми зданіями. Все это, согласитесь, не могло бы такъ быть въ смутное время, когда богатымъ татарскимъ князьямъ пришло бы въ голову возмущать всеобщее спокойствіе.

Не думаю, чтобы поводъ къ распространенію такихъ слуховъ подала прошлогодняя экспедиція командующаго грузинскимъ отдѣльнымъ корпусомъ генерала отъ инфантеріи Ермолова. Вотъ что было: заложена крѣпость на Сунжѣ съ намѣреніемъ пресѣчь шатанія чеченцевъ, которые часто слѣзаютъ съ лѣсистыхъ вершинъ своихъ, чтобы хищничать въ низменной Кабардѣ. Крѣпостныя работы окончены успѣшно и безпрепятственно. Имѣя притомъ въ виду во всѣхъ направленіяхъ расчистить пути среди горъ, въ которыхъ многія мѣста по сіе время для насъ были непроходимымъ блуждалищемъ и разрыть въ множествѣ сокровенныя въ нихъ богатства природы, дано имъ было предписаніе генералъ-маіору Пестелю занять Басилы въ Дагестанѣ. Акушинцы и другіе народы, не уразумѣвъ истинныхъ его намѣреній, испуганные обсѣли сосѣдственныя высоты; когда туда же приступилъ отъ крѣпости Грозной самъ генералъ Ермоловъ, они мгновенно разсѣялись; возбудителямъ этого скопленія дарована пощада, и однимъ словомъ никогда въ тамошнихъ странахъ державная власть нашего государя не опиралась столь надежно на покорствѣ народовъ, какъ нынѣ. Еще нужны труды и подвиги, подобные тѣмъ, которые подъ-

яты здѣшнимъ главноначальствующимъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ управленіе земель и народовъ, ему ввѣренныхъ, и необузданность горцевъ останется только въ разсказахъ о прошедшемъ. Впрочемъ, если и принять въ уваженіе, что экспедиція, о которой я сей часъ упомянулъ, причиною толковъ о мнимомъ грузинскомъ бунтѣ; на что же намъ даны ландкарты, коли въ нихъ никогда не заглядывать? Онѣ ясно показываютъ, что событія съ кавказской линіи также не годится переносить въ Грузію, какъ въ Литву то, что случается въ Финляндіи.

Я бы впрочемъ не взялъ на себя неблагодарнаго труда исправлять газетныя ошибки, если бы обстоятельство, о которомъ дѣло идетъ, не было чрезвычайно важно для меня собственно по мѣсту, которое мнѣ повелѣно занимать при одномъ азіятскомъ дворѣ. Россійская имперія обхватила пространство земли въ трехъ частяхъ свѣта. Что не сдѣлаетъ никакого впечатлѣнія на германскихъ ея сосѣдей, легко можетъ взволновать сопредѣльную съ нею восточную державу. Англичанинъ въ Персіи прочтетъ ту же новость, уже выписанную изъ русскихъ офиціальныхъ вѣдомостей, и очень невинно разскажетъ ее кому угодно въ Таврисѣ или въ Тейранѣ. Всякому предоставляю обсудить послѣдствія, которыя это за собою пловлечь можетъ.

А гдѣ настоящій источникъ такихъ вымысловъ? кто первый ихъ выпускаетъ въ свѣтъ? Какой нибудь армянинъ, недовольный своимъ торгомъ въ Грузіи, пріѣзжаетъ въ Царьградъ и съ пасмурнымъ лицемъ говоритъ товарищу, что тамъ плохо дѣла идутъ. Пріятельское извѣстіе передается другому, который частный ропотъ толкуетъ общимъ цѣлому народу. Третьему не трудно мечтательный ропотъ превратить въ возмущеніе! Такая догадка скоро пріобрѣтаетъ газетную достовѣрность и доходитъ до гамбургскаго корреспондента, отъ котораго ни-

что не укроется, а у насъ привыкли его отъ доски до доски переводить, такъ какъ же не выписать оттуда статьи изъ Константинополя?

Потрудитесь замѣтить почтенному редактору Инвалида, что не всякимъ турецкимъ слухамъ надлежитъ вѣрить, что если здѣшній край въ отношеніи къ вамъ, господамъ петербургцамъ, по справедливости можетъ назваться краемъ забвенія, то позволительно только что забыть его, а выдумывать или повторять о немъ нелѣпости не должно.

Письма и отрывки изъ писемъ.

---

1. Ѳ. В. Булгарину.

„Любезный другъ, Ѳаддей Венедиктовичъ! Прежде всего просьба, чтобы не забыть, а потомъ уже благодарность за дружеское твое вниманіе къ скитальцу въ восточныхъ краяхъ. Пришли мнѣ пожалуйста статистическое описаніе, самое подробнѣйшее, сдѣланное по лучшей, новѣйшей системѣ, какого нибудь округа южной Франціи, или Германіи, или Италіи (а именно Тосканской Области, коли есть, какъ края наиболѣе воздѣланнаго и благоустроеннаго), на какомъ хочешь языкѣ, и адресуй въ канцелярію главнокомандующаго, на мое имя. Очень меня обяжешь; я бы извлекъ изъ этого таблицу не столь многосложную, но по крайней мѣрѣ порядочную, которую бы разослалъ къ нашимъ окружнымъ начальникамъ, съ кадрами, которые имъ надлежитъ наполнить........ При Алексѣѣ Петровичѣ у меня много досуга было, и если я немного наслужилъ, такъ вдоволь начитался. Авось теперь, съ божіею помощію, употреблю это въ пользу. — Стиховъ Жандра въ 1 No. С. О., я нигдѣ не могъ отыскать; ты не прислалъ мнѣ; другіе къ музѣ я, еще не зная чьи они, читалъ здѣсь въ слухъ, у Ховена, и увѣренъ былъ, что это произведеніе человѣка съ боль-

шимъ дарованіемъ. Я надѣюсь, что воротясь изъ похода, какъ нибудь его сюда выпишу. Не могу довольно я отблагодарить тебя за пріятное твое письмо и за присылку журналовъ. Желалъ бы имѣть цѣлаго Годунова. Въ первой сценѣ Бориса мнѣ нравится Пименъ, старецъ. Не ожидай отъ меня стиховъ: горцы, персіяне, турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего начальника, поглощаютъ все мое вниманіе. Ненадолго, разумѣется, кончится кампанія и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда не гожусь: и не моя вина: люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмѣвается, и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему. Я рожденъ для другаго поприща. 1-я глава твоей Сиротки такъ съ натуры списана, что (проста душа моя) невольно подумаешь, что ты самъ когда нибудь валялся съ кудлашкой. Тьфу пропасть! Какъ это смѣшно, и жалко, и справедливо! Многіе просятъ, чтобы ты непремѣнно продолжалъ и окончилъ эту повѣсть.“

2. Г*** Булгариной.

„Прощайте, милый другъ, прощайте! Разстаюсь съ вами на три года, а можетъ быть — навсегда! О Боже! неужели я долженъ навсегда остаться въ странѣ, чуждой моимъ чувствованіямъ! Я еще не теряю надежды укрыться въ вашемъ Карловѣ, отъ всего, что тяготитъ меня въ жизни! Но когда? Еще далеко до этого! Въ ожиданіи, прощайте, и будьте счастливы. С. П. б. 5. іюня 1828.“

3. Ѳ. В. Булгарину.

Ставрополь, 27. іюня 1828.

„Любезнѣйшая Пчела! Вчера я сюда пріѣхалъ съ мухами, съ жаромъ, съ пылью! Пустилъ бы я на свое

мѣсто какого нибудь франта, охотника до почетныхъ назначеній, dendy петербургкаго Bonds-street, Невскаго проспекта, чтобы заставить его душею полюбить умѣренность въ желаніяхъ и неизвѣстность.“

„Здѣсь меня задерживаетъ приготовленіе конвоя. Какъ добрый патріотъ, радуюсь взятію Анапы. Съ этимъ извѣстіемъ былъ я встрѣченъ тотчасъ при въѣздѣ. Нельзя довольно за это благодарить Бога, тому, кто дорожитъ безопасностію здѣшняго края. Въ послѣднее время закубанцы сдѣлались дерзки до сумасбродства, переправились на нашу сторону, овладѣли нѣсколькими постами, сожгли Неудобную, обременили себя плѣнными и добычею. Наши пошли къ нимъ на перерѣзъ, съ 1000 конными и съ 4-мя орудіями, но не поспѣли. Пѣхота стала дѣйствовать отдѣльно, растянулась длинною цѣпью тогда, какъ донской полковникъ Родіоновъ предлагалъ, соединившись, тотчасъ напасть на непріятеля, утомленнаго быстрымъ походомъ. Горцы расположены были таборомъ въ виду, но замѣтивъ несовокупность нашихъ движеній, тотчасъ бросились въ шашки, не дали ни разу выстрѣлить орудію, бывшему при пѣхотномъ отрядѣ, взяли его и перерубили всѣхъ, которые при немъ были, опрокинули его вверхъ колесами, и поспѣшили противъ коннаго нашего отряда. Родіоновъ удержалъ ихъ четырьмя орудіями; потомъ хотѣлъ напасть на нихъ со всѣми казаками линейными и донскими, но не былъ подкрѣпленъ, ударилъ на нихъ только съ горстью донцевъ своихъ, и заплатилъ жизнію за великодушную смѣлость. Ему шашкою отхватили ногу, потомъ пулею прострѣлили шею; онъ свалился съ лошади и былъ изрубленъ. Однако отпоръ этотъ заставилъ закубанцевъ бѣжать отъ Горячихъ водъ, которымъ они угрожали нападеніемъ. Я зналъ лично Родіонова: жаль его, отличный офицеръ, исполинскаго роста и храбрѣйшій. Тѣло его привезли на воды. Посѣтители сло-

жились, чтобы сдѣлать ему приличныя похороны, и провожали его, какъ избавителя, до могилы. Теперь, послѣ паденія Анапы, все перемѣнилось: разбои и грабительства утихли, и тепловодцы, какъ ихъ здѣсь называютъ, могутъ спокойно пить воду и чай. Генералъ Эмануэль отправился въ Анапу, чтобы принять присягу отъ тамошнихъ князей. На дорогѣ съ той стороны Кубани, толпами къ нему выходили на встрѣчу всѣ горскіе народы съ покорностію и подданствомъ. Опять повторяю, что выгоды отъ взятія Анапы неисчислимы....... Прощай. Лошади готовы. Коли къ моему пріѣзду графъ Эриванскій возметъ Карсъ, то это не мало послужитъ въ пользу моего посольства. Здѣсь я уже въ его улусахъ; всѣ меня привѣтствуютъ съ новымъ начальникомъ. Говорятъ, что онъ со всѣми ласковъ, добръ, внимателенъ, и бездну добра дѣлаетъ частнаго и общаго. А у насъ чиновники народъ добрый! Прощай, еще разъ, любезный другъ.“

4. Ѳ. В. Булгарину.

„Ура! любезнѣйшій другъ! мои желанія и предчувствія сбылись. Карсъ взятъ штурмомъ. Читай реляцію и проповѣдуй ее всенародно. Это столько чести приноситъ войску и генералу, что нельзя русскому сердцу не прыгать отъ радости. У насъ здѣсь всѣ отъ славы съ ума сходятъ.“

Вѣрный другъ твой
А. Г.

Владикавказъ,
23. Іюня 1828 г.

5. Ѳ. В. Булгарину.

Бивакъ при Казанчѣ, на турецкой границѣ, 24. іюля 1828.

„Любезный другъ! пишу къ тебѣ подъ открытымъ небомъ, и благодарность водитъ моимъ перомъ; иначе никакъ бы не принялся за эту работу, послѣ труднаго дневнаго перехода. Очень, очень знаю, какъ дѣла мои должны тебѣ докучать. Покупать, заказывать, отсылать!

„Я тебя изъ Владикавказа увѣдомилъ о взятіи Карса. Съ тѣхъ поръ прибылъ въ Тифлисъ. Чума, которая начала свирѣпствовать въ дѣйствующемъ отрядѣ, задержала меня на мѣстѣ; отъ графа Паскевича-Эриванскаго ни слова, и я пустился къ нему наудачу. Въ душной долинѣ, гдѣ протекаютъ Храмъ и Алгетъ, лошади мои стали; далѣе, поднимаясь къ Шулаверамъ, никакъ нельзя было понудить ихъ итти въ гору. Я въ рѣкѣ ночевалъ; разсердился, побросалъ экипажи, воротился въ Тифлисъ, накупилъ себѣ верховыхъ и вьючныхъ лошадей, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ пуститься снова въ путь, а съ поста казачьяго отправилъ депешу къ графу.... Это было 16-го. Въ этотъ день я обѣдалъ у старой моей пріятельницы А...., за столомъ сидѣлъ противъ Нины Чевчевадзевой, все на нее глядѣлъ, задумался, сердце забилось; не знаю, безпокойства ли другаго рода, по службѣ, теперь необыкновенно важной, или что другое, придало мнѣ рѣшительность необычайную: выходя изъ за стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: „venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire!“ Она меня послушалась, какъ и всегда: вѣрно думала, что я ее усажу за фортепіано, — вышло не то. Домъ ея матери возлѣ; мы туда уклонились, вошли въ комнату; щеки у меня разгорѣлись, дыханье занялось; я не помню, что я началъ ей говорить, и все живѣе и живѣе; она заплакала, засмѣялась, потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ, къ ея второй матери Пр. Н.

А....; насъ благословили....; отправилъ курьера къ ея отцу, въ Эривань, съ письмами отъ насъ обоихъ и отъ родныхъ. Между тѣмъ вьюки мои и чемоданы изготовились, все вновь уложено на военную ногу; во вторую ночь я безъ памяти отъ всего, что со мною случилось, пустился опять въ отрядъ, не оглядываясь назадъ. На дорогѣ получилъ письмо летучее отъ графа Паскевича, которымъ онъ меня увѣдомляетъ, что намѣренъ сдѣлать движеніе подъ Ахалкалаки. На самой крутизнѣ Безобдала гроза сильнѣйшая продержала меня всю ночь; мы промокли до костей. Въ Гумрахъ я нашелъ, что уже сообщеніе съ главнымъ отрядомъ прервано. Графъ оставилъ карскій пашалыкъ, и въ тылу у него образовались толпы турецкихъ партизановъ; въ самый день моего прихода была жаркая стычка у Басова черноморскаго полка, въ горахъ за Арпачаемъ. Подъ Гумрами я наткнулся на отрядецъ изъ 2-хъ ротъ Козловскаго, 2-хъ 7-го карабинернаго и 100 человѣкъ выздоровѣвшихъ; все это назначено на усиленіе главнаго корпуса; но не знаю, куда итти; я ихъ тотчасъ взялъ всѣхъ подъ команду, 4-хъ проводниковъ изъ татаръ, самъ съ ними и съ казаками впереди, и вотъ уже второй день веду ихъ подъ Ахалкалаки; всякую минуту ожидаемъ нападенія. Коли въ цѣлости доведу, дай Богъ. Мальцевъ въ восхищеніи: воображаетъ себѣ, что онъ воюетъ.

Въ Гумрахъ же нагналъ меня отвѣтъ отъ князя Чевчевадзева отца изъ Эривани: онъ благословляетъ меня и Нину, и радуется нашей любви. — Хорошо ли я сдѣлалъ? Спроси милую мою В. С. и Андрея. Но не говори Р.: онъ вообразитъ себѣ, что любовь заглушитъ во мнѣ чувство другихъ моихъ обязанностей. Вздоръ. Я буду вдвое старательнѣе служить, за себя и за нее."

6. Ѳ. В. Булгарину.

„Строфы XIII, XIV, XV

. . . .

„Промежутокъ $1\frac{1}{2}$ мѣсяца.

„Дорогой мой Ѳаддей! Я по возвращеніи изъ дѣйствующаго отряда сюда въ Тифлисъ 6-го августа занемогъ жестокою лихорадкою. Къ 22-му получилъ облегченіе. Нина не отходила отъ моей постели, и я на ней женился. Но въ самый день свадьбы, подъ вѣнцемъ уже, опять посѣтилъ меня пароксизмъ, и съ тѣхъ поръ нѣтъ отдыха: я такъ исхудалъ, пожелтѣлъ и ослабѣлъ, что, думаю, капли крови здоровой во мнѣ не осталось.“

7. В. С. М-вой.

Эчмядзинъ, 17. сент. 1828.

„Другъ мой, В. С.! не пеняйте на долгое мое молчаніе, милый другъ! видите ли, въ какую для меня необыкновенную эпоху я его прерываю. Женатъ, путешествую съ огромнымъ караваномъ, 110 лошадей и муловъ; ночуемъ подъ шатрами, на высотѣ горъ, гдѣ холодъ зимній. Нина моя не жалуется, всѣмъ довольна и весела: для перемѣны бываютъ намъ блестящія встрѣчи, конница во весь опоръ несется, пылитъ, спѣшивается и поздравляетъ насъ съ счастливымъ прибытіемъ туда, гдѣ бы вовсе быть не хотѣлось. Нынѣ насъ принялъ весь клиръ монастырскій въ Эчмядзинѣ, съ крестами, иконами и хоругвями, пѣніемъ и проч., и здѣсь, подъ сводами этой древней обители, первое мое помышленіе объ васъ и Андреѣ. Помиритесь съ моею лѣнью.“

„Какъ это все случилось! гдѣ я, что, и съ кѣмъ!!.. Простительно ли мнѣ, послѣ столькихъ опытовъ, столькихъ размышленій, вновь бросаться въ новую жизнь, пре-

даваться на произволъ случайностей, и все далѣе отъ успокоенія души и разсудка! А независимость, которой я также былъ страстный любитель? Исчезла, можетъ быть, навсегда, и какъ ни мило и утѣшительно дѣлить все съ прекраснымъ воздушнымъ созданіемъ, но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди такъ темно, неопредѣленно!! Всегда ли такъ будетъ!! Бросьте вашего Троспера и куперову Prairie! Мой романъ живой у васъ передъ глазами и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лице, другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, но въ быту, въ родѣ жизни, въ различныхъ похожденіяхъ, непохожій на себя прежняго, на прошлогодяго, на вчерашняго даже; съ каждою луною со мною сбывается что нибудь, о чемъ не думалъ, не гадалъ."

8. В. С. М-вой.

Таврисъ, 3. декабря.

„Какъ я себя виню, что не послалъ вамъ написанныхъ этихъ строчекъ три мѣсяца назадъ! Вы бы не сердились на меня, а теперь вѣрно разлюбили, и правы. Не хочу оправдываться. Андрей! ты помоги мнѣ умилостивить нашего общаго друга. Хорошо, что вы меня насквозь знаете, и немного надобно словъ, чтобы согрѣть въ васъ тѣ же чувства, ту же любовь, которыя отъ васъ, моихъ милыхъ, нѣжныхъ друзей я испыталъ въ теченіе столькихъ лѣтъ — и какъ нѣжно и какъ безкорыстно! Вѣрно сами догадаетесь, неоцѣненная В. С., что я пишу къ вамъ не въ обыкновенномъ положеніи души. Слезы градомъ льются...... Неужели я для того рожденъ, чтобы всегда заслуживать справедливые упреки за холодность (и мнимую притомъ), за невниманіе, за эгоизмъ отъ тѣхъ, за которыхъ бы охотно жизнь отдалъ? Александръ нашъ, что долженъ обо мнѣ думать! И это крот-

кое, тихое созданіе, которое теперь отдалось мнѣ на всю мою волю, безъ ропота раздѣляетъ мою участь и страдаетъ самою мучительною беременностію: кто знаетъ, можетъ быть, я и ее оставлю, сперва по необходимости, по такъ называемымъ дѣламъ, па короткое время, но послѣ время продлится, обстоятельства завлекутъ, забудусь, не стану писать; что проку, что чувства мои неизмѣнны, когда видимые поступки тому противорѣчатъ? Кто повѣритъ!“............

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Разныя стихотворенія.

Разныя стихотворенія.

Отъ Аполлона.

На замѣчанье Фебъ даетъ,
Что отъ какихъ-то водъ
Парнасскій весь народъ
Шумитъ, кричитъ и дѣло забываетъ,
И потому онъ объявляетъ,
Что толки всѣ о Липецкихъ водахъ
(Въ укору, въ похвалу и въ прозѣ и въ стихахъ.)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью.

Романсъ.

Изъ водевиля: „Братъ и сестра," соч. князя П. А. Вяземскаго, 1823 г.

Ахъ! точно-ль никогда ей въ персяхъ безмятежныхъ
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не свѣдала тоски, томленій нѣжныхъ?
Еще не знаетъ про любовь?

Ахъ! точно ли никто, счастливецъ, не сыскался
Ей другъ, по сердцу ей, который бы сгаралъ
Въ объятіяхъ ея, въ нихъ нѣгой упивался,
Роскошствовалъ и обмиралъ?

Нѣтъ! нѣтъ! куда влекусь неробкими мечтами!
Тотъ другъ, тотъ избранный, онъ гдѣ-нибудь, онъ есть!
Любви волшебство, рай, восторги, прелесть.... вами,
Нѣтъ! не моей душѣ процвѣсть.

Телешевой.

Въ балетѣ Русланъ и Людмила, гдѣ она является обольщать витязя.

О кто она? — Любовь, харита,
Иль пери, для страны иной
Эдемъ покинула родной,
Тончайшимъ облакомъ обвита —
И вдругъ — какъ вѣтръ ея полетъ!
Звѣздой разсыплется, мгновенно
Блеснетъ, исчезнетъ, воздухъ вьетъ
Стопою, свыше окриленной....
Не такъ ли нашъ лелѣетъ духъ
Отрадное во снѣ видѣнье,
Когда задремлетъ взоръ и слухъ,
Но бодро въ насъ воображенье! —
Улыбка внятная безъ словъ,
Небрежно спущенный покровъ,
Какъ будто влаги обліянье:
Прерывно — персей волнованье,
И томной думы полонъ взоръ:
Созданье высшренняго міра
Скользитъ, какъ по зыбямъ эѳира
Несется легкій метеоръ.

Зачѣмъ манишь рукою нѣжной?
Зачѣмъ влечешь изъ дальнихъ странъ
Пришельца въ плѣнъ твой неизбѣжный,
Къ страданью неисцѣльныхъ ранъ?
Уже не тверды заклинаньемъ
Броня, и шитъ его и шлемъ;
Не истомляй его желаньемъ,
Не сожигай его огнемъ
Въ лицѣ, въ груди горящей страсти,
И нѣгой распаленныхъ чувствъ!
Ахъ, этихъ игръ, утѣхъ, искусствъ
Одинъ ли не признаетъ власти!
Изнеможенный онъ въ борьбѣ
До капли въ душу влилъ отраву,
Себя и честь и долгъ и славу,
Все въ жертву онъ отдалъ тебѣ.

Но сердце! Кто твой восхищенный
Внушаетъ отзывъ? для кого
Порывъ восторга твоего,
Звучанье лиры оживленной?
Властительницы южныхъ странъ,
Чье царство — розъ и пальмъ обитель,
Которымъ эльфъ-обворожитель
Въ сопутники природой данъ,
О нимфы, дѣвы легкокрилы!
Здѣсь жаждутъ прелестей иныхъ:
Рабы корыстныхъ пользъ унылы,
И безразсвѣтны души ихъ.
Пѣвцу красавицъ что въ награду?
Пожнетъ онъ скуку и досаду,
Роптаньемъ струнъ не пробудивъ
Любви въ пустынѣ сей печальной,
Гдѣ сномъ покрыто лоно нивъ
И небо ризой погребальной.

Хищники на Чегемѣ*).

Окопайтесь рвами, рвами,
Отразите смерть и плѣнъ —
Блескомъ ружей, твержей стѣнъ!
Какъ ни крѣпки вы стѣнами,
Мы надъ вами, мы надъ вами!
Будто быстрые орлы,
Надъ челомъ крутой скалы.

Мракъ за насъ ночей безлунныхъ,
Шумъ потока, выси горъ,
Дождь и мгла и вихрей споръ:
На угонъ коней табунныхъ
И овецъ золоторунныхъ,
Гдѣ витаютъ вепрь и волкъ,
Нашъ залегъ отважный полкъ.

Живы въ насъ отцовъ обряды,
Кровь ихъ буйная жива.
Та же въ небѣ синева!
Тѣ же льдяныя громады,
Тѣ же съ ревомъ водопады,
Та же дикость, красота
По ущельямъ разлита.

Наши камни! наши кручи!
Русь! зачѣмъ воюешь ты
Вѣковыя высоты?
Досягнешь ли? вотъ надъ тучей

*) Чегемъ — горная рѣка при сѣверномъ склоненіи Кавказа.

Двувершинный и могучій*)
Рѣжется изъ облаковъ
Надъ главой твоихъ полковъ.

Паръ изъ бездны отдаленной
Вьется по его плечамъ;
Вотъ невидимъ онъ очамъ!
Той же тканію свіенной
Такъ же скрыты мы мгновенно.
Вмигъ явились, мигомъ нѣтъ,
Выстрѣлъ, два, и сгинулъ слѣдъ.

Двиньтесь узкою тропою!
Не въ краю вы селъ и нивъ:
Здѣсь стремнина, тамъ обрывъ,
Тутъ утесъ: берите съ бою!
Камень, сорванный стопою,
Въ глубь летитъ, разбитый въ прахъ;
Риньтесь съ нимъ, откиньте страхъ!

Ждемъ. — Готовы къ новой сѣчѣ.
Но и слухъ о нихъ исчезъ!
Загарайся, древній лѣсъ!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядемъ въ дружномъ вѣчѣ,
И по ряду, дѣлежемъ,
Дѣлимъ взятое ножемъ.

Доли лучшія отложимъ
Нашимъ панцырнымъ князьямъ
И джигитамъ**) узденямъ
Юныхъ плѣнницъ пріумножимъ,

*) Гора Эльборусъ.
**) Джигитъ — значитъ удалецъ.

И кадіямъ, людямъ божьимъ,
Плѣнныхъ отроковъ дадимъ;
(Вѣрой станъ нашъ невредимъ)*)!

Дѣлимъ женамъ ожерелье.
Вотъ обломки хрусталя!
Пьемъ бузу! Стони, земля,
Кликомъ огласись, ущелье!
Падшимъ миръ — живымъ веселье!
Разъ еще увидѣлъ взоръ
Вольный край родимыхъ горъ.

Душа.

Жива ли я?
Мертва ли я?
И что за чудное видѣнье!
Надзвѣздный домъ,
Зари кругомъ,
Раждало міръ мое велѣнье!
И вотъ отъ сна,
Привлечена
Къ землѣ ветшающей и тѣсной.
Гдѣ рой подругъ,
Тма рѣзвыхъ слугъ?
О хоръ воздушный и прелестный!
Нѣтъ! поживу
И на яву

---

*) Вообще магометане стараются обращать въ свою вѣру плѣнныхъ, особливо юношей. Ложная мысль о невредимости стана истреблена побѣдами русскихъ.

Я лучшей жизнію, безпечной:
Туда хочу,
Туда лечу,
Гдѣ надышусь свободой вѣчной!

Востокъ.

Изъ заволжья, изъ роднаго края,
Гости, соколы залетны,
Покручали сумки переметны,
Долги гривы заплетая;
На коняхъ ретивыхъ посадились,
На отъѣздъ перекрестились,
Выѣзжали на широкій путь.
Что замолкли? въ тишинѣ
Что волнуетъ молодецку грудь?
Мысль о дальней сторонѣ?
Ахъ, не тамъ ли воздухъ чудотворный,
Тотъ востокъ, и тѣ сады,
Гдѣ не вихнетъ вѣтерокъ проворный,
Бьютъ ключи живой воды;
Рай-весна цвѣтетъ, не увядаетъ,
Нѣга, роскошь, пиръ въ лѣсахъ,
Солнышко горитъ, не догораетъ
На высокихъ небесахъ!
Теремъ златъ, а въ немъ душа-дѣвица,
Красота, княжая дочь;
Блещетъ взоръ, какъ яркая зарница
Раздираетъ черну ночь.
Если-жъ кровь ея зажжется,
Если вспыхнетъ на лицѣ, —
Позабудь о матери, отцѣ;

Съ кѣмъ душей она сольется
Станомъ гибкимъ, бѣлыми руками
Друга мила обвиваетъ,
Крѣпко жметъ, румяными устами
Жизнь до капли испиваетъ!
Путники! отъ дочери княжой
Отбѣгите неоглядкой!
Молодые! къ сторонѣ чужой
Не влекитесь думой сладкой,
Не мечтайте чародѣйныхъ сновъ!
Тѣхъ земель неправославныхъ
Дивна прелесть и краса луговъ;
Сладки капли росъ медвяныхъ,
Злакъ шелковый, жемчуги въ зернѣ.
Что же видно въ сторонѣ?
Столбъ бѣлѣетъ на степи широкой,
Будто сторожъ одинокій,
Камень! онъ безъ надписи стоитъ:
Темная подъ нимъ могила,
Сирый имъ зашельца прахъ покрытъ.
И его любовь манила;
Чаялъ: „Тутъ весельемъ разольюсь,
Дни на вѣки удолжатся!"
Грѣшный позабылъ святую Русь.....
Дни темнѣютъ, вновь зарятся;
Но ему лучемъ не позлатятся
Изъ-за утреннихъ паровъ
Божьи церкви, градъ родимый, отчій домъ!
Буйно пожилъ вѣкъ, а нынѣ —
Миръ ему — одинъ лежитъ въ пустынѣ,
И никто не поискалъ,
Не нарѣзалъ имени, прозванья
На отломкѣ дикихъ скалъ;
Не творятъ молитвы, поминанья;

Персть забвенью предана;
У одра больнаго пожилая
Не корпѣла мать родная,
Не рыдала молода жена.....

Отрывокъ изъ поэмы „Кальянчи."

(Путешественникъ въ Персіи встрѣчаетъ прекраснаго отрока, который подаетъ ему кальянъ. Странникъ спрашиваетъ, кто онъ, откуда. Отрокъ разсказываетъ ему свои похожденія, объясняетъ, что онъ грузинъ, нѣкогда житель Кахетіи.)

Въ какомъ раю ты, стройный, насажденъ?
Какую влагу пилъ? Какой весной обвѣянъ?
Эйзедомъ ли ты свѣтлымъ порожденъ,
Питомецъ пери, или Джинніемъ взлелѣянъ?
Когда, заботамъ ввѣренный твоимъ,
Приносишь ты сосудъ водовмѣщальный,
И сквозь него проводишь легкій дымъ,
Воздушной пѣною темнѣетъ токъ кристальный,
И ропотомъ манитъ къ забвенью, какъ ручья
Гремучаго потокъ въ зеленой чащѣ!
Чинара трость творитъ жасминной длань твоя
И сахарныя трости слаще,
Когда палимаго ширазскаго листа
Глотаютъ чрезъ нее мглу алыя уста,
Густѣетъ воздухъ, напоенный
Алоэ запахомъ и амброй драгоцѣнной!
Когда-жъ чарующей наружностью своей
Собраніе ты освѣтишь людей —
Во всѣхъ любовь!.... Дервишъ отбросилъ чотки,
Примрачный видъ на радость обмѣнилъ;
Не ты ли въ немъ возжегъ огонь потухшихъ силъ?
Не отъ твоей ли то походки
Его распрямлены морщины на лицѣ

И заиграла жизнь на бывшемъ мертвецѣ?
Властитель твой — онъ сталъ лишь самозванцемъ,
Онъ уловленъ стыдливости румянцемъ,
И кудрей кольцами, по высотѣ раменъ
Влекущихся, связавшихъ душу въ плѣнъ,
И груди нѣжной бѣлизною,
И жилокъ, шолкомъ свитыхъ, бирюзою,
Твоими взглядами, подъ свѣсомъ томныхъ вѣждъ,
Движеньемъ устъ твоихъ невиннымъ, миловиднымъ,
Твоей нескрытою покровами одеждъ,
Джейрана легкостью и станомъ пальмовиднымъ.

Въ какомъ раю ты, стройный, насажденъ?
Эдема-ль влагу пилъ, дыханьемъ розъ обвѣянъ?
Скажи: или отъ пери ты рожденъ,
Иль благодатнымъ Джинніемъ взлелѣянъ?

„На Ріона берегахъ,
Въ дальнихъ я рожденъ предѣлахъ,
Гдѣ горитъ огонь въ сердцахъ
Тверже скалъ окаменѣлыхъ;
Росъ — едва не изъ пеленъ,
Матерью, отцомъ, безвинный,
Въ чужу проданъ, обмѣненъ
За сосудъ цѣненный!
„Чужой человѣкъ! скажи: ты отецъ?
Имѣлъ ли ты чадо отъ милой подруги?
Корысть ли дороже намъ съ сыномъ разлуки?
Отверженъ ли враномъ невинный птенецъ?
„Караванъ съ шелками шелъ,
Съ нимъ ага мой. Я, рабочій,
Глазъ я долго не отвелъ
Съ мѣстъ, виднѣлся гдѣ кровъ отчій;
Съ кровомъ онъ слился небесъ;

Вечерѣло. Сномъ боримы,
Стали станомъ. Теменъ лѣсъ.
Вкругъ огня легли мы.

„Курись, огонекъ! свѣтись, огонекъ!
Такъ свѣтитъ надежда огнемъ намъ горящимъ!
Пылай ты весельемъ окрестъ присѣдящимъ,
Покуда спалишь ты послѣдній пенекъ!

„Спалъ я. Вдругъ взываютъ: „бой!"
Въ ста мѣстахъ сверкаетъ зелье;
Сѣчей, свистомъ пуль, пальбой
Огласилось все ущелье.
Притаился въ глубь межи
Я, и всѣ туда-жъ влекутся.
Слышно — кинулись въ ножи —
Безотвязно бьются!

„Затихло смятенье — сѣчѣ конецъ.
Вблизи огня брошенъ былъ трупъ, обезглавленъ,
На взоръ его мертвый былъ взоръ мой уставленъ,
И чья же глава та!... О горе!..... Отецъ!....

„Но могучею рукой
Былъ оторванъ я отъ тѣла.
„Будь онъ проклятъ, кровный твой!"
Вслухъ мнѣ клятва загремѣла —
„Твой отецъ разбойникъ былъ"...
И въ бодцѣ, ремнемъ увитомъ,
Казнь сулятъ, чтобъ слезъ не лилъ
По отцѣ убитомъ!

„Заря занялася. Я въ путь увлеченъ.
Родитель, ударомъ погибшій безславнымъ,

Лежать остается — онъ веприямъ дубравнымъ,
Орламъ плотояднымъ на снѣдь обреченъ!

„Вышли мы на широту
Изъ тѣснинъ, гдѣ шли доселѣ,
Всю творенья красоту
Въ пышной обрѣли Картьелѣ.
Вкругъ излучистой Куры
Яснымъ днемъ страна согрѣта,
Всѣ разсыпаны цвѣты
Щедростію лѣта.

Эпиграмма.

(неоконченная.)

И сочиняютъ врутъ, и переводятъ врутъ!
Почто же врете вы, о дѣти? Дѣтямъ прутъ!
Шалите риѳмами, нанизывайте стопы,
Ужъ такъ и быть, но вы ругаться удальцы....
....

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Театръ.

5

Молодые супруги.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Эльмира . . . . Г-жа Семенова б.
Аристъ . . . . Г. Сознацкій.
Сафиръ . . . . Г. Брянскій.

Гостиная въ Аристовомъ домѣ.

Явленіе I.

Аристъ, входитъ.

Сего дня завернулъ некстати я домой:
Придется утро все бесѣдовать съ женой.
Какія странности! люблю ее, по-чести,
Межъ-тѣмъ пріятнѣе когда мы съ ней невмѣстѣ.
Однако впервые не мною найдено,
Что вскорѣ надоѣстъ одно и все одно.

Явленіе II.

Аристъ и Эльмира, въ простомъ утреннемъ платьѣ.

Эльмира.

А здравствуй милый мой, здоровъ ли?

Аристъ.

По-немногу.

А ты здорова ли мой другъ?

Эльмира.

Я слава Богу.

Аристъ, въ сторону.

Веселый разговоръ. (вслухъ.) Скажи, ужли опять
Ты не намѣрена сегодня выѣзжать?
Какъ въ заперти пробыть весь день — не понимаю.

Эльмира.

Свой домъ всѣмъ прочимъ я домамъ предпочитаю.

Аристъ.

Но прежде отчего ѣзжала всюду ты?
И нынѣ способы къ тому не отняты.

Эльмира.

Веселость свѣтская меня къ себѣ манила,
Когда я дней моихъ тебѣ не посвятила;
Большой же нынѣ свѣтъ мнѣ сталъ казаться малъ.

Аристъ.

Но отчего же я отъ свѣта не отсталъ,
А дорожу тобой все болѣе и болѣ?

Эльмира.

Пожалуй, выѣзжать я буду поневолѣ,

Аристъ.

При томъ и не видать въ тебѣ талантовъ тѣхъ,
Которыми сперва обворожала всѣхъ.
Повѣрь, со стороны объ этомъ думать можно,
Что свѣтскихъ дѣвушекъ образованье ложно,
Невинный вымыселъ, уловка матерей,
Чтобы избавиться отъ зрѣлыхъ дочерей;
Безъ мыслей матушка проронитъ два, три слова,
Что дочька будто ей даритъ рисунокъ новый;
Едва льзя выпросить на диво посмотрѣть.
Выносятъ наконецъ ландшафтъ или портретъ,
Съ восторгомъ всѣ кричатъ: возможно-ль, какъ вы скромны! —
А чай работали художники наемны.
Потомъ красавица захочетъ слухъ прельщать, —
За фортепьяны; тутъ не смѣютъ и дышать,

Дивятся, ахаютъ рукѣ столь бѣглой, гибкой,
Межъ-тѣмъ учитель ей подлаживаетъ скрыпкой;
Потомъ влюбленнаго какъ въ сѣти завлекли,
Въ загонѣ живопись, а инструментъ въ пыли.
Все это сказано межъ нами не для ссоры.

Эльмира.

Заслуживаю-ль я подобные укоры?
Я думала къ пѣнью прошла моя пора;
Въ угодность же тебѣ я буду пѣть съ утра,
На балѣ проведу всю ночь.

Аристъ.

Забудемъ это,
Помыслимъ о другомъ. — Уже подходитъ лѣто,
Какія мѣры брать располагаешь ты?

Эльмира.

Какія могутъ быть тобою приняты.

Аристъ.

Оставимъ городской шумъ вѣчный, пыль и сплетни,
На дачѣ проведемъ мы ясные дни лѣтни.

Эльмира.

Пожалуй.

Аристъ.

Но боюсь, нескроменъ сей пріютъ!
Непрошеные насъ близь города найдутъ;
Притомъ сосѣдство тамъ ужасно какъ наскучитъ.

Эльмира.

Куда-жъ поѣдемъ мы?

Аристъ.

Меня страхъ это мучитъ.
Въ скитаньяхъ провести намъ лѣто какъ нибудь.

Эльмира.

На все согласна я.

Аристъ.

Куда-жъ направимъ путь, —
Въ Крымъ или на Кавказъ?

Эльмира.

Куда тебѣ угодно.

Аристъ.

Куда угодно мнѣ — вотъ это безподобно!
Я мнѣніе твое желаю знать давно,
Чего-бъ хотѣла ты?

Эльмира.

Мнѣ право все равно.

Аристъ.

Такъ видно далѣе не ѣхать намъ заставы.

Эльмира.

Вездѣ, гдѣ вмѣстѣ мы, мнѣ радость и забавы!
Я, право, завсегда стараюсь угадать
Все то, что мысленно ты можешь пожелать.

Аристъ.

И я признателенъ.

Эльмира.

Нѣтъ! я-такъ замѣчала,
Что скучно все тебѣ.

Аристъ.

Мнѣ скучно?

Эльмира.

Да.

Аристъ.

Нимало.

Эльмира.

По крайнѣй мѣрѣ мнѣ казалось иногда,
Что сидя ты со мной невдухъ....

Аристъ.

Никогда.

Эльмира.

О если-бъ ложныя мнѣ видѣлись примѣты!

Аристъ.

Я радъ съ тобою быть;.... однако гдѣ газеты?
(Въ сторону).
Надъ ними все-таки пристойнѣе зѣвать.

Эльмира.

Онъ занятъ чтеніемъ, — мнѣ тоже книгу взять.

Явленіе III.

Прежніе и Сафиръ.

Сафиръ.

За чтеньемъ мужъ съ женой, — видъ важный и степенный!
Примѣрная чета! божусь, неоцѣненно.

Аристъ.

Ахъ! какъ ты милъ Сафиръ, что вспомнилъ обо мнѣ:
Мы утро цѣлое съ женой наединѣ.

Сафиръ.

Непозволительно и утренней порою
Скучать, любезный мой, съ супругой молодою.

Эльмира.

Мой мужъ вѣдомостьми былъ занятъ, а не мной.

Аристъ.

Что рано съ балу такъ уѣхалъ ты домой?
Досадно, по тебѣ мы поздо спохватились.

Сафиръ.

Я крѣпко задремалъ.

Аристъ.

А мы такъ все рѣзвились.
Въ Аглаю знаешь какъ Сердаликовъ влюбленъ?
Я настоялъ на томъ, чтобы взбѣсился онъ:
Съ Аглаей все шепталъ и танцовалъ нарочно;
А онъ краснѣлъ, блѣднѣлъ, дрожалъ, ворчалъ, ну точно
Не разъ обманутый ревнивый на часахъ.

Сафиръ.

Съ Аглаей всякому легко быть въ дуракахъ.

Аристъ.

Вездѣ, гдѣ только балъ, она необходима.

Эльмира, въ сторону.

А я здѣсь лишняя. (Уходитъ).

Явленіе IV.

Аристъ и Сафиръ.

Сафиръ.

Теперь объ этомъ мимо;
Въ присутствіи жены по осторожней будь.
Ба! да она ушла.

Аристъ.

Богъ съ ней, счастливый путь.

Сафиръ.

Не совѣстно-ль тебѣ съ женою столько нѣжной,
Вести себя, какъ ты, такъ сухо, такъ небрежно?

Аристъ.

Да, очень совѣстно, пожалуй побрани.

Сафиръ.

Въ уединеніи она проводитъ дни,
До утра твоего ждетъ съ бала возвращенья.

Аристъ.

А мнѣ что за нужда? какія утѣшенья!
Что съ ней я, что одинъ, не все ли мнѣ равно?
Хожу по комнатѣ, глазѣю съ часъ въ окно;
Скажу ей что нибудь — она мнѣ потакаетъ,
И рѣчь въ устахъ моихъ не кончась замираетъ.
У насъ съ Эльмирою эмблемой приняты
Не розаны, мой другъ, а маковы цвѣты.

Сафиръ.

И тягостно тебѣ согласіе домашне?

Аристъ.

Да, сударь, тягостно согласіе всегдашне.
Зачѣмъ она молчитъ и убѣгаетъ свѣтъ?
Причиной спѣсь, иль лѣнь; ума въ ней что ли нѣтъ?
О! пропасть въ ней ума; но кто про это знаетъ?
И дарованій тьма, — она ихъ всѣ скрываетъ;

Прекрасная собой, — одѣта не къ-лицу!....
Я впрямъ былъ внѣ-себя, когда мы шли къ вѣнцу,
Какъ въ первый разъ меня Эльмира обнимала!....
Нѣмыя ласки тѣ божественны сначала,
А въ продолженіи весьма надоѣдятъ.

Сафиръ.

Иной подумаетъ, что ты давно женатъ.

Аристъ.

По справедливости, три мѣсяца — три вѣка!...
Съ Эльмирой можно близь тѣнистаго просѣка,
Подъ свѣсомъ липовымъ, на бархатномъ лужку
Любиться, нѣжиться, какъ надо пастушку,
И таить весь свой вѣкъ въ безмолвьи неразлучно.
Все это весело въ стихахъ, а впрочемъ скучно.

Сафиръ.

Ты правъ, на-что она скромна, тиха, мила;
Нѣтъ, лучше чтобъ она кокеткою была.

Аристъ.

Кокетка, знаешь ли, ужасно только слово.

Сафиръ.

Кромѣ значенія нѣтъ ничего худаго.

Аристъ.

Пусть ищетъ нравиться моя Эльмира всѣмъ,
Но любитъ лишь меня, и я доволенъ тѣмъ.

Сафиръ.

Ахъ! убѣгая разъ она домашней сени,
Тобою занята гораздо будетъ менѣй;
Потомъ, какъ врозь она привыкнетъ быть съ тобой,
Немудрено, что ей понравится другой.
Потомъ — какъ раза два она тебя обманетъ,
Глядь, въ очередь свою виновный охать станетъ.

Аристъ.

Мой будущій удѣлъ я знаю напередъ;
Въ нашъ вѣкъ степенница по свадьбѣ черезъ годъ

Беретъ любовника; — единобразье скучно,
И мужъ на то глядѣть обязанъ равнодушно.
Все это сбыточно, все это быть должно
Со мною, какъ съ другимъ, — такъ разъ заведено.
Однако до тѣхъ-поръ хотѣлъ бы я въ Эльмирѣ
Всѣ видѣть способы искуства, средства въ мірѣ,
Рядиться, нравиться, пріятной, ловкой быть,
А болѣе еще, чтобъ таковой прослыть:
Чтобъ рой любовниковъ при ней былъ ежечасно,
Но ею презрѣнный, рой жалкій и несчастный!
А я бы думать могъ, на этотъ рой смотря:
Старайтесь кругъ ее, а наслаждаюсь я!

Сафиръ.

Рябячество, мой другъ, ребячество большое;
И скрашивать на-что сужденіе пустое?
Скажи, что молодъ ты супругомъ путнымъ быть,
Не въ-силахъ качества жены своей цѣнить.

Аристъ.

Любовь моя къ женѣ родъ страсти, обожанье!....
Постой, да нынѣ мнѣ назначено свиданье.
Прощай, любезный мой.

Сафиръ.

Съ Аглаей?

Аристъ.

Точно такъ.

Сафиръ.

Ну можно-ль предпочесть ее женѣ?

Аристъ.

Никакъ.

Я знаю, что женѣ супруги должность свята,
А у вертушкѣ той я можетъ быть десятый;
Но съ нею въ забытьи я время провожу,
Съ женою-жъ разговоръ едва ли нахожу;
И наконецъ тебѣ довѣрить можно смѣло,

Что нынѣ какъ въ судѣ мое рѣшаютъ дѣло,
И можетъ приберутъ имѣніе къ рукамъ,
Я, вмѣсто чтобъ скакать по стряпчимъ, по судамъ,
Платить и кланяться, къ прелестницѣ поѣду,
А ты покуда здѣсь останься, проповѣдуй!

(Уходитъ.)

Сафиръ.

Поди, сударь, къ женѣ. — Вотъ сущій вѣтрогонъ!
Чему-жъ дивиться намъ, что мало вѣрныхъ женъ.

Явленіе V.

Сафиръ и Эльмира, одѣтая съ большимъ вкусомъ, чѣмъ прежде.

Эльмира.

Мнѣ споры ваши всѣ изъ спальной были слышны.
Къ увѣщеванію слова, труды излишни,
И горести мои извѣстны вамъ однимъ.
Я опасалась въ нихъ довѣриться роднымъ,
Чтобъ не доставить тѣмъ худой Аристу славы.

Сафиръ.

Онъ виноватъ кругомъ, но вовсе ли вы правы?

Эльмира.

Ужъ вы все знаете, судите вы меня.
Съ тѣхъ поръ, какъ я за нимъ, доселѣ, не смотря
На частыя его отсутствія, холодность,
Я дѣлаю ли что Аристу въ неугодность?
Противурѣчу ли, мѣшаю-ль въ чемъ нибудь?
Иль жалуюсь когда, ропщу? Ахъ! нѣтъ, отнюдь;
Я одобряю все, что нужнымъ онъ находитъ,
Не спрашиваю, гдѣ онъ дни свои проводитъ;
Чтобъ ни задумалъ онъ, я передъ нимъ молчу
И воли собственной имѣть я не хочу.
Вотъ всѣ вины мои.

Сафиръ.

И что же? очень худо.
Гдѣ нѣтъ взаимности, раждается остуда;
Ее же претворитъ одинъ мертвящій взоръ,
Любовь въ раскаянье, согласіе въ раздоръ
И цѣпь цвѣточную въ желѣзныя оковы;
Примѣры этому и многи и не новы.

Эльмира.

И такъ не должно мнѣ покорной мужу быть?

Сафиръ.

Нѣтъ, дайте мнѣ сполна вамъ это объяснить.
Тотъ мужъ, мы напримѣръ какимъ Ариста знаемъ,
Увѣренный, что онъ женою обожаемъ,
Что ясныхъ дней его ничто не помрачитъ,
Въ безпечности благой живетъ какъ сибаритъ;
Всеедневны ласки онъ съ холодностью пріемлетъ;
Взаимность райская утихнетъ и задремлетъ;
Ему ничто не впрокъ, и чуждъ сердечный страхъ.
Нѣтъ! постарайтесь быть хотя въ его глазахъ
Вы легкомысленнѣй и больше прихотливы;
Увидите, какой онъ будетъ боязливый.
Едва опомнится, что можетъ потерять
Блаженство, коимъ сталъ онъ такъ пренебрегать,
Съ супругой-ангеломъ въ любви минутахъ тайныхъ,
Онъ въ заблужденіяхъ раскается случайныхъ,
И образумясь, вамъ покоренъ будетъ вновь.

Эльмира.

Не послушаніе мнѣ нужно, а любовь.

Сафиръ.

Но возвратить ее нѣтъ способа другова.

Эльмира.

Хоть нынѣ умереть я за него готова.

Сафиръ.

Не надо умирать; приличнѣй средство есть,
Чтобъ чувства прежнія Ариста вамъ обрѣсть.

Эльмира.

И способъ случай мнѣ давно къ тому доставилъ:
Мой мужъ въ разсѣяньи, дѣла свои оставилъ,
Но я за нихъ взялась, радѣла какъ могла,
У должностныхъ людей по цѣлымъ днямъ была,
На малу опытность мою съ прискорбьемъ глядя,
Мнѣ руку помощи въ томъ подавалъ мой дядя.
У мужа тяжба есть по дѣлу одному,
И производится невѣдомо ему.
Хотя на сторонѣ его и справедливость,
Въ неправоту ему вмѣнили-бъ нерадивость.
Я не щадила просьбъ, подарковъ и хлопотъ.
Сегодня жданный день рѣшенья настаетъ.
Я ѣду, чтобъ узнать успѣшно-ль окончанье;
Увидитъ пусть Аристъ мое объ немъ старанье.

Сафиръ.

Возможно-ль, чтобъ онъ былъ неблагодаренъ вамъ?
Вы болѣе объ немъ печетесь, чѣмъ онъ самъ,
Но, ахъ!...

Эльмира.

Докончите, я вамъ охотно вѣрю.

Сафиръ.

Вы возвратите-ль симъ любви его потерю?
Конечно, скажетъ онъ, и скажетъ цѣлый свѣтъ:
Что дивныхъ качествъ вы, что вамъ подобной нѣтъ,
Что дѣлаете честь вы рѣдкихъ женъ сословью.
Почтенье не всегда сопряжено съ любовью.

Эльмира.

Или намѣрены меня вы убѣдить,
Что нѣтъ возможности мнѣ мужу угодить;
Что сердца я его лишаюсь невозвратно.

Такъ! должно вѣрить мнѣ сему, хоть непріятно.
Онъ вовсе дѣйствуетъ тѣмъ чувствамъ вопреки,
Являлъ которыя искавъ моей руки.
Въ тѣ дни, что для меня такъ памятны такъ сладки,
Онъ все любилъ во мнѣ — и даже недостатки.

Сафиръ.

О! въ этомъ нечего меня вамъ увѣрять!
Какъ васъ не полюбить? вамъ суждено плѣнять.
Но узниковъ своихъ чтобъ пріучить къ неволѣ,
На то потребно средствъ еще гораздо болѣ;
Онѣ, сударыня, для васъ не мудрены;
Зачѣмъ обросили свои таланты вы?
Искусствомъ нравиться пренебрегать не надо.
Вы хороши собой хотя и безъ наряда;
Но что вы, какъ теперь, одѣты не всегда.
Зачѣмъ не ѣздите въ собранья иногда,
Которыхъ можете быть первымъ украшеньемъ?
Тамъ возбужденныя правдивымъ восхищеньемъ
Хвалы, съ которыми къ вамъ всякой поспѣшитъ,
Ручаюсь, что Аристъ ихъ дорого цѣнитъ.

Эльмира.

Ужели кисея, надѣтая удачно,
Ему замѣнитъ взоръ мой ласковый, безмрачный?
Ужель неискренній восторгъ, похвальный бредъ,
Который такъ легко всѣмъ удѣляетъ свѣтъ,
Захочетъ онъ сравнять съ горячностію тою,
Съ которой можетъ онъ быть мной любимъ одною.

Сафиръ.

О нѣтъ! конечно нѣтъ; но видя каждый разъ
Вездѣ угодниковъ, вздыхателей кругъ васъ,
Самъ будетъ угождать, къ своему привыкнетъ дому,
Чтобъ сердца вашего не уступить другому.

Эльмира.

Довольно; вѣрьте мнѣ, что до минуты сей

Скрывалась дома я, таилась отъ людей
Но для того, чтобъ быть мнѣ отъ другихъ отличной, —
Любить веселье мнѣ подобно всѣмъ прилично: —
Утѣхи, счастіе, всѣхъ радостей соборъ
Въ Аристѣ мнѣ одномъ мечтались до сихъ-поръ.
Онъ насмѣхается надъ чувствами моими.
Съ теперешней поры и ея прощаюсь съ ними:
Родъ жизни я моей перемѣняю весь;
И съѣздовъ ежели у насъ не будетъ здѣсь,
То цѣлый день и ночь искать ихъ буду въ чужѣ.

Сафиръ.

Вотъ удивите вы весь свѣтъ!

Эльмира.

Такъ удивлю же.

Сафиръ.

И симъ поддержите честь пола своего.
Я знаю, женщинамъ нѣтъ легче ничего,
Какъ премѣнять свой видъ, и даже свойства, мнѣнья...
Но кстати, вы теперь начните превращенья:
Съиграйте что нибудъ и спойте въ добрый часъ;
Пусть музы, Аполлонъ, и, словомъ, весь Парнасъ
Благопріятствуютъ успѣшному началу.

Эльмира.

Давно не пѣла я.

Сафиръ.

Попробуйте.

Эльмира.

Пожалуй.

(Садится за фортепіано и поетъ).

1.

Боги! Лида унывая
Въ грусти вопіетъ своей:
Ахъ! красавица какая
Въ мирной есть долинѣ сей,

Что отъ жалкой Лиды кроясь
Разлучаетъ съ милымъ насъ!
Иль она венеринъ поясъ
Получила въ даръ отъ васъ?

*

Пристойнѣе бы мнѣ совсѣмъ не начинать.

Сафиръ.

И таковой талантъ вы можете скрывать?
Какъ дурно скромничать не къ-мѣсту. ---
Продолжайте.

Эльмира.

Смотрите-жъ, за-глаза меня не осуждайте.

2.

Вдругъ, какъ вѣтерокъ привѣя,
Лель ей на ушко шепнулъ:
Ты пастушекъ всѣхъ милѣе!
Но Филонъ едва вздохнулъ,
Отъ тебя все получаетъ;
Для того не ищетъ вновь:
Гдѣ желанье умолкаетъ,
Умолкаетъ и любовь.

*

Что ежели Аристъ пришелъ бы сей порой?

Сафиръ.

Не знаю, чтобы онъ, а я ужъ самъ несвой!

Явленіе VI.

Эльмира, Сафиръ и Аристъ входитъ и останавливается въ дверяхъ.

3.

И подшедъ Филонъ къ прекрасной,
Ей не встрѣченъ въ первый разъ;
Проситъ поцѣлуй напрасно:

За отказомъ въ-слѣдъ отказъ;
Въ просьбахъ и сопротивленьи
Длится нѣги сладкій часъ,
И любовникъ въ упоеньи
Счастливъ — будто въ первый разъ.

*

Ей-богу, ваше мнѣ сужденіе опасно.

Аристъ.

Неподражаемо! божественно! прекрасно!

Эльмира.

Я не замѣтила тебя; давно-ль ты здѣсь?

Аристъ.

Чтожъ дѣлать, гдѣ талантъ, бываетъ также спѣсь.
Но чьимъ обязанъ я всесильнымъ убѣжденьямъ?
Кто приманилъ тебя къ забытымъ упражненьямъ?
Ты думала-ль меня пріятно удивить?

Эльмира.

О! благодарностью ты можешь не спѣшить:
Вотъ упросилъ меня.

Аристъ.

Сафиръ?

Эльмира.

Да, онъ.

Аристъ.

Измѣна!
Я сколько приставалъ и падалъ на колѣна,
И все не могъ тебя на это преклонить.

Эльмира.

Какъ-будто бы мужья умѣютъ попросить;
Ихъ просьба на приказъ ужасно какъ походитъ,
А повелѣніе до сердца не доходитъ.

Сафиръ.

Аристъ! тебѣ урокъ.

Аристъ.

Старательный уборъ,
А принужденія не замѣчаетъ взоръ;
Платочикъ на груди какъ вѣтерокъ навѣянъ.

Эльмира.

Я ѣхать собралась.

Аристъ.

Ты ѣдишь?

Эльмира.

Въ магазинъ.

Аристъ.

И въ магазинъ?

Эльмира.

Да.

Аристъ.

Не вѣрю я ушамъ.

Эльмира.

Тьму разныхъ мелочей я заказала тамъ,
И надо кое-что для нынѣшняго балу.

Аристъ.

Для балу?

Эльмира.

Точно такъ.

Аристъ.

Но объяснись пожалуй,
Пустынническій духъ ужели впрямь изчезъ?
Тебя ли слушаю? Давно ли до небесъ
Уединеніе ты мнѣ превозносила?

Эльмира.

И это помнишь ты? я право позабыла.

Аристъ.

Забыла правила любимы черезъ часъ?
И вотъ, о женщины! не обижая васъ,
Вотъ та, которая изъ самыхъ постоянныхъ!

Эльмира.

Ты первый недругъ былъ всѣхъ этихъ правилъ странныхъ;
Сафиръ противу ихъ меня охолодилъ.

Аристъ.

И все-таки Сафиръ.

Эльмира.

Тебѣ онъ угодилъ:
Онъ сдѣлалъ, что твои уважила я мнѣнья;
Ты вѣрно очень радъ?

Аристъ, сухо.

Я нѣмъ отъ восхищенья.
Да какъ послушалась сафировыхъ ты словъ
Такъ скоро, — невзначай?

Эльмира.

И безъ большихъ трудовъ,
Мнѣ перестали быть тѣ общества противны,
Гдѣ предвѣщаетъ онъ веселья непрерывны;
Гдѣ можно нравиться легко въ моихъ лѣтахъ.
Нѣтъ! больше не сижу я въ четырехъ стѣнахъ.
Пускай къ разсѣянью кто нову страсть осудитъ:
Сафиръ ее внушилъ и отвѣчать онъ будетъ.

Сафиръ.

За что такая честь! я право ужъ боюсь,
Что краснорѣчіемъ невольно возгоржусь.

Эльмира.

Недаромъ — въ полчаса вы совершить умѣли
То, въ чемъ бы во сто лѣтъ другіе не успѣли

Аристъ.

Завиденъ тотъ, кому даръ слова данъ такой
Такъ вмѣстѣ на вечеръ поѣдимъ мы съ тобой.

Эльмира.

И нѣтъ! тамъ многіе, въ сужденьи тороплнвы,
Безвинно посвятятъ тебя въ мужья ревнивы,
Или найдутъ, что мы какъ пара голубковъ;

Я-жъ отъ двусмысленныхъ шептаній, полусловъ
Старалась по-сихъ-поръ быть сколько можно далъ.

Аристъ.

Какъ! если вмѣстѣ мы покажемся на балъ,
Двусмысленно о томъ свѣтъ будетъ говорить?
Мнѣ все двусмысленнымъ ужъ начинаетъ быть.

Эльмира.

Сафиръ! еще совѣтъ: какого лучше цвѣту
Купить бы шляпку мнѣ?

Сафиръ.

Малиноваго.

Аристъ.

Нѣту,
По-мнѣ небеснаго.

Эльмира.

Нѣтъ, нѣтъ!

Аристъ.

А почему?

Эльмира.

Не вѣрю иногда я вкусу твоему.

Аристъ.

Подписанъ приговоръ! мой вкусъ уже порочен!

Эльмира.

Порочен не скажу, а перемѣнчивъ очень.
Но съ вами нехотя я время упущу,
Прощайте; ежели найду чего ищу,
Я буду истинно довольна и счастлива.
Сафиръ! желайте мнѣ успѣха.

(Уходитъ.)

Явленіе VII.

Аристъ и Сафиръ.

Аристъ.

Что за диво!

Сафиръ.

Каковъ съ Аглаей ты? — Она тебя нашла,
Иль ты ее сыскалъ?

Аристъ, не внимая ему.

При всемъ томъ какъ мила!

Сафиръ.

Надѣюсь, для тебя всего милѣе свѣта.
Увы! надолго ли?

Аристъ.

Какъ хорошо одѣта!

Сафиръ.

О этимъ славится не безъ причинъ она;
Что болѣе въ ней есть?

Аристъ.

Жива, ловка, умна!

Сафиръ.

Пріятно сладостныхъ часовъ воспоминанье!
А гдѣ произошло съ любезною свиданье?
Что сдѣлалось съ тобой? какъ ты задумчивъ.

Аристъ.

Да,
Я таковой ее не видѣлъ никогда!

Сафиръ.

Вскружила голову тебѣ совсѣмъ Аглая
Скажи по совѣсти?

Аристъ.

Охъ, братецъ, нѣтъ, другая.

Сафиръ.

Другая уже? я какъ вкопаный стою!

Аристъ.

Да, я влюбился вновь.

Сафиръ.

Въ кого?

Аристъ.

Въ жену мою.

Сафиръ.

Вотъ новости еще!

Явленіе VIII.

Прежніе и Эльмира.

Эльмира.

Какъ-будто это надо,
Чтобъ именно со мной тутъ встрѣтилась досада,

Аристъ.

А что случилось?

Эльмира.

Что? вы-бъ это не снесли.

Аристъ.

Быть можетъ; но скажи...

Эльмира.

Вы бы съ ума сошли.

Аристъ.

Я вѣрю, но скажи, въ чемъ происходитъ дѣло?

Эльмира.

Ужели о пустомъ я такъ бы зашумѣла.

Аристъ.

Печальное пришло извѣстье?

Эльмира.

Охъ, не то!

Мнѣ плакать хочется.

Аристъ.

Не умеръ ли ужъ кто?

Эльмира.

Не можетъ развѣ быть несчастія инова?

Аристъ.

Да что же сдѣлалось?

Эльмира.

Карета не готова.

Аристъ.

Загадки этой я не разрѣшилъ бы въ-вѣкъ.

Эльмира.

Васъ это веселитъ, счастливый человѣкъ!
Въ забаву для себя все обратить умѣетъ.
Но если новое мнѣ платье не поспѣетъ,
То я не знаю въ чемъ уже на балъ быть.

Аристъ.

Уже? такъ перестань мой другъ себя крушить:
Едва ты явишься, и позабывъ наряды,
На красоту твою всѣ обратятся взгляды.

Эльмира.

Удачно мадригалъ вы, сударь, мнѣ сплели;
Аглаѣ лучше бы его поберегли.

Аристъ.

Какъ! что это?

Эльмира.

Сафиръ! пожалуй, подойдите.

Сафиръ.

Чего изволите?

Эльмира.

Рукавчикъ завяжите.
Послушайте меня. (Тихо ему.) Аристъ не долженъ знать,
Что по его дѣламъ я ѣду хлопотать.

Сафиръ.

Я умолчалъ о томъ.

Эльмира.

Я этого страшилась,
И только для того сюда къ вамъ воротилась.

Аристъ, въ сторону.

Они съ ней шепчутся.

Эльмира, громко.

Благодарю.

Сафиръ.

За что-жъ?

Аристъ.

У васъ таинственность; а я на что похожъ?

Эльмира.

И тайну чтобъ узнать, догадки надо много.

Аристъ.

Сафиръ! прошу сказать.

Эльмира.

Сафиръ! ахъ! ради Бога!

Сафиръ.

Не бойтесь, не скажу.

Аристъ.

Я угадаю самъ.

Эльмира.

Ломайте голову, я позволяю вамъ;
А вы не дѣлайте, Сафиръ, ему разсказы.
Пора ужъ отомстить мнѣ за его проказы.

(Уходитъ.)

Явленіе IX.

Аристъ и Сафиръ.

Аристъ.

Конечно, ежели сего лишь захотятъ,
И ангела съ пути прямаго совратятъ,
Не правда ли, Сафиръ?

Сафиръ.

Мнѣ это непонятно.

Аристъ.

Не ждалъ отъ дружбы я услуги столь пріятной.

Сафиръ.

Пожалуй объяснись.

Аристъ.

Иль славно поступилъ
Ты, что женѣ мою съ Аглаей связь открылъ?

Сафиръ.

Кто, я?

Аристъ.

Да, ты.

Сафиръ.

Аристъ!

Аристъ.

Сознайся, что некстати
Увѣдомлять жену о мужниномъ развратѣ?
Коль вѣтренность мою такъ можно называть.

Сафиръ.

Аристъ!

Аристъ.

Когда же мнишь любовь ея снискать,
То лучше отложи всѣ ковы въ долгій ящикъ.
Такой ли женщинѣ пріятенъ перескащикъ?

Сафиръ.

Ужъ это черезъ чуръ! — Вотъ на́ рука моя,
Что ей не говорилъ о томъ ни слова я.

Аристъ.

Да кто же ей сказалъ?

Сафиръ.

Кто! — мнѣ какое дѣло?
Но только что не я, могу увѣрить смѣло.

Аристъ.

Ужели у меня есть скрытные враги,
Привыкшіе мои извѣдывать шаги?....

Сафиръ.

Ты все колеблешься? Я повторяю снова:
Не я о томъ сказалъ, даю честное слово.

Аристъ.

Довольно; извини, прости меня, Сафиръ.

Сафиръ.

Какъ могъ подумать ты?

Аристъ.

Ну, миръ.

Сафиръ.

Пожалуй, миръ.

Аристъ.

Я очень чувствую, что это быть не можетъ.
Не знаю нынѣ что весь день меня тревожитъ?

Сафиръ.

А поводъ къ этому?

Аристъ.

Эльмира. — Посуди,
Блаженство обрѣталъ я на ея груди;
Смиренный, тихій нравъ, испытанный во многомъ,
Любви достаточнымъ казался мнѣ залогомъ.
Я такъ увѣренъ былъ, безпеченъ, что ей-ей,
Въ объятіяхъ ея не помышлялъ объ ней.
Внезапно кротость та пожертвована вздору;
Эльмира внѣ себя отъ шляпки, отъ убору:
Она сбирается на балъ, а я — сказать стыжусь! —
И въ провожатые ужъ болѣ не гожусь.

Сафиръ.

Ну, чтожъ? ей можетъ быть однообразье скучно,
И ты на то глядѣть обязанъ равнодушно.

Аристъ.

Я это говорилъ, я точно не былъ правъ:
Еще не зналъ тогда и ревности отравъ.

Сафиръ.

А нынѣ чувствуешь?

Аристъ.

Не точно ревность....

Сафиръ.

Что же?

Аристъ.

А что-то на нее ужасно какъ похоже.

Сафиръ.

Мой другъ, не вовсе-ль ты разсудокъ потерялъ?
Когда жена твоя, чего ты самъ желалъ,
Къ приманкамъ свѣткости не столько хладнокровна,
Уже ты внѣ-себя, уже она виновна.

Аристъ.

Премѣнчивости тѣнь убійственна тому,
Кто ввѣрился, какъ я, блаженству своему. —
Постой, что давича она тебѣ шептала?

Сафиръ.

Вотъ видно на меня опять сомнѣнье пало.
Весь толкъ о шляпкѣ былъ; ты вѣрно слышалъ самъ?

Аристъ.

Неправда, выдумка, я вижу по глазамъ.
Скажи мнѣ истину сейчасъ — или ни слова.

Сафиръ.

По крайней мѣрѣ нѣтъ тутъ ничего такова,
Что непріятность бы могло тебѣ подать.

Аристъ.

Къ чему-жъ таинственность?

Сафиръ.

Я обѣщалъ молчать.

Аристъ.

Довольно.

Сафиръ.

Что съ тобой? въ лицѣ весь измѣнился.

Аристъ.

Тебѣ знать чудится.

Сафиръ.

Ну право разсердился.

Аристъ.

Я... ничего.

Сафиръ.

Постой, куда же ты пошёлъ?

Аристъ.

Я такъ...

Сафиръ.

Куда, скажи?

Аристъ.

Здѣсь воздухъ мнѣ тяжёлъ.

(Уходитъ.)

Явленіе X.

Сафиръ, одинъ.

И это былъ Аристъ! онъ можетъ быть ревнивымъ!
Такъ! вертопрахамъ онъ примѣръ велерѣчивымъ:
Блаженства сущностью они не дорожатъ;
Его утративши, по немъ же загрустятъ.

Явленіе XI.

Сафиръ и Эльмира.

Сафиръ.

Вы скоро съѣздили.

Эльмира.

Не правда-ль, торопливо?

Не менѣе того мой выѣздъ пресчастливый;
И въ сей записочкѣ еще подтверждено,
Что въ пользу дѣло все Ариста рѣшено.
Прочтите, — съ симъ письмомъ слуга мнѣ повстрѣчался.
Успѣхомъ наконецъ мой поискъ увѣнчался.

Сафиръ.

Я поздравляю васъ.

Эльмира.

А что Аристъ?

Сафиръ.

Пропалъ.

Отчаянно брюзгливъ и недовѣрчивъ сталъ;
Любезныя черты ревнивца онъ являетъ.

Эльмира.

Что неожиданно его перемѣняетъ?

Сафиръ.

Что хочетъ женщина, то сбудется всегда.

Эльмира.

Какіе случаи бываютъ иногда:
Я радуюсь тому, о чемъ иная плачетъ;
Мой мужъ ревнивъ?

Сафиръ.

И какъ!

Эльмира.

Сафиръ! что это значитъ?

Сафиръ.

То значитъ, что ему досталось унывать.

Эльмира.

О! я берусь его достойно наказать:
Отъ дядюшки письмо я утаю до-срока,
Его промучую весь день.

Сафиръ.

Ахъ! какъ жестоко!

Эльмира.

Мной чувства жалости совсѣмъ отдалены;
Съ ума его сведу.

Сафиръ.

По милости жены,
На-первой попадетъ въ число онъ сумасшедшихъ.

Эльмира.

Нѣтъ! а раскается онъ въ шалостяхъ прошедшихъ,
Ручаюсь вамъ за то.

Явленіе XII.

Прежніе и Аристъ, въ дверяхъ.

Сафиръ.

Признаться, что Аристъ
Предъ вами совѣстью своей не очень чистъ,
И наказанія примѣрнаго достоинъ.

Эльмира.

И накажу его, онъ можетъ быть покоенъ.

Сафиръ.

А чѣмъ? не этимъ ли письмомъ?

Эльмира.

Чѣмъ Богъ послалъ.
Отдайте мнѣ его, чтобъ онъ не увидалъ.

Аристъ.

И такъ сбылись мои правдивыя сомнѣнья!
Скажи безсовѣстный, еще въ недоумѣньи
Не знаю, какъ судить мнѣ по твоимъ словамъ:
Помощникъ что ли ты, иль обольститель самъ?

Сафиръ.

Къ кому такая рѣчь?

Эльмира.

Замѣшаны мы оба.

Аристъ.

Ужъ болѣ не къ лицу невинною особой
Прикидываться вамъ: сей день васъ обличилъ;
Довольно времени я легковѣренъ былъ.

Сафиръ.

Обдумайся, Аристъ.

Эльмира.

Онъ въ полномъ ли разсудкѣ?

Аристъ.

О! бросьте, наконецъ, безвременныя шутки.
Скажи, сударь!... Иль нѣтъ, оставь покуда насъ;
Мы лучше свидимся съ тобою черезъ часъ,
Тогда произойдетъ короче объясненье.

Сафиръ.

Но что ввело тебя въ такое изступленье,
Скажи причину намъ?

Аристъ.

Оно у ней въ рукахъ.

Сафиръ и Эльмира.

Письмо.

Аристъ.

Неужели вы ощутили страхъ?

Сафиръ.

Дай мнѣ тебѣ сказать...

Аристъ.

Мнѣ слушать недосужно.

Сафиръ.

Одно...

Аристъ.

Не надобно.

Сафиръ.

Лишь слово дай...

Аристъ.

Не нужно.

Эльмира.

Вы видите, Сафиръ, онъ кажется въ бреду;
Подите, пусть его упрямится.

Сафиръ.

Иду.
Онъ право жалокъ мнѣ!

Аристъ.

Ужимки бросьте эти:
Еще-ль вамъ повторять, что намъ не нуженъ третій?

(Сафиръ уходитъ.)

Явленіе XIII.

Аристъ и Эльмира.

Эльмира.

Чего хотите вы? вотъ мы наединѣ.

Аристъ.

Не вамъ распрашивать, сударыня, а мнѣ.

Эльмира.

Чего хотите вы?

Аристъ.

Чего? вопросъ забавный!
Подайте мнѣ письмо, гдѣ я увижу явно,
Какъ женской честности вы презрѣли законъ,
Какъ вами я забытъ, поруганъ, оскорбленъ,

Эльмира.

Поруганъ! оскорбленъ! — какія выраженья!
Но ваши не хочу я разрѣшать сомнѣнья,
И не отдамъ письма.

Аристъ.

Должны его отдать,
Иль бѣшенство мое хотите испытать?

Эльмира.

Подумайте — читать письмо чужое низко,
И хлопотенъ надзоръ надъ женской перепиской.

Аристъ.

Я кажется вамъ мужъ.

Эльмира.

Я, сударь, вамъ жена;
И любопытствомъ я большимъ одарена,
Но ваши тайны мнѣ всегда казались святы.

Аристъ.

Вамъ свято что-нибудь! не я-ль ужъ виноватый?
Подайте мнѣ письмо.

Эльмира.

Нѣтъ, право, не отдамъ.
Читаю-ль я когда, что пишетъ часто вамъ
Любезная для васъ, прелестная Аглая,
И можетъ быть еще прелестница другая?

Аристъ.

Какъ заблужденія дерзаете равнять
Мои вы съ вашими? Иль вамъ растолковать:
Мои суть шалости, а ваши преступленья.

Эльмира.

Гдѣ эти ветхія нашли вы наставленья?

Аристъ.

Но и погрѣшности мои вамъ не покровъ;
Я вамъ невѣренъ былъ на нѣсколько часовъ;
И въ доказательство, здѣсь для моей очистки,
Вотъ какъ я берегу любовныя записки.

(Вынимаетъ записки изъ бумажника и рветъ.)

Эльмира.

Ахъ, доказательства не служатъ ни къ чему,
Коль дороги еще вы сердцу моему,
И безполезнѣе, когда я къ вамъ остыла.

Аристъ.

Въ глаза мнѣ говоритъ, что точно измѣнила!
Простительно-ль сему безстыдству мнѣ внимать?
Не думайте, чтобъ я васъ могъ подозрѣвать

По недостаточной какой-нибудь причинѣ;
Нѣтъ! поводъ вы къ сему мнѣ подали не нынѣ,
А перемѣну въ васъ замѣтилъ я давно.

Эльмира.

Что вы замѣтили?

Аристъ.

То, что... Но все равно,
Я тысячу могу вамъ случаевъ исчислить,
По коимъ долженъ былъ объ васъ я худо мыслить;
Довольно было бы смѣшно не замѣчать
Мнѣ на лицѣ у васъ унынія печать,
Когда наединѣ мы оставались съ вами;
И часто думалъ я, что кстати, между нами,
Страдаете всегда вы болью головной,
Когда случается вамъ выѣзжать со мной. —
Сегодня поутру, начто искать мнѣ дали,
Въ смятеньи были вы, погружены въ печали,
Когда напомянулъ я объ деревнѣ вамъ;
Конечно скоро бы прибѣгнули къ слезамъ,
Къ упрекамъ, жалобамъ! — на дѣло непохоже!...
Является Сафиръ, я ухожу — и что же?
Откуда все взялось на бѣдствіе мое:
Веселость, острота, наряды и пѣнье,
Всѣ, словомъ, женскія чертовскія приманки.
Я въ дверь, вы со двора, и очень спозаранки.
Не вѣдаю, какой злой духъ въ меня вдохнулъ,
Чтобы Сафиру я объ этомъ намекнулъ?
Измѣнникъ! надъ моимъ ругался какъ несчастьемъ!
Какъ утѣшалъ меня притворнымъ соучастьемъ!
Непринужденно какъ смѣялся, ободрялъ!
Отъ горькой истины какъ хитро отвращалъ!
Какъ другомъ и женой жестоко я обманутъ!
Но болѣе меня обманывать не станутъ.

Что вы потупили глаза? вы смущены?
Подайте-жъ мнѣ письмо.

Эльмира.

Мой Богъ! какъ бы смѣшны!

Аристъ.

Я очень чувствую; однако непристойно
Вамъ это замѣчать.

Эльмира.

Нравъ самый безпокойный.
Мнѣ право кажется, что вы больны — въ жару.
Не сами-ль нынѣ вы твердили поутру,
Чтобъ одѣвалась я наряднѣй, выѣзжала,
Чтобъ дарованьями нестоль пренебрегала?
По волѣ вашей я за это принялась,
И вышло невпопадъ; — какъ угодить на васъ?
Откуда прихотей вы набрались?

Аристъ.

Откуда?
Я впрямь несправедливъ, и былъ, и есмь, и буду!
Подайте мнѣ письмо.

Эльмира.

Пора объ немъ забыть.

Аристъ.

Какъ можете еще такой спокойной быть?

Эльмира.

Да это оттого, что нравъ имѣю ровный.

Аристъ.

Пожалуй говорить я стану хладнокровно.
Письмо я требую; прошу его отъ васъ
Не для того, чтобы съ сей вывѣской тотчасъ
Повсюду разглашать вашъ стыдъ, мое безчестье,
И вскорѣ безъ меня о томъ пройдетъ извѣстье;
Надъ этимъ случаемъ свѣтъ ѣдкость изострить,
Печальну истину раскрасить, распестрить;

Еще похвалитъ васъ, что мужа обманули.
Нѣтъ! лучше припасу двѣ роковыя пули:
Одну бездѣльнику, другую для себя.

Эльмира.

Какъ хладнокровно!

Аристъ.

Нѣтъ! васъ сверхъ всего любя,
Скажите, — я могу-ль такъ вдругъ возненавидѣть?
Подайте мнѣ письмо, — ахъ! дайте мнѣ увидѣть,
Вамъ точно ли всегда другой казался милъ,
Все притворялись вы, я все обманутъ былъ.
Вы усмѣхаетесь; — кто смѣху здѣсь предметомъ?

Эльмира.

Я думала теперь, ей-богу, не объ этомъ.

Аристъ.

Не будемъ долѣе комедію играть;
Подайте мнѣ письмо, — вѣдь надобно-жъ отдать?
Подайте, — право я за васъ боюсь.

Эльмира.

Не бойтесь.

Аристъ.

Подайте.

Эльмира.

Полноте.

Аристъ.

Подайте.

Эльмира.

Успокойтесь;
Возмите, вотъ оно.

Аристъ.

Что буду я читать?

(Читаетъ.)

„Не надлежало-бъ такъ Ариста баловать,
„Эльмира, милый другъ! но такъ и быть; и дѣло

„Онъ нынѣ выигралъ, — ты этого хотѣла.
„Прощай, я остаюсь усердный дядя твой.“ N.
Эльмира! я дуракъ! прости мнѣ, ангелъ мой!

Эльмира.

Насилу сдѣлались опять вы справедливы.

Аристъ.

Я недовѣрчивый, неистовый, строптивый!
Какія клеветы произносилъ съ-сердцовъ?
Для оправданія мнѣ не достанетъ словъ.

Явленіе XIV.

Прежніе и Сафиръ.

Сафиръ.

Вотъ неожиданность! хоть бы въ волшебныхъ тѣняхъ:
Супруга нѣжная въ слезахъ, мужъ на колѣняхъ!
Раскаянье, любовь, согласіе! — что братъ?

Аристъ.

Предъ ней я, предъ тобой, предъ всѣми виноватъ.
Прости, Эльмира, мнѣ сомнѣнье безрасудно;
Конечно мнѣ къ тебѣ его питать бы трудно;
Но мой неправый гнѣвъ.... но и проступокъ сей,
Не есть ли вѣрный знакъ къ тебѣ любви моей?

Эльмира.

Нѣтъ, безпорочной мнѣ была холодность платой,
И ревность, я когда казалась виноватой.

Аристъ.

Что требуешь, скажи: чтобъ удалился я
Въ лѣса дремучіе, въ безлюдные края?
Мой другъ, изволь, и тамъ забуду я съ тобою
Веселья бурныя, утраченныя мною.

Эльмира.

Такія жертвы я конечно откажу:
Пріятность въ городѣ сама я нахожу.

Аристъ.

Какъ хочешь; но теперь въ столицѣ иль въ пустынѣ,
Съ тобою дома я всегда сижу отнынѣ
Днемъ, утромъ вечеромъ и въ полдень, и въ полночь,
Всѣ вертопрашества и суетности прочь!

Эльмира.

Но дома не всегда меня ты видѣть будешь.

Аристъ.

Иль долго ты мою вину не позабудешь?...

Сафиръ.

Или прикажете мнѣ къ вашимъ пасть ногамъ.

Эльмира.

Прощаю; — пусть онъ всѣмъ обязанъ будетъ вамъ.
(Аристу.)
Такъ, если нѣсколько тебя сей день исправилъ,
Его благодаря: онъ и меня наставилъ,
Чтобъ вкусамъ я твоимъ старалась снисходить,
Затѣмъ, чтобъ отъ другихъ приманокъ отвратить,
Чтобъ иногда твоей противилась я волѣ,
Затѣмъ, чтобъ ты цѣнилъ мое смиренство болѣ,
Такъ! онъ любовь твою мнѣ возвратить хотѣлъ,
Старался сколько могъ — и можетъ быть успѣлъ.

Отрывокъ изъ комедіи.

Любимъ, молодой человѣкъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, женился по страсти, безъ согласія своихъ родственниковъ. Онъ привозитъ жену въ тотъ городъ, гдѣ живутъ всѣ его тетки и дяди: Мавра Савишна, Раиса Савишна, Варвара Савишна, Карпъ Савичъ, Максимъ Меркуловичъ. Всѣ думаютъ, что онъ сговоренъ; никто не знаетъ, что онъ женатъ, кромѣ Варвары Савишны, которая всѣхъ добрѣе, и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до-времени остается тайною, а междутѣмъ Наташа, жена его, подъ чужимъ именемъ, знакомится со всею мужниною роднею, старается каждому изъ нихъ угодить и понравиться, и въ томъ успѣваетъ. — Это содержаніе одной комедіи кн. А. А. Шаховскаго, въ которой я взялся сдѣлать нѣсколько сценъ изъ втораго акта. Вотъ онѣ:

Варвара Савишна, Любимъ, Наташа.

Любимъ.

Да! я обѣгалъ всю почтенную родню,
И счастья своего покамѣстъ не виню;
Гдѣ ни былъ, никого найти не удавалось!
Кромѣ одной. — Зато ужъ отъ нея досталось!

Къ Раисѣ Савишнѣ, какъ слѣдуетъ, зашелъ;
Глядь, у себя. Слуга тотчасъ меня повелъ
Къ ней въ образную — тамъ въ очкахъ она читала,
Вспрыгнула, ахнула и въ обморокъ упала.
Оттерли. — Боже мой! тутъ только что держись.
Увѣщеванія рѣкою полились.
И все печатное, что только вышло вновѣ,
Все знаетъ наизусть, не ошибется въ словѣ,
Ну такъ и сыплетъ вздоръ. Рѣчь о тебѣ зашла:
Тутъ длинную она статью о томъ прочла,
Какъ вѣрно въ дѣвушкѣ, вертушкѣ новомодной
Нѣтъ пламенной души, ни нѣжности природной,
Ни сердца простоты... — а я, безъ дальнихъ словъ,
Не выслушавъ всего, взялъ шляпу, былъ таковъ. —
Наташа, какъ я глупъ! зачѣмъ, не понимаю,
Привезъ тебя сюда?

Варвара Савишна.

Вотъ такъ-то! поздравляю!
Всѣ виноваты мы...

Любимъ.

Ахъ! нѣтъ! всегда женѣ,
Твердилъ я, что у насъ порядочныхъ въ роднѣ
Есть двое: вы да я.

Варвара Савишна.

Повѣрь мнѣ: помаленьку
На свой поставишь ладъ ты всю свою роденьку.
Нашъ опытъ удался съ секундъ-маіоромъ. Ну,
Полюбятъ также всѣ они твою жену;
Дай срокъ.

Наташа.

А съ дядюшкой сдружились мы случайно!...
Онъ на тебя похожъ, Любимъ, да чрезвычайно!
И видно по всему, что съ молоду онъ былъ
Такой же вѣтреный, и также добръ и милъ.

Максимъ Меркуловичъ — тотъ не того разбора,
Да и двѣ тетушки! Не сладить съ ними скоро!
Ну! если не пойдутъ никакъ онѣ на ладъ,
Я, пусть онѣ меня разцѣнятъ какъ хотятъ,
Скажу имъ наотрѣзъ: пожалуй, мной гнушайтесь,
Для мужа все стерплю.

Любимъ, *обращаясь къ Варв. Сав.*

А! какова! признайтесь,
Что будьте сами вы мущиной.. вы какъ-разъ
Женились бы на ней. — Всѣ передъ нею пасъ.

Варвара Савишна, *посмотрѣвъ въ окошко.*

Ахъ! Мавра Савишна сюда идетъ!

Наташа.

Какая?
Что сварливая?

Варвара Савишна.

Да! крикуша!

Любимъ.

И скупая,
И тѣмъ упрямѣе, что денегъ тьма у ней.

Наташа.

Ахъ! нѣтъ ли тетушка, здѣсь въ домѣ попростѣй
Какого платьица, чтобъ мнѣ пришлось по тальи?

Варвара Савишна.

У Груньки въ дѣвичьей спросить... нѣтъ! у Натальи
Передничекъ ея, да шемизетку взять,
Что въ праздничные дни велю ей надѣвать.
Уйдите же... она ужъ подошла къ порогу.

Наташа, *уходя.*

Любимъ! —

Любимъ.

Я за тобой.

(Уходятъ вмѣстѣ.)

Мавра Савишна, Варвара Савишна.

Мавра Савишна.

Скажи-ка: слава Богу!
Вѣдь нашъ Любимъ сюда изволилъ прикатить!
Хоть правда поспѣшилъ меня онъ навѣстить,
Да вишь пожаловалъ въ тотъ самый часъ, въ который
Къ вечернѣ я хожу. Охъ! эти мнѣ проворы!
Я чай развѣдывалъ, когда-де побывать?
Когда потрафить такъ, чтобъ дома не застать?

Варвара Савишна.

Ну можно ли....

Мавра Савишна.

Чего? Онъ развѣ малый путный?
Я одному дивлюсь, что карточкой визитной
Меня не наградилъ, а то вѣдь таковой
Обычай водится въ столицахъ объ святой
И въ рождество. Да что? тамъ вѣчно наглость таже:
Знатнѣйшіе дома и родственниковъ даже
Вотъ посѣщаютъ какъ: самъ баринъ дома спитъ,
Карету и пошлетъ, а въ ней холопъ сидитъ,
Какъ-будто господинъ, обрыскаетъ край свѣта,
Швыряетъ карточки!.. Спасибо, мерзость эта
Что не дошла до насъ — помиловалъ Господь!
Да и племяннику нельзя глаза колоть,
Не подражаетъ въ томъ столичному онъ краю,
А все-таки спѣсивъ! увижу — разругаю.
Вѣдь нѣтъ, чтобъ подождать полчасика... бѣда,
Никакъ нельзя, спѣшитъ. — Спроси его: куда?
Небойсь не думаетъ угодность сдѣлать теткѣ,
А кабы въ Питеръ, къ какой-нибудь красоткѣ....

Мавра Савишна, Варвара Савишна, Наташа.

Наташа.

Ахъ! вы здѣсь не однѣ! простите!

Варвара Савишна.

Ничего.

Мавра Савишна.

Кто это? здѣшняя?

Варвара Савишна.

Нѣтъ! мужа моего
Покойнаго родня, пріѣхала недавно.
Знакома вамъ была Ѳедосья Николавна?

Мавра Савишна.

Твоя заловка?

Варвара Савишна.

Да, ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
Вотъ дочь ея.

Мавра Савишна.

Она? — Прошу! какихъ ужъ лѣтъ!
Невѣста хоть куда! — Мы вмѣстѣ выростали
Съ твоею матушкой, дружнехонько живали,
И батюшка въ Москвѣ къ намъ часто въ домъ ходилъ.
При мнѣ онъ сватался, при мнѣ помолвленъ былъ.
Ахъ! на семъ свѣтѣ я куды давно таскаюсь!
Ты съ нами долго ли пробудешь? а?

Наташа.

Не знаю-съ.
Какъ будетъ тетушкѣ угодно...

Варвара Савишна.

Мнѣ, другъ мой?
Весь вѣкъ радехонька я вмѣстѣ жить съ тобой.
(обращаясь къ Маврѣ Сав.)
Въ-глаза и за-глаза скажу: неприхотлива
И угодительна, ловка и бережлива.
Желаю всякому такую дочь имѣть.

Наташа.

Угодно, тетушка, вамъ будетъ посмотрѣть?
Тамъ приготовила для васъ одно я блюдо.

Варвара Савишна.

А! знаю, хорошо. — Останься здѣсь покуда.
Сестрица, кажется, не гостьи вы у насъ,
Не взыщете, а я назадъ приду сейчасъ.

(Уходитъ.)

Мавра Савишна, Наташа.

Мавра Савишна.

Что это, матушка? неслыханное дѣло!
Кто стряпаетъ теперь?

Наташа.

Къ обѣду не поспѣло,
Хватились поздно мы. Такъ, какъ-то не пришлось.

Мавра Савишна.

Какое-жъ кушанье?

Наташа.

Пирожное одно-съ,
И выдумки моей.

Мавра Савишна.

Твоей? — оно-бъ нехудо,
Да вѣдь пирожное затѣйливое блюдо,
Насущный хлѣбъ теперь одинъ составитъ счетъ
Такъ лакомство, ей-ей! на умъ ужъ не пойдетъ.

Наташа.

Да-съ, у меня зато все снадобье простое:
Морковка, яицы и кое-что другое,
Да соку положить лимоннаго чуть-чуть.

Мавра Савишна.

Ну, сахаръ входитъ же?

(Наташа качаетъ головой.)

Хоть крошечка?

Наташа.

Отнюдь!

Какъ сахаръ? шутка ли? что вы? побойтесь Бога!
Нѣтъ! и безъ сахару расходовъ нынче много.

Мавра Савишна.

Да! согрѣшили мы! крутыя времена!

Наташа.

Я какъ-то съ малыхъ лѣтъ къ тому пріучена,
Что дорогой кусокъ мнѣ видѣть даже грустно:
Я такъ люблю поѣсть, чтобъ дешево и вкусно.

Мавра Савишна.

Какъ судишь ты умно! не по лѣтамъ мой свѣтъ,
Въ иной и въ пожилой такого смысла нѣтъ.

Наташа.

Помилуйте....

Мавра Савишна.

Чего помиловать? смотри-ка,
Житье-то сестрино не явная-ль улика,
Что прожила весь вѣкъ, не нажила ума?
Расчету ни на грошъ, увидишь ты сама,
Всегда столы у ней, — зачѣмъ? кому на диво?

Наташа.

А будто трудно жить, какъ надо, бережливо?
Я вотъ и не въ нуждѣ воспитана была,
Хоть матушка моя покойная жила
Куда нероскошно, я чай и вамъ извѣстно?

Мавра Савишна.

Умна была — дай Богъ ей царствіе небесно!

Наташа.

Однако странность я одну вамъ разскажу.

Мавра Савишна.

Какъ, другъ мой? что? — Садись.

Наташа.

Вотъ что...

Мавра Савишна.

Да сядь!

Наташа, сѣвши на краешкѣ стула.

Вотъ что.... спросить у васъ позвольте: вы давно ли
Разстались съ матушкой?

Мавра Савишна.

Лѣтъ двадцать пять, поболѣ,
Мы молоды тогда, невѣсты были съ ней,
(со вздохомъ.)
И схоронила я съ тѣхъ поръ ужъ трехъ мужей.

Наташа.

Такъ можетъ никогда вамъ слышать не случалось
Объ томъ, что къ Ладовой, къ графинѣ я попалась
На воспитаніе?

Мавра Савишна.

Нѣтъ! не слыхала я.

Наташа.

Ужъ странность подлинно! — Она и мать моя
Вѣкъ были по всему противныхъ свойствъ и правилъ —
Не знаю между ихъ какъ случай связь составилъ,
А только матушка съ ней такъ дружна была,
Что на руки меня къ ней вовсе отдала!
Представьте же себѣ: я въ домъ попала знатный,
У Ладовой на все расходъ невѣроятный!
И шляпкамъ и шалямъ, и платьямъ счету нѣтъ.
И собирается у ней весь модный свѣтъ:
Вчера концертный день, а ныньче танцовальный,
А завтра что-нибудь другое. — Натурально,
Вы можете судить, что въ этакомъ дому
До бережливости нѣтъ дѣла никому.

Мавра Савишна.

Зараза! истинно зараза! жаль, родная,
Смерть жалко! хоть кого испортитъ жизнь такая.

Наташа.

Позвольте досказать. Мнѣ скоро щегольство,
И весь графининъ бытъ: шумъ, пышность, мотовство,
И давка вѣчная въ передней за долгами
Такъ опротивѣли, что рада, между нами,
Была я убѣжать Богъ вѣдаетъ куда!
Такъ опротивѣли! что лучше бы всегда
Я ѣла черный хлѣбъ, въ серпянкѣ бы ходила,
Да лишь бы суетно такъ время не губила.

Мавра Савишна.

Ужли, голубушка! да какъ же это ты?
Я, я свертѣлась бы отъ этой суеты!
Вотъ умъ недѣвичій! — Къ чему ты наклонилась?
Что потеряла?

Наташа.

Здѣсь булавочка свѣтилась,
Сейчасъ я видѣла. Вотъ тутъ она была,
На этомъ мѣстѣ, здѣсь. — А! вотъ она! нашла.
(Поднявши, прикалываетъ къ косынкѣ).
Вѣдь и буловочка намъ можетъ пригодиться.

Мавра Савишна.

Какъ? изъ булавки ты изволила трудиться?
Чѣмъ больше думаю и на тебѣ гляжу,
И слушаю тебя, ума не приложу.
Диковина, мой свѣтъ! Ужъ ты-ли не водилась
Съ большими барами? а все съ пути не сбилась!

Наташа.

Напротивъ, многимъ я обязана тому,
Что столько времени жила въ большомъ дому:
Когда къ француженкамъ поѣдемъ мы бывало,
Графинѣ только бы купить, что ни попало,
А я тихохонько высматриваю все,
Какъ тамъ работаютъ, кроятъ и то и се,
И выпрошу себѣ остатковъ, лоскуточковъ,

Отрѣзочковъ отъ лентъ, матерьицы кусочковъ,
И дома заперщись крою себѣ, крою.
Теперь же, вѣрите-ль, я что угодно шью,
Вы не увидите на мнѣ чужой работы —
Вотъ ни на столько.

(Показываетъ на кончикъ шемизетки или фартука.)

Мавра Савишна.

Помилуй, другъ мой, что ты?
Кладъ сущій, и тебѣ подобной не сыскать!

Наташа.

Я шелкомъ, золотомъ умѣю вышивать.
Бывало прочіе лишь заняты весельемъ,
На балахъ день и ночь, а я за рукодѣльемъ,
Что вышью, продаю; работою своей
Скопила наконецъ до тысячи рублей.

Мавра Савишна.

Теперь на свѣтѣ нѣтъ вещей невѣроятныхъ.
Скопила! чѣмъ? — Трудомъ! воспитана у знатныхъ!
Свершилась надъ тобой Господня благодать.
Дай, радость, дай скорѣй себя разцѣловать!

(Обнимаются.)

Вотъ, еслибъ былъ Любимъ степенный и толковый!
Вотъ счастье! вотъ оно! вотъ случай здѣсь готовый;
И услужилъ бы всѣмъ, роднымъ бы и себѣ,
Когда женился бы онъ, другъ мой, на тебѣ.
Уму бы разуму его ты научала,
Любила бы его, мотать бы не давала; —
А то, слышь, въ Питеръ онъ сватанье завелъ!
Тамъ русскую мамзель какую-то нашелъ!
Преакуратная головушка, я чаю.

Наташа.

А почему же знать?

Мавра Савишна.

Какъ почему? — Я знаю.

Наташа.

Конечно это вамъ извѣстнѣе, чѣмъ мнѣ.

Мавра Савишна.

Вотъ то-то, видишь-ли, что всей его роднѣ
Она непонутру. — Не можетъ чай дождаться,
Когда любимовы родные всѣ свалятся,
Чтобъ поскорѣй по нихъ наслѣдство получить.
Того не думаетъ, чтобы самой нажить.
Хоть объ себѣ скажу: не безъ труда скопила
Я кое-что. Нѣтъ! тремъ мужьямъ, тремъ угодила!
Легко ли вытерпѣть отъ нихъ мнѣ довелось —
При жизни что хлопотъ! по смерти сколько слезъ!
(Останавливается отъ избытка чувствъ.)
Я, другъ мой, кажется, въ тебѣ не обманулась.
По волѣ Божіей, когда-бъ ты приглянулась.
Любиму нашему, и вышла-бъ за него,
Не расточила бы наслѣдства моего.
Да и полюбишься ему ты вѣроятно:
Свѣжа какъ маковъ цвѣтъ, ведешь себя опрятно,
А франтовъ нынѣшнихъ немудрено прельстить.
Ты пофранцузскому умѣешь говорить?

Наташа.

Умѣю нѣсколько.

Мавра Савишна.

И! вѣрно мастерица.
Имъ только надобно.

Варвара Савишна, Мавра Савишна, Наташа.

Мавра Савишна.

Послушай-ка, сестрица!
Вотъ толкъ объ чемъ у насъ. Не правда ли она
Любиму нашему вѣдь по всему жена?

Варвара Савишна.

Я тоже говорю.

Мавра Савишна.

Ты говоришь..... Я знаю,
Что это быть должно, я этого желаю,
На этомъ настою. Какъ хочетъ онъ, Любимъ,
Я вразумлю его, и по словамъ моимъ,
Онъ петербургскія всѣ шашни позабудетъ.
Пожалуй-ка сестра, когда къ тебѣ онъ будетъ,
Пришли его ко мнѣ. — А между тѣмъ, прощай!
Къ тебѣ, признаться я попала невзначай,
Шла къ теткѣ Звонкиной, съ ней перемолвить нужно
Такъ кой объ чемъ. — Прости!

(Обращаясь къ Наташѣ)

Ахъ! жаль, что недосужно,
А то бы мы съ тобой.... прошу насъ навѣщать,
Ты говорила мнѣ, что любишь вышивать;
На это мастерство у насъ есть заведенье.
Туда свожу тебя, увидишь: — заглядѣнье
Отцу Паѳнутію какія ризы шьютъ!

(Варварѣ Савишнѣ)

Скажи-жъ Любимушкѣ, чтобъ на себя взялъ трудъ,
Заѣхалъ бы ко мнѣ. — Быть можетъ и безъ брани,
Авось!... загадывать я не хочу заранѣ.
Авось!... не вѣдаетъ никто, что впереди.
Сестра! безъ проводовъ! останься! не ходи! —

Притворная Невѣрность,

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

	Г-жи
Эледина, молодая вдова.	Валберхова.
Лиза, сестра ея.	Брянская.
	Г-да
Рославлевъ.	Брянскій.
Ленскій	Сосницкій.
Блёстовъ.	Рамазановъ.

Комната въ домѣ Элединой.

Явленіе I.

Ленскій, Рославлевъ.

Ленскій.

Ну, нѣтъ! любить, какъ ты, на бѣшенство похоже.

Рославлевъ.

А такъ любить, какъ ты, и не любить все тоже.

Ленскій.

Кто съ Лизою твои всѣ ссоры перечтетъ?

Рославлевъ.

За то съ ея сестрой ты холоденъ какъ ледъ.

Ленскій.

Подумай, какъ вчера ты съ нею обходился.
Ты дулся и молчалъ, бѣсился и бранился;

Богъ знаетъ изъ чего, кричалъ, ужъ такъ кричалъ,
Что я со стороны, куда уйти, не зналъ.
Какъ Лиза ни добра, ей это надоѣло.
Она разсорилась съ тобою, — и за дѣло.

Рославлевъ.

Она же ссорится! и я же виноватъ!
И мнѣ пріятели признаться, въ томъ велятъ!
Отъ этихъ женщинъ мы чего не переносимъ?
А кончится однимъ: что мы прощенья просимъ.

Ленскій.

При всякомъ случаѣ готовъ ты ихъ бранить.
Онѣ несносны? — Да? — Зачѣмъ же ихъ любить?
Нѣтъ, право за тебя становится мнѣ стыдно:
Ты знаешь, что прослыть ревнивымъ незавидно;
А многіе куда какъ рѣзко говорятъ
И громко....

Рославлевъ.

На мой счетъ?

Ленскій.

На твой.

Рославлевъ.

Я очень радъ!

Ленскій.

Всѣмъ кажется, что ты брюзгливъ и своенравенъ;
И нѣжностью смѣшонъ и ревностью забавенъ;
А въ свѣтѣ толковать о странностяхъ другихъ
Вездѣ охотники.

Рославлевъ.

Кто-жъ говоритъ объ нихъ?
Прелестницы съ толпой вздыхателей послушныхъ
И общество мужей, къ измѣнѣ равнодушныхъ,
И тѣ тюбезники, которыхъ нынче тьма:
Безъ правилъ, безъ стыда, безъ чувствъ и безъ ума,
И въ дружбѣ и въ любви равно непостоянны.

Вотъ, люди!.. и для нихъ мои поступки странны,
Я непохожъ на нихъ, такъ чуденъ всѣмъ кажусь.
Да, я пустыхъ людей насмѣшками горжусь.
А ты-бъ, я чай, хотѣлъ, чтобъ имъ я былъ угоднымъ,
Чтобъ также слѣдовалъ сужденьямъ новомоднымъ,
И передѣлался на ихъ бы образецъ;
Или на твой; — вѣдь ты таковъ же, наконецъ!

Ленскій.

Ты хочешь, чтобъ и я на женщинъ воружился;
Однакожъ я пока на это не рѣшился.
Мнѣ съ ними весело; имъ весело со мной;
А сверхъ того еще, вотъ вѣры я какой,
Что въ добродѣтеляхъ намъ должно брать уроки
У нихъ. — Мы сами же заводимъ ихъ въ пороки.
Немножко вѣтрены, невѣрны иногда,
Ну чтожъ?

Рославлевъ.

Какъ иногда? — Всегда, сударь, всегда!

Ленскій.

Всегда, ты говоришь, и нѣтъ невиноватыхъ?
Какъ это мнѣніе пріятно для женатыхъ!
А впрочемъ насъ съ тобой никто не согласитъ:
Меня вотъ, напримѣръ, все въ свѣтѣ веселитъ;
А ты не можешь жить безъ горести и муки.

Рославлевъ.

Ты разсудителенъ! и если бы отъ скуки,
Твоей Элединой, понравился другой,
Ты восхищался бы находкою такой.

Ленскій.

А ты какъ думаешь? — Мнѣ надо бы терзаться?
Ни день ни ночь не спать? — Съ любезною разстаться;
И все-таки потомъ вездѣ ее слѣдить,
И всѣхъ бояться?

Рославлевъ.

Всѣхъ. — Всѣ могутъ милы быть.

Ленскій.

А пуще, кто умомъ и прелестьми украшенъ.
Я признаюсь тебѣ, мнѣ Блёстовъ очень страшенъ.

Рославлевъ

Шути, а этотъ франтъ — я не терплю его!

Ленскій.

И дѣльно; онъ собой затмитъ хоть бы кого.

Рославлевъ.

Пустая голова! Что шагъ, то принужденье!
А здѣсь, у двухъ сестрицъ, объ немъ иное мнѣнье.
Вчера же съ ними онъ весь вечеръ проболталъ:
Ты видѣлъ...., я сперва совсѣмъ не ревновалъ,
Да Блёстовымъ онѣ такъ много занимались,
Что насъ забыли. — Съ нимъ, всё время просмѣялись.

Ленскій.

Онѣ смѣялися и слушали его.
Не равнодушно же смотрѣть имъ на того,
Кто въ обществахъ всегда всѣхъ женщинъ забавляетъ.
И какъ ты думать могъ, что онъ ихъ завлекаетъ?
Кто-жъ Блёстовъ? Старый франтъ! Онъ слишкомъ въ сорокъ лѣтъ
Вездѣ волочится, прельщаетъ цѣлый свѣтъ,
Острится надо всѣмъ, а самъ всего смѣшнѣе;
Не вовсе безъ ума и отъ того глупѣе;
Охотно въ дураки отца бы посвятилъ,
Лишь бы съ улыбкою сказали: какъ онъ милъ!

Рославлевъ.

И несмотря на то, какъ это мнѣ ни больно,
Я бьюся объ закладъ, что женщинъ есть довольно,
Кому онъ нравится.

Ленскій.

Конечно, для иныхъ,

Не безъ достоинства такой, какъ онъ, женихъ:
Богатъ и всѣмъ родня.

Рославлевъ, съ досадой.

Ну, такъ онѣ и правы!

Ленскій.

Э! полно; здѣсь его лишь любятъ для забавы.

Рославлевъ.

Насмѣшки ихъ надъ нимъ — уловки противъ насъ!
Видалъ насмѣшницъ я, какъ ладили подчасъ
Съ людьми, которые казались имъ противны.
Да что и говорить! — Мнѣ въ женщинахъ недивны
Увертки, хитрости, лукавство противъ всѣхъ,
Обманы вѣчные, притворный плачъ и смѣхъ;
И только одному нельзя не подивиться,
Какъ люди до-сихъ-поръ имѣютъ духъ жениться!

Ленскій.

Да успокойся.

Рославлевъ, съ сердцемъ.

Я спокоенъ.

Ленскій.

Такъ поди
Къ своей возлюбленной. — Клянися ей, тверди,
Что ты навѣкъ у ней въ слѣпомъ повиновеньи.

Рославлевъ.

Я, къ ней пойду?

Ленскій.

Да, ты.

Рославлевъ.

Хорошъ! — я въ огорченьи, —
А ты.... изъ дружбы онъ смѣется надо мной.

Ленскій, хохочетъ.

Тебѣ же въ пользу я стараюсь....

Рославлевъ.

Богъ съ тобой!

Вотъ каковы друзья: — хоть плачь я, хоть бѣсися,
Онъ будетъ хохотать!

Ленскій.

Эй, съ Лизой помирися,
Поди! у ногъ ея ты долженъ обѣщать,
Что ей хотя дни два не станешь докучать;
Ну, отправляйся же.

(Рославлевъ, увидя Блёстова, отворачивается и поспѣшно уходитъ.)

Явленіе II.

Ленскій, Блёстовъ.

Блёстовъ, въ слѣдъ Рославлеву.

Экъ онъ заторопился!
Я въ двери, онъ бѣжать; — ушелъ, не поклонился.
Ахъ! Ленскій, здравствуйте! — Вашъ другъ невдухъ?

Ленскій.

Да.

Престранный человѣкъ. Замѣтьте, что всегда,
Онъ тотчасъ убѣжитъ, гдѣ только васъ завидитъ.

Блёстовъ.

Скажите мнѣ, за что меня онъ ненавидитъ?

Ленскій.

Причина ясная, онъ васъ боится.

Блёстовъ.

Что?

Вотъ вздоръ!

Ленскій.

Вы женщинамъ такъ милы, какъ никто,
И милы такъ давно.

Блёстовъ.

Зло! очень зло! — Однако,
Кто-жъ нынче имъ не милъ? безъ исключенья всякій:
Сначала всѣ онѣ какъ-будто далеки,
А послѣ....

Ленскій.

Да, для васъ успѣхи въ нихъ легки.
Назвать до дюжины.... до сотни можно смѣло....
Да что и называть?... побѣды ваше дѣло.

Блёстовъ.

Помилуйте!

Ленскій.

И вотъ, недалеко искать:
Рославлеву и мнѣ нельзя не ревновать;
У васъ съ обѣими на что-то ужъ похоже.

Блёстовъ.

Вы думаете?

Ленскій.

Да.

Блёстовъ.

Вы другъ ему?

Ленскій.

Ну, что же.

Блёстовъ.

Скажите искренно, какъ поступилъ бы онъ,
Когда бы кто ему былъ Лизой предпочтенъ?

Ленскій.

А развѣ?

Блёстовъ.

Ничего; — одно предположенье;
Клянусь вамъ, ничего; — ну, вотъ и подозрѣнье!

Ленскій.

Я и не думалъ.

Блёстовъ.

Нѣтъ? — Гдѣ вамъ меня провесть! —
(разсѣянно)
А впрочемъ, хоть и я плѣняю какъ ни есть,
Хоть Лизѣ нравиться и нѣтъ большаго чуда,

Но всё, я вамъ божусь, что съ ней еще покуда
Мы на учтивостяхъ и болѣе никакъ.

Ленскій.

Я вѣрю безъ божбы.

Блёстовъ, значительно.

А если бы не такъ,
На чтобъ рѣшился онъ?

Ленскій.

Онъ съ Лизой бы простился;
А тамъ и съ вами бы конечно объяснился.

Блёстовъ.

Стрѣляться бы онъ сталъ? — Стрѣляться не бѣда!
Но быть ревнивымъ? — о! въ немъ вовсе нѣтъ стыда.
Отстаньте отъ него и будемъ-те друзьями;
Давно замѣтилъ я тьму сходства между нами.

Ленскій.

Я не таковъ какъ онъ, а васъ боюсь, — ужли
Вы баловнемъ любви невинно прослыли?

Блёстовъ.

Кто счастливъ не бывалъ? — Но я вамъ дамъ присягу,
Что въ жизнь для этого не дѣлывалъ ни шагу.

Ленскій.

Безчувственный! и вотъ плѣняете вы чѣмъ!

Блёстовъ.

Ба! — Не пляняется въ нашъ вѣкъ никто, никѣмъ; —
Все дѣло прихоти и случая слѣпова;
А люди есть еще: не скажутъ вамъ ни слова,
Чтобы удачь своихъ въ любви не приплести.
Признаться, этого я не могу снести!
И какъ разсказывать о томъ, что такъ ничтожно?
Съ одной я, напримѣръ, едва повѣрить можно,
Совсѣмъ не думавши, не знаю какъ успѣлъ;
Я даже говорить съ ней вовсе не хотѣлъ;
И всячески она завлечь меня старалась,

Чтобъ только отомстить; — и ахъ! сама попалась.
Другой понравился съ такимъ же я трудомъ,
Ну, отгадайте чѣмъ? — любезностью, умомъ?
Нѣтъ! — блѣдностью лица! — Я былъ жестоко боленъ. —
За то болѣзнію потомъ какъ былъ доволенъ!
Одну имѣлъ я связь серьезную, — въ нее
Вмѣшалось нѣсколько достоинство мое.
Вотъ это было какъ.....

Ленскій.

Простите, поневолѣ,
Я съ вами разстаюсь; — мнѣ здѣсь нельзя быть болѣ;
Хозяйки милыя такъ долго никогда
Не заставляли ждать. — Вы остаетесь....

Блёстовъ.

Да.

Ленскій.

Такъ дружбу мнѣ свою на дѣлѣ докажите,
И хоть Эледину, жестокій, пощадите.

(Уходитъ.)

Явленіе III.

Блёстовъ, одинъ.

Шути, мои другъ, острись! — Я въ очередь мою,
Для шутки у тебя дорогу перебью;
Да и Рославлевъ твой порядочной цѣною
За неучтивости поплатится со мною,
И дѣльно. — Въ дураки попасть имъ легче всѣхъ:
Одинъ все хмурится, другому же все смѣхъ.
Нѣтъ! женщинъ надо знать, — такъ знать, какъ я ихъ знаю.
Однакожъ я и самъ неловко поступаю:
Къ объимъ вдругъ сестрамъ я письма написалъ;
Къ объимъ объ любви! — Ну, какъ въ бѣду попалъ?

Да что? — Развязка тутъ не самая-ль плохая,
Что отъ одной отказъ; не та, такъ все другая.
Вотъ дурно, ежели онѣ, одна другой,
Хвалиться вздумаютъ короткостью со мной.
Да нѣтъ! не можетъ быть: онѣ не разболтаютъ;
Въ любви и женщины что́ надобно скрываютъ;
А вотъ онѣ идутъ! — Однакожъ не могу
Съ обѣими теперь быть вмѣстѣ, — убѣгу!

Явленіе IV.

Элединa, Лиза.

Лиза.

Какъ можно цѣлый часъ смѣяться до упада?

Эледина, хохочетъ.

Нѣтъ силъ!

Лиза.

Да что съ тобой? Скажи, чему ты рада?

Эледина, хохочетъ.

Ахъ! что за милое письмо мнѣ принесли!

Лиза.

Письмо?

Эледина.

От Блёстова. — Какъ нѣжно!

Лиза.

Неужли?

Онъ и ко мнѣ писалъ сегодня же.

Эледина.

Забавно!

Да гдѣ-жъ твое письмо? — Дай посмотрѣть. . . Вотъ славно!

Прочти, пожалуйста: — онъ любитъ насъ равно.

Изъ слова въ слово въ нихъ написано одно.
Каковъ?

Лиза, прочитавъ.

Ну чтожъ, такъ намъ обѣимъ незавидно.

Элединa.

Ужъ Блёстовъ вздумалъ насъ обманывать; обидно!
Нѣтъ, баловать его ненадо; — и къ чему?
Садись, пиши.

Лиза.

Зачѣмъ?

Элединa.

Чтобъ отомстить ему.
Повѣса въ сорокъ лѣтъ! — Ахъ! другъ мой, какъ счастливо!
Тебѣ нерѣдко вѣдь скучаетъ твой ревнивой;
А мой возлюбленный, чтобъ онъ ни говорилъ,
Своей холодностью нимало мнѣ не милъ;
Твой слишкомъ любитъ; мой почти любви не знаетъ;
А это намъ въ мужьяхъ добра не обѣщаетъ.

Лиза.

Ну, что же?

Элединa.

Къ Блёстову напишешь ты отвѣтъ;
Для шутки, такъ, чтобы онъ былъ ни да, ни нѣтъ.

Лиза.

Какъ можно?

Элединa.

Напиши; ты страхъ меня обяжешь.

Лиза.

А если всѣ потомъ узнаютъ, что ты скажешь?

Элединa.

Пусть знаютъ; — я сама хочу къ нему писать,
Вотъ тутъ-то онъ начнетъ мечтать, мечтать, мечтать,

Зазнается, — и вдругъ — глаза ему откроемъ.
Представь себѣ, какъ мы Рославлева разстроимъ?
Услышитъ, взбѣсится, взревнуетъ; — а потомъ,
Какъ ты сама ему признаешься во всемъ,
Немного надобно имѣть ему разсудка,
Чтобы увѣриться, что это просто шутка.
Ну, если шалостью исправимъ мы его?
А мнѣ не сдѣлать ужъ ревнивымъ своего,
Такъ я хочу его заставить разсердиться,
Чтобъ онъ хоть разъ узналъ, какъ весело мириться.
Ну, милая, рѣшись, — пиши; я пособлю.

Лиза.

Нѣтъ, я не напишу, что я его люблю.

Элелина.

Вотъ, какъ теперь гляжу, какъ Блёстовъ будетъ славить.

Лиза.

Ревнивца обмануть?

Элелина.

Да, чтобъ его исправить;
Теперь же случай есть; — пиши, не будь дитя.

Лиза.

Да какъ?

Элелина.

Ахъ! полно.

Лиза.

Я боюся не шутя.

Элелина.

А время между тѣмъ уходитъ. — Ну, скорѣе!

Лиза.

Что будетъ?

Элелина.

Ничего. (Лиза садится.) Вотъ такъ, начни смѣлѣе.

Лиаз.

Ахъ! что я дѣлаю!

Элединa.

Повѣрь мнѣ; не тужи.

Лиза.

Что онъ подумаетъ?

Элединa.

Пусть думаетъ. — Пиши:

(Диктуетъ.)

„Не знаю, хорошо-ль, что я вамъ отвѣчаю....“

Лиза.

Ужъ какъ нехорошо, я это очень знаю.

Элединa, продолжая.

„И не рѣшилась бы я долго; — но со мной
„Рославлевъ, какъ на зло, несносный сталъ такой....“

Лиза.

Несносный, что за вздоръ?

Элединa.

Ну, безпокойный....

Лиза.

Точно.

Элединa.

Пиши: „Онъ ревностью, какъ будто бы нарочно,
„Надоѣдаетъ мнѣ.“

Лиза.

И все не надоѣстъ!

Элединa.

„Надоѣдаетъ мнѣ. — Пусть ищетъ же невѣстъ
„Потерпѣливѣе, а я не въ силахъ болѣ,
„Сносить всѣ странности его; — я вѣкъ въ неволѣ;
„Его мученья...“ (Лиза бросаетъ перо.) Ну?

Лиза.

Помилуй, отчего
Ты рада выдумать все злое на него?

Элединa.

А не сама ли ты сто разъ мнѣ повторяла,
Что даже часто съ нимъ терпѣніе теряла?

Лиза.

Какая разница! то было на словахъ,
А это я пишу къ другому.

Элединa.

Дурно страхъ!
Ну, да пожалуй я смягчу изъ сожалѣнья,
Прочти, что у тебя?

Лиза.

Сейчасъ. (Читаетъ) „Его мученья....

Элединa, диктуетъ.

„Такъ надоѣли мнѣ, что словомъ хоть кого
„Готова я любить, да только не его....“

Лиза.

Нѣтъ! этого писать я вѣкъ не соглашуся.

Элединa.

Что за ребячество!

Лиза.

Ну, право не рѣшуся.

Элединa.

Ты шутишь; — да скажи, чего бояться тутъ?
Вѣдь этого письма лишь двое не поймутъ,
Рославлевъ съ Блёстовымъ, Рославлевъ какъ ревнивый,
А Блёстовъ какъ дуракъ.

Лиза, дописавъ.

Отвѣтъ краснорѣчивый.
Неужли онъ теперь повѣритъ, что въ него
Влюбилась я?

Элединa.

Кто, онъ? — Онъ вѣрилъ до того.
Какъ знаю я мущинъ: ахъ! всѣ безъ исключенья,
Какого объ себѣ они большаго мнѣнья!

Самолюбивы какъ! почти неменьше насъ!
Давай свое письмо, я отошлю сейчасъ.
А между-тъмъ тебѣ ужъ надо притворяться,
Что ты съ Рославлевымъ не хочешь вовсе знаться; —
Пусти-жъ меня. (Садится.) Теперь мнѣ очередь писать.
Представь, какъ будемъ мы надъ ними хохотать!
Ахъ! вдругъ троихъ мужчинъ помучить какъ пріятно!

Лиза.

Что тутъ пріятнаго, мнѣ право непонятно!

Явленіе V.

Ленскій, Рославлевъ, Элѐдина, Лиза.

Лиза.

Ахъ! вотъ они! — Куда все это намъ дѣвать?
Спрячь эти глупости.

Элединa, нарочно громко.

Вотъ стану я скрывать;
Ты знаешь, что во всемъ я скрытность ненавижу.

Рославлевъ.

Смотри, что такъ она прилежно пишетъ!

Ленскій.

Вижу.

Рославлевъ, Лизѣ.

Я ждалъ васъ давича до половины дня;
Или рѣшилися вы бѣгать отъ меня?

Лиза.

Да, сударь, съ вами я всѣ ссоры прекращаю;
Вы не ошиблись; — я — васъ точно убѣгаю.

Рославлевъ.

Не убѣжите же: я васъ вездѣ найду.

(Лиза перебѣгаетъ и становится за Эледипою.)

Элединa, въ сторону.

Вотъ любитъ истинно! — а на мою бѣду,

Мой Ленскій самая холодная особа.
(Ленскому.)
Ахъ! да вы здѣсь. — Давно?

Ленскій.

Сейчасъ вошли мы оба.
Не помѣшаю ли я вамъ?

Элединa, продолжая писать.

Нѣтъ, ничего.

Рославлевъ.

Конечно нечего бояться вамъ его.
Вы можете при немъ всегда писать свободно;
Хоть бы къ соперникамъ его, — къ кому угодно;
Онъ изъ учтивости не будетъ вамъ мѣшать.

Элединa.

Хоть бы къ соперникамъ его, — почемъ же знать?
Я точно нѣжное письмо пишу.

Ленскій.

Прекрасно!
Да я скажу, къ кому.

Элединa.

Къ кому-жъ?

Ленскій.

Ко мнѣ.

Элединa.

Напрасно.
(Въ сторону.)
Какъ можно столько быть увѣреннымъ въ себѣ!

Ленскій.

Ахъ! позавидуетъ весь свѣтъ того судьбѣ,
(Показывая на письмо.)
Кто нѣжности отъ васъ такія получаетъ!
Я вижу по глазамъ, что чувство вамъ внушаетъ.
(Элединa складываетъ письмо.)
И будто кончили? не лучше-ль продолжать?
Расположенія такого долго ждать.

Элединa, въ сторону.

Смѣется? — Если-бъ я въ сердцахъ не разсуждала,
Любовное письмо не въ шутку-бъ написала.
(Кличетъ.)
Кто тутъ? (Лакей входитъ.) На, вотъ письмо! поди, отдай
тому,
Кому надписано....

Ленскій

Куда-жъ итти ему?
Я здѣсь покамѣсть.

Элединa.

Нѣтъ; ужъ вы домой подите;
Тамъ лучше прочитать. (Уходитъ.)

Ленскій, съ улыбкой.

Вы этого хотите.

(Уходитъ.)

Явленіе VI.

Лиза, Рославлевъ.
(Лиза хочетъ уйти.)

Рославлевъ.

И вы?

Лиза.

Позвольте.

Рославлевъ.

Нѣтъ.

Лиза.

Я вздоровъ не терплю.

Рославлевъ.

Вы сердитесь за то, что я васъ такъ люблю!

Лиза.

Все это лишнее; начто намъ объясняться!
Конечно, прежде въ васъ могла я ошибаться;
Я все надѣялась вашъ нравъ перемѣнить;

Но больше не хочу игрушкой вашей быть.
Вчера еще....

Рославлевъ.

Вчера.... да будьте безпристрастны!
Я жду; вы входите: — вы были такъ прекрасны:
Я видѣлъ васъ однѣхъ; — опять какой же слѣдъ
Вамъ замѣчать меня, гдѣ тьма народу; — нѣтъ!
Вы милы, веселы, для всякаго другова;
Со всѣми ласковы, со мною — ни полслова.
Вдругъ Блёстовъ съ значущей улыбкой къ вамъ присталъ;
Болталъ, болталъ и такъ собою заслонялъ,
Что долго я за нимъ не могъ васъ видѣть послѣ.
Макао начался; вы сѣли, Блёстовъ возлѣ. —
Меня упрятали покамѣсть за бостонъ:
Бостонъ ли на умъ! я безъ того взбѣшонъ;
Играю скверно; всѣ другіе, что играютъ,
Кричатъ и сердятся, бранятъ меня, ругаютъ,
А вы хохочете, и вы, и вашъ чудакъ.

Лиза.

Да не одна я, всѣ смѣялись.

Рославлевъ.

Точно такъ!
Не вы однѣ, весь свѣтъ смѣется изъ пустова.
Зато же сыщете вы гдѣ меня другова?
Кто чувствуетъ какъ я? Кто нынче есть съ душой?
Кто любитъ истинно? я право самъ несвой;
Твержу въ нашъ вѣкъ, чтобы кокетство позабыли,
Хочу, чтобъ женщины не женщинами были.

Лиза.

Вотъ оправданіе ревнивца! — Признаюсь!
Нѣтъ, какъ хотите вы, я съ вами разстаюсь.
Да и чего мнѣ ждать! при васъ неосторожно
Ни слова вымолвить, ни замолчать неможно;
Нельзя ни встать, ни сѣсть, ни вытти, ни войти;

Всему вы толкъ иной умѣете найти.
Письмо читаю я.... тотчасъ ужъ подозрѣнье;
Танцую ли съ другимъ.... и тутъ вамъ огорченье;
Получше ли къ кому одѣнусь.... все бѣда!
Все виновата я; и съ вами брань всегда;
Хоть съ Блёстовымъ когда я говорю учтиво,
Ужъ слышу тамъ погой стучатъ нетерпѣливо;
Нѣтъ, лучше вовсе бы меня вамъ не любить.
Вотъ радость! замужемъ невольницей мнѣ быть.

Рославлевъ.

Невольницей! — Тогда! — Ахъ! нѣтъ; избави Боже,
Чтобъ я осмѣлился....

Лиза.

Тогда все будетъ тоже;
И точно то терпѣть я буду, что терплю.
Мы не поладимъ вѣкъ.

Рославлевъ.

Зачѣмъ я васъ люблю?
Безъ этой глупости я васъ бы ненавидѣлъ!
Мы не поладимъ вѣкъ! — Да, я давно ужъ видѣлъ,
Что есть другой, съ кѣмъ вы поладите скорѣй!
Ну что-жъ? такъ я пойду дорогою своей:
Знакомы съ Вельской вы? — добра, умна, прекрасна.
Такъ знайте-жъ, за меня итти она согласна;
А съ нею вѣкъ могу я счастливо прожить.
И — вы принудите меня ее любить.

Лиза.

Извольте-жъ къ ней сейчасъ отправиться, — подите!

Рославлевъ, хочетъ итти.

Я васъ послушаюсь — иду сейчасъ. (Воротясь.) Скажите,
Кто этотъ счастливый, что вами предпочтенъ?

Лиза.

Зачѣмъ вамъ имя знать его?

Рославлевъ.

Затѣмъ, что онъ

Заплатитъ дорого.... да!

Лиза.

Что вы? упокойтесь:

Вы что-то страшны.

Рославлевъ.

Какъ?

Лиза.

Я васъ боюсь... (Убѣгаетъ.)

Рославлевъ.

Не бойтесь!

Какая нужда мнѣ до васъ и до него,
И какъ его зовутъ.....

Явленіе VII.

Рославлевъ, одинъ.

Вотъ, взбѣситъ хоть кого!

Да и меня-жъ потомъ ревнивымъ называютъ!
(Ходитъ взадъ и впередъ.)
Но въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кого предпочитаютъ?
(Въ это время Блестовъ показывается.)
Кто знаетъ, можетъ быть и онъ соперникъ мой?
И точно! — ныньче онъ доволенъ такъ собой!

Явленіе VIII.

Рославлевъ, Блёстовъ.

Блёстовъ.

Вы здѣсь, Рославлевъ? — Ну, опять сердитъ? Скажите:
За что? — Вы влюблены, любимы.

Рославлевъ.

Извините!

Вы шутите, а я.... я вовсе не шучу.

Да кстати, я давно спросить у васъ хочу;
Прошу покорно мнѣ сказать чистосердечно,
Какъ честный человѣкъ.

Блёстовъ.

Вы спросите конечно,
Что не намѣренъ ли у васъ я перебить?

Рославлевъ.

Однажды навсегда прошу мнѣ объявить,
Съ какими видами, такъ часто, постоянно,
Сюда вы ѣздите?

Блёстовъ.

Съ какими? — Очень странно!
Я видовъ не имѣлъ ни на кого отнюдь;
А если....

Рославлевъ.

Ихъ на васъ имѣетъ кто нибудь....
Ну, кто-жъ?

Блёстовъ.

Когда-бъ — отъ васъ хотѣли допытаться,
Вы не сказали бы конечно?

Рославлевъ.

Можетъ статься;
Но вы, — вы скажете, — не правда ли?

Блёстовъ.

Богъ мой!
Какъ этакъ помолчать онъ не даетъ свободы!
Пусть такъ; вы смущены, — я жалостливъ съ природы.

Рославлевъ.

Безъ предисловія.

Блёстовъ.

Прошу же скромнымъ быть.
(Забавляется вниманіемъ его.)
Однако этого не должно-бъ говорить.

Рославлевъ, съ бѣшенствомъ.

Теперь все говорятъ, — ну, говорите-жъ.

Блёстовъ.

Милый!

Вы слишкомъ горячи! — а еслибъ что и было;
И если даже есть, такъ вамъ нѣтъ нужды въ томъ,
Ну понимаете, что вы тутъ не при чемъ.

Рославлевъ.

Ужли Эледина? — Вотъ это будетъ ново!

Блёстовъ.

А что-жъ?

Рославлевъ.

Вы шутите.

Блёстовъ.

Да нѣтъ.

Рославлевъ.

Честное слово?

Блёстовъ.

Честное слово. — Вотъ: — всегда бѣдамъ чужимъ
Смѣялся Ленскій вашъ! — Ну, смѣйтесь же надъ нимъ.
Я отъ Элединой давно терплю нападки;
Да, да.

Рославлевъ.

Но можетъ быть, все это лишь догадки,
Безъ основанія.

Блёстовъ.

Однѣ догадки? — вотъ?
А если дѣло-то серьезнѣе пойдетъ,
На доказательства... Что? это васъ тревожитъ?

Рославлевъ.

Нѣтъ! потому, что ихъ и быть у васъ не можетъ.

Блёстовъ.

Не можетъ, точно такъ. — Да какъ у насъ и быть?
(Вынимаетъ бумажникъ и ищетъ въ немъ.)

А если, напримѣръ, здѣсь можемъ мы найти,
Между такими же другими письмецами....
Оно? Нѣтъ, не оно. — А, вотъ! — прочтите сами.
(Показываетъ Рославлеву письмо; тотъ хочетъ схватить его; но Блёстовъ не даетъ, и Рославлевъ читаетъ съ жадностію.)
Замѣтьте, что амуръ лукавое дитя:
Все это писано, какъ будто бы, шутя;
Всегда вѣдь женщины съ насмѣшекъ начинаютъ,
А тамъ привяжутся, а тамъ и обожаютъ;
А тамъ... (хохочетъ) ну, мочи нѣтъ, какъ Ленскій мнѣ смѣшонъ!
Я радъ до крайности, что такъ обманутъ онъ!
Нѣтъ вы, — вы смотрите за Лизой осторожно;
Вы очень знаете, что женщинѣ все можно,
(Хохочетъ.)
А онъ безъ милости увѣренъ былъ въ себѣ.

Рославлевъ.

Что-жъ? — Всѣ мы этой же подвержены судьбѣ.
Вотъ, Ленскій! наконецъ слова мои сбылися!
Я говорилъ тебѣ....

Блёстовъ.

Когда? — Какъ завелися
У насъ свиданія почаще съ нею?

Рославлевъ, сердито.

Нѣтъ!
Гораздо прежде. — Ахъ! и мнѣ такихъ же бѣдъ
Отъ Лизы можно ждать.

Блёстовъ.

Да, да, — я увѣряю.

Рославлевъ.

Прошу не увѣрять....

Блёстовъ, съ значущей гримасой.

Нельзя; когда я знаю.....
И въ томъ, что къ грусти вамъ причину подаетъ,
Никто участія такого не беретъ,

Какъ я.... Прощайте же. (Уходя поетъ изъ Жоконда.)
„Въ печали, въ огорченьи,
„Всегда любовники грустятъ въ уединеньи."

Явленіе IX.

Рославлевъ, одинъ.

Онъ веселъ и поетъ! — онъ счастливъ и любимъ!
А Ленскій между тѣмъ смиряйся передъ нимъ!
А съ Лизой въ ссорѣ я? — Хоть тѣмъ могу я льститься,
Что Лизѣ врядъ ли онъ успѣетъ полюбиться.
Вотъ женщины, мой другъ! — Что?....

Явленіе X.

Рославлевъ, Ленскій.

Рославлевъ, увидя Ленскаго.

А! да вотъ и онъ!
И что-то невеселъ!

Ленскій, увидя Рославлева.

Опять ужъ разсерженъ!

Рославлевъ, помолчавъ.

Ну, Ленскій, въ женщинахъ ни что мнѣ непонятно!

Ленскій.

Мнѣ тоже, признаюсь.

Рославлевъ.

Онѣ.... невѣроятно!
Какъ хитры, скрытны; — въ нихъ обманется хоть кто.

Ленскій.

Какъ вѣтрены!

Рославлевъ, въ сторону.

Да онъ заговорилъ не то; —
Неужли угадалъ?

Ленскій, въ сторону.

Таить немного прока;
Узнаетъ безъ меня, — а разсказать жестоко.

(Оба сходятся съ двухъ сторонъ.)

Рославлевъ, подходя къ Ленскому.

Съ чего бы мнѣ начать? (Ленскому.) Послушай, милый мой!
Мы съ Лизой разговоръ имѣли преживой;
Да съ ней не сговоришь, совсѣмъ другая стала!
И неуступчива, какъ сроду не бывала!
Тутъ что-нибудь да есть. — Такъ! Богъ ужъ ей судья,
А что душой кривитъ Эледина твоя.

Ленскій.

Нѣтъ! за Элединy, какъ за себя ручаюсь,
А въ Лизѣ, виноватъ, я что-то сомнѣваюсь;
Однакожъ, не сердись, вѣдь это ни къ чему;
Будь разсудителенъ. — А видно по всему,
Что врядъ ли ты любимъ.

Рославлевъ.

Такъ! обо мнѣ заботы,
А объ самомъ себѣ подумать нѣтъ охоты?

Ленскій.

А что?

Рославлевъ.

Не бойсь, скажи про Лизу, что она,
И точно нешутя, въ кого-то влюблена,
Что пишетъ къ этому кому-то; — это мало,
Что онъ письмо ея вездѣ, гдѣ ни попало,
Показываетъ всѣмъ, и словомъ, что ты самъ
Письмо ея читалъ?

Ленскій.

Да по твоимъ словамъ
Тебѣ извѣстно все, — а я сказать боялся.
Такъ точно: Блёстовъ здѣсь со мною повстрѣчался,
И тотчасъ показалъ мнѣ, къ горю твоему,

Письмо руки ея, и писано къ нему.
Теперь, прошу сказать, у женщинъ что же прочно?

Рославлевъ.

Письмо отъ Лизы?

Ленскій.

Да.

Рославлевъ.

Самъ видѣлъ ты?

Ленскій.

Самъ точно...
У Блёстова... его онъ носитъ на показъ.

Рославлевъ.

Ты самъ читалъ его?

Ленскій.

И перечелъ не разъ;
Я вѣрить не хотѣлъ.

Рославлевъ.

Возможно ли? такъ стало,
Все кончено теперь! — Все для меня пропало!
Какъ глупо ввѣрился и какъ обманутъ я!
И кѣмъ же? — Рѣшена судьба теперь моя. —
Утѣшимся, мой другъ. — Оставимъ ихъ въ покоѣ, —
Откажемся навѣкъ отъ женщинъ; будемъ двое
Какъ братья жить.

Ленскій.

Оно все такъ; я очень радъ!
Однакожъ посуди и то, любезный братъ,
Что мнѣ моя вѣрна.

Рославлевъ.

Вѣрна? — да, дожидайся!
Вѣрна! — Нѣтъ, женщинамъ ты лучше удивляйся,
Твоей, моей и всѣмъ! — Всѣ вѣрны, хоть куда!
Да что я? Для тебя невелика бѣда;
И станешь ли тужить ты объ своей потерѣ?

Ленскій, очень хладнокровно.

Въ чемъ дѣло, разскажи.

Рославлевъ.

Она! — по крайней мѣрѣ,
Ты это заслужилъ холодностью своей.

Ленскій.

Да что же?

Рославлевъ.

Ничего. — Отъ вѣрной-то твоей
Показывалъ письмо мнѣ Блёстовъ; — въ оба глаза
Смотрѣлъ я и читалъ, и перечелъ два раза.

Ленскій.

Отъ каждой по письму! — (ему) Какъ ты сказалъ? —
моя?

Рославлевъ.

Писала къ Блёстову письмо; самъ видѣлъ я.

Ленскій.

Ты шутишь?

Рославлевъ, усиливая голосъ.

Не шучу.

Ленскій.

Она къ нему писала?

Рославлевъ.

Да, сударь!

Ленскій.

Къ Блёстову?

Рославлевъ.

Да, сударь.

Ленскій.

Изъясняла
Въ письмѣ любовь свою безъ всякаго стыда?

Рославлевъ.

Да сударь, да сударь, я говорю вамъ, да.
Къ чему распрашивать? для васъ вѣдь это малость.

Ленскій, въ сторону.

Такъ обѣ къ Блёстову онѣ писали? — Шалость!

Рославлевъ.

Никакъ не вслушались, велите повторить?

Ленскій, съ улыбкой.

Нѣтъ, вслушался, и васъ хотѣлъ благодарить.

Рославлевъ.

Что? женщинъ я не зналъ? — „намъ брать у нихъ уроки?
„И только сами мы заводимъ ихъ въ пороки?"
Что? правъ ты?

Ленскій.

Можетъ быть.

Рославлевъ.

Какъ? Лиза мнѣ вѣрна?
И въ шута, въ Блёстова, покамѣсть влюблена!

Ленскій.

Я думаю, теперь онъ долженъ восхищаться.

Рославлевъ.

Вотъ думаетъ объ чемъ!

Ленскій.

Нельзя-ль тебѣ дождаться!
Я въ мигъ приду назадъ.

Рославлевъ.

Ихъ надо въ стыдъ привесть;
Пойдемъ.

Ленскій.

Что мнѣ до нихъ? другое дѣло есть.

(Хочетъ итти.)

Рославлевъ, его держитъ.

Элединa сама, ты помнишь, намъ сказала,
Что нѣжности она къ кому-то сочиняла; —
Да что? при насъ самихъ записка послана.

Ленскій.

Хоть то въ ней хорошо, что искренна она

Рославлевъ.

Какъ входитъ въ голову такое разсужденье!
Подумай хоть объ томъ, холодное творенье,
Письмо Элединой мнѣ Блёстовъ показалъ;
Письмо отъ Лизы онъ тебѣ читать давалъ;
Неужли позволять надъ нами такъ ругаться?

Ленскій.

У всякаго свой вкусъ; онъ любитъ забавляться.

Рославлевъ.

Ахъ, Лиза! — Ахъ! на что отъ Вельской я отсталъ?
Послушай, ты письмо.... проклятое читалъ,
Не помнишь ли, что въ немъ? Сказать ты можешь смѣло;
Ужъ я не разсержусь.

Ленскій.

Зачѣмъ? не къ спѣху дѣло;
Мнѣ Блёстовъ обѣщалъ ихъ письма выдать въ свѣтъ.

Рославлевъ.

Прощай же, коли такъ; — въ тебѣ надежды нѣтъ;
Я Блёстова сыщу. (Хочетъ итти.)

Ленскій, удерживая его.

Постой; какой ты вздорный!
Ну, есть ли изъ чего шумѣть?

Рославлевъ, хочетъ уйти.

Слуга покорный.

Ленскій, держитъ его.

Постой; — повѣрь же мнѣ, что Блёстовъ не любимъ.

Рославлевъ.

Какъ?

Ленскій.

Забавляются надъ нами и надъ нимъ.

Рославлевъ.

Съ чего ты взялъ?

Ленскій.

Съ того, что я навѣрно знаю.

Рославлевъ.

А письма?

Ленскій.

Ихъ себѣ я очень объясняю.
Вдругъ обѣ къ Блёстову послали два письма?
Нельзя, чтобъ обѣ вдругъ сошли онѣ съ ума;
Ну, самъ ты разсуди.

Рославлевъ.

Такъ точно. — Нѣтъ! вѣрнѣе
Узнать бы. — Растолкуй все это мнѣ яснѣе.

Ленскій.

Да все объяснено: — одна изъ нихъ скромна;
Другая, меньше, но.... обманщица-ль она?
Ты вѣришь письмамъ ихъ, а я ихъ чувствамъ вѣрю.
Лишь Блёстовъ сдѣлалъ тутъ неважную потерю,
Разсудокъ потерялъ и то не нынче....

Рославлевъ.

Такъ!
Ты жизнь мнѣ возвратилъ! — Какой же я дуракъ!
Я сомнѣваться могъ! — Что значитъ быть ревнивымъ!
Сто разъ ужъ передъ ней я былъ несправедливымъ!
Какъ, до-сихъ-поръ, не знать ума ея, души?
Однакожъ вѣдь онѣ и сами хороши:
Сидятъ и про себя чай думаютъ: авось ли,
Надъ легковѣрьемъ ихъ мы похохочемъ послѣ.
Нѣтъ! не умѣли мы ихъ хитрость угадать?
Нѣтъ! очередь не намъ надъ ними хохотать?
Тебѣ обязанъ я всѣмъ, другъ мой! (Обнимаетъ его.)

Ленскій.

И какъ другу,
Мнѣ окажи теперь бездѣльную услугу.

Рославлевъ, *съ живостію.*

Вели, приказывай; что хочешь ты, чего?

Ленскій.

Дай Блёстову пожить; не вызывай его.

Рославлевъ.

Не вызову.

Ленскій.

Ну вотъ, насилу усмирился.

Рославлевъ.

Однакожъ если ты судить поторопился?

Ленскій.

Опять за ревность!

Рославлевъ.

Нѣтъ, да ты подумай самъ;
Безъ доказательства нельзя же вѣрить намъ.

Ленскій.

Все та же пѣсня.

Рославлевъ.

Мнѣ хотѣлось бы покуда....

Ленскій.

Покуда надобно уйти тебѣ отсюда;
Отчаяннаго роль я стану здѣсь играть;
Ты только не мѣшай.

Рославлевъ.

Да надо бы узнать.

Ленскій.

Я все узнаю, (*Почти толкаетъ его.*) все; ну, что же, убирайся.

Рославлевъ.

А если....

Ленскій.

Ахъ, поди! (*Толкаетъ его.*)

Рославлевъ.

Смотри, въ обманъ не вдайся.

Ленскій, выталкивает.

Да ну, поди скорѣй!

(Рославлевъ тихонько входитъ опять, и не бывъ примѣченъ Ленскимъ, прячется чрезъ другія двери въ кабинетъ.)

Явленіе XI.

Ленскій, одинъ.

Довольно покричалъ!
Не мудрено, я самъ ужъ вѣрить начиналъ!
А Блёстову его соперники достались
Въ повѣренные! — Какъ? Всѣ трое мы попались,
Чтобы Эледину и Лизу забавлять?
Пустое! — Не люблю я женщинъ баловать.
Нѣтъ хуже, какъ прощать насмѣшки ихъ надъ нами.
Ихъ поздно въ руки брать, какъ будутъ намъ женами.
Онѣ? я очень радъ!

Явленіе XII.

Ленскій, Эледина, Лиза.

Эледина, Лизѣ въ глубинѣ комнаты.

Печаленъ! — Неужли
Ужъ Блёстовъ разсказалъ?

Лиза.

Спроси.

Эледина, Ленскому.

Куда вы шли?

Ленскій, печально.

Не знаю.

Эледина.

Что за грусть? — Вѣдь вы смѣетесь вѣчно.

Ленскій, ходя взадъ и впередъ.

Когда обманывалъ кто такъ безчеловѣчно!
Мужчину завести, увѣрить, уловить,

Дать слово; — и потомъ, какъ на смѣхъ, измѣнить.
Въ досадѣ этакой отъ смерти недалеко!

Элединa.

Зачѣмъ же отъ меня такъ мучиться жестоко?

Ленскій, остановясь.

Поступокъ вашъ меня конечно оскорбилъ;
Однакожъ не объ немъ теперь я говорилъ.
Отчаянный мой другъ мнѣ въ головѣ вертится.
(Лизѣ.)
Представьте, онъ совсѣмъ хотѣлъ ужъ застрѣлиться.
Все проклиналъ: любовь, друзей и цѣлый свѣтъ;
Рѣшилъ, что для него ни въ комъ надежды нѣтъ,
Что въ свѣтѣ все обманъ, что женщины всѣ ровно,
Лукавы, злы,....

Элединa, перебивая.

А вы какъ должно, хладнокровно,
Утѣшили его?

Ленскій.

Какъ тутъ попали вы.
Я, правда, ждалъ всего отъ этой головы;
Онъ застрѣлился бы, — но —, выдумкой счастливой,
Я спасъ его.

Лиза, испугавшись.

Какой?

Ленскій.

Извѣстно, что ревнивый,
Въ любви обманутый тотчасъ на все готовъ;
Такъ убѣдить его мнѣ стоило двухъ словъ:
Наталью Вельскую вы знаете?

Элединa.

Ну, что же?

Ленскій, Лизѣ.

Такъ точно; васъ она немного помоложе, —
(Элединой.)
Брюнетка! острая! живая!.... Словомъ онъ.....

Элединa, перебивая и показывая на Лизу.

Съ досады на нее ужъ въ Вельскую влюбленъ.

Ленскій.

Вхожу я; — въ комнатѣ почти не видно свѣта;
Онъ въ горѣ; — на столѣ лежатъ два пистолета; —
Я началъ утѣшать; онъ слушать не хотѣлъ;
Объ Вельской рѣчь зашла....

Элединa, перебивая.

И къ ней онъ полетѣлъ.

Ленскій.

Нѣтъ, я отвезъ его. — А впрочемъ долго бился;
Онъ спорилъ, ссорился, но послѣ, согласился.

Элединa, въ сторону.

Злодѣй!

Лиза, въ сторону.

Ахъ!

Ленскій, Элединой.

И теперь они въ глазахъ моихъ!
Представьте въ нѣжности и въ восхищеньи ихъ!
Не могутъ говорить, хоть говорить хотѣли;
За то съ какимъ огнемъ другъ на друга глядѣли!
(Лизѣ.)
А болѣе меня ея плѣнялъ восторгъ!
Скажите? я безъ слезъ смотрѣть на нихъ не могъ.
(Элединой.)
И что-жъ пріятнѣе, какъ видѣть двухъ счастливыхъ?
(Лизѣ.)
Въ желаніяхъ любви, — всегда нетерпѣливыхъ,
При мнѣ клялись они другъ друга обожать;
И.... скоро свадьба ихъ. (Элединой.) А мнѣ пришлось искать,
Такую милую, — (хоть правда это странно),
Чтобъ одного меня любила постоянно;

Не то, чтобъ Блёстову я подражать хотѣлъ,
Сегодня двухъ невѣстъ онъ вдругъ сыскать умѣлъ.
(Ленскій смѣется и раскланивается съ ними; онѣ съ досады на него не смотрятъ и онъ уходитъ.)

Явленіе XIII.

Элединa, Лиза.

Элединa, долго молчитъ, не смѣя взглянуть на Лизу; наконецъ говоритъ.

Какой же человѣкъ! — И я его любила!

Лиза.

А я себя, скажи, за что же погубила?
Твоя же выдумка, чтобъ письма намъ писать!
И подлинно умно, ужъ нечего сказать! —
Ахъ! я отъ этого Рославлева теряю.

Рославлевъ, выходя изъ кабинета, въ которомъ онъ прятался.

Дай ихъ подслушаю. (Въ этой сценѣ онъ нѣсколько разъ хочетъ подойти къ Лизѣ.)

Элединa.

Да я еще не знаю,
Печалиться ли намъ? И есть ли изъ чего?
Хоть Ленскій мой... Скажи, ну гдѣ-жъ любовь его?
Вѣдь онъ же не шутя любить меня божился.
А твой? — Съ отчаянья почти-что ужъ женился.
Они....

Лиза.

То сдѣлали, что должно было имъ.
Что сдѣлала бы я, съ терпѣніемъ моимъ,
Какъ? на дурацкія мы письма отвѣчаемъ!
Кого же? Блёстова мы имъ предпочитаемъ....

Элединa.

Что-жъ? Изъ учтивости должны бы хоть они
Поплакать, пострадать какихъ нибудь два дни; —
Я видѣла, какъ здѣсь ревнивецъ твой божился,

Что въ мигъ бы умеръ онъ, когда-бъ тебя лишился.
Зачѣмъ же не сдержалъ онъ слова своего?

Лиза.

Зачѣмъ? — Ахъ, Боже мой!

Элedина.

Да это роль его.
Роль Ленскаго теперь веселымъ притворяться,
А наша, имъ на зло, ничуть не огорчаться;
Поддержимъ честь свою и позабудемъ ихъ.

Лиза, почти плачетъ.

Честь? — Развѣ честь велитъ обманывать другихъ?

Рославлевъ, тихо въ глубинѣ комнаты.

Прелестна! (Хочетъ къ ней подойти.)

Лиза, плачетъ.

Какъ любилъ! Какъ думалъ быть счастливымъ!
Ну вотъ! ты Ленскаго не сдѣлала ревнивымъ,
А я съ Рославлевымъ лишаюся всего;
Мнѣ даже жаль теперь и ревности его!
Ахъ! если-бъ слышалъ онъ, какъ я себѣ пѣняю;
Когда бы зналъ....

Явленіе XIV.

Рославлевъ, Элединa, Лиза.

Рославлевъ, съ радостію.

Я здѣсь; все слышалъ и все знаю.

Лиза.

Рославлевъ, это вы?

Рославлевъ.

Такъ я еще любимъ?
И сказкамъ обо мнѣ вы вѣрите пустымъ?

Элединa.

Такъ вздоръ онъ намъ сказалъ про Вельскую Наташу?
Обманщикъ Ленскій!

Рославлевъ.

Да, онъ понялъ шутку вашу,
И отплатить хотѣлъ.

Лиза.

А вы съ нимъ заодно!

Рославлевъ.

Кто?... Я?... Нѣтъ, несовсѣмъ.... Вѣдь было мудрено
Не усомниться мнѣ; — такой я сумасшедшій;
Да что ужъ толковать о глупости прошедшей?
(Элединой.)
Не ссорьтесь съ Ленскимъ; онъ безцѣненъ! — Безъ него
Не зналъ бы никогда я счастья своего.
(Лизѣ.)
Когда бы удалось услышать мнѣ: какъ мило
Жалѣли обо мнѣ? — Какъ мнѣ пріятно было!
За это вы меня рѣшитесь ли простить?

Лиза.

Вы сами слышали, такъ что тутъ говорить.

Рославлевъ.

Ахъ, сроду никогда я такъ не восхищался!

Элелина, увидя Ленскаго.

Тсъ! — тише!

Явленіе XV.

Ленскій, Рославлевъ, Элелина, Лиза.

Ленскій, будто ищетъ кого-то.

Точно здѣсь. — Что если-бъ догадался
И онъ помучить ихъ? (Посмотрѣвъ на всѣхъ.) Нѣтъ, все известно...

Элелина.

Да!
Извѣстно всѣмъ, что въ васъ нѣтъ совѣсти, стыда;
Всѣхъ рады обсмѣять вы для своей забавы,

И непростительно какъ злы и какъ лукавы;
Ужасный человѣкъ!

Ленскій.

Что-жъ дѣлать? — виноватъ! —
А вотъ несносенъ кто, все выболтать онъ радъ!
Нѣтъ, милый мой, теперь мы сговорились двое,
А если что-нибудь впередъ затѣю злое,
Такъ вѣрно безъ тебя.

Рославлевъ, съ довольнымъ видомъ.

Пожалуй.

Элединa.

Боже мой!
Вотъ извиняется онъ какъ передо мной!

Ленскій.

Что-жъ хитрость мнѣ моя, — признаться я обязанъ,
Не вовсе удалась; — довольно я наказанъ.

Явленіе XVI.

(Рославлевъ цѣлуетъ руку у Лизы; Ленскій съ тѣмъ же подходитъ къ Элединой; она отъ него отворачивается: въ эту минуту является Блёстовъ и помираетъ со смѣху.)

Блёстовъ, Ленскій, Элединa, Рославлевъ, Лиза.

Блёстовъ, въ сторону.

Забавны въ запуски одинъ передъ другимъ!
(На ухо Элединой.)
Зачѣмъ обходитесь вы такъ жестоко съ нимъ?
Онъ догадается.
(Элединa смѣется. Блёстовъ становится между Ленскимъ и Рославлевымъ.)
(Ленскому.)

Вашъ другъ въ веселомъ нравѣ;
Чтоесли-бъ онъ узналъ? нѣтъ, Боже насъ избави!
(Ленскій смѣется.)
(Рославлеву.)
Каковъ вамъ кажется вашъ Ленскій? — Право кладъ!

Вѣдь за Элединy онъ побожиться радъ,
Что все ему вѣрна! (Всѣ смѣются.) Да кто-жъ надъ кѣмъ
смѣется?

Ленскій.

Надъ вами, сударь, всѣ, мнѣ такъ оно сдается.
(Элединой.)
А чтобъ увѣрился онъ въ торжествѣ своемъ,
День нашей свадьбы мы назначимте при немъ.

Элединa.

Ты понялъ мастерски, хитрецъ, мою науку;
За это, за одно, мою получишь руку.

Ленскій.

Вы шутки не должны такъ къ сердцу принимать:
Я васъ въ невѣрности не смѣлъ подозрѣвать,
Хоть Блёстовъ, слова нѣтъ, соперникъ преопасный...
Рославлевъ ревновалъ: — Ну! онъ любовникъ страстный,
А я, почтительный, — тутъ нѣтъ другихъ причинъ;
И несогласіямъ конецъ теперь одинъ.
(Показывая на Блёстова.)
За наши ссоры онъ пусть Богу отвѣчаетъ.

Рославлевъ, самымъ насмѣшливымъ тономъ.

Вотъ Блёстовъ разомъ какъ двухъ женщинъ обольщаетъ!
(Каждый въ свою очередь подходитъ къ Блёстову съ ироническимъ поклономъ и потомъ всѣ уходятъ.)

Явленіе XVII.

Блестовъ, одинъ.

Красавицы мои! Кто растолкуеть васъ?
Да правда, вѣдь и мы не лучше въ добрый часъ;
Сегодня любимъ ихъ, а завтра ненавидимъ.
(Подумавши.)
Какъ будутъ замужемъ онѣ, — тогда увидимъ!

Отрывокъ изъ Гёте.

Директоръ театра.

По дружбѣ мнѣ, вы господа,
При случаѣ посильно иногда
И дѣятельно помогали;
Сегодня, милые, нельзя-ли
Воображенію дать смѣлый вамъ полетъ?
Парите вверхъ, и внизъ спускайтесь произвольно,
Чтобъ большинство людей осталось мной довольно,
Которое живетъ, и жить даетъ.
Домъ зрѣлища устроенъ пребогатый,
И бревяной накатъ, и полъ дощатый,
И все по зву: — одинъ свистокъ:
Храмъ взыдетъ до небесъ, раскинется лѣсокъ.
Лишь то бѣда, ума намъ гдѣ добиться?
Смотрите вы на брови знатоковъ,
Они, и всякій кто каковъ;
Чему-нибудь хотѣли-бъ удивиться;
А я испуганъ, сталъ въ тупикъ;
Не то, чтобы у насъ къ хорошему привыкли,
Да начитались столько книгъ!
Всю подноготную проникли!
Увы!

И слушаютъ, и ловятъ все такъ жадно!
Чтобъ были вещи имъ новы,
И складно для ума, и для души отрадно.
Люблю толпящійся народъ
Я, при раздачѣ ложъ и креселъ;
Кому терпѣнье — труденъ входъ,
Тотъ получилъ себѣ — и веселъ,
Но вотъ ему возврата нѣтъ!
Стѣной густѣютъ непроломной,
Толпа ростетъ, и рокотъ громный
И голоса: билетъ! билетъ!
Какъ будто ихъ раждаетъ преисподня;
А это чудо кто творитъ? — Поэтъ;
Нельзя ли, милый другъ, сегодня?

Поэтъ.

О, не тревожь, не мучь суетъ картиной.
Задерни, скрой отъ глазъ народъ,
Толпу, которая пестрѣющей пучиной
Съ собой противувольно насъ влечетъ.
Туда веди, гдѣ подъ небесъ равниной
Поэту радость чистая цвѣтетъ;
Гдѣ дружба и любовь, его къ покою
Обвѣятъ, освѣжатъ божественной рукою.
Ахъ! часто, что отраду въ душу льетъ,
Что робко намъ уста пролепетали,
Мечты неспѣлыя.... и вотъ
Ихъ крылья бурнаго мгновенія умчали.
Едва искупленныхъ трудами многихъ лѣтъ,
Ихъ въ полнотѣ красы увидитъ свѣтъ.
Обманчивъ блескъ: — онъ не продлится,
Но истинный потомству сохранится.

Весельчакъ.

Потомству? да; и слышно только то,
Что духомъ всѣ парятъ къ потомкамъ отдаленнымъ;

Неужь-то, наконецъ, никто
Непорадѣетъ современнымъ?
Неужь-то холодомъ мертвитъ какъ чародѣй
Присутствіе порядочныхъ людей!
Кто бредитъ лаврами на сценѣ и въ печати,
Кому ниспосланы кисть, лира иль рѣзецъ
Изгибы обнажать сердецъ;
Тотъ поробѣетъ-ли? — Толпа ему и кстати;
Желаетъ онъ побольше кругъ,
Чтобъ дѣйствовать на многихъ вдругъ.
Скорѣй фантазію, гласъ скорби безотрадной,
Движенье, пылъ страстей, весь хоръ ея нарядный
Къ себѣ зовите на чердакъ.
Дурачеству оставьте дверцу,
Не настежъ, въ половину, такъ,
Чтобъ всякому пришло по сердцу.

Директоръ.

Побольше дѣйствія! — что зрителей манитъ.
Имъ видѣть хочется — ну живо
Представить имъ дѣла на видъ!
Какъ хочешь жаръ души излей краснорѣчиво;
Иной уловкою успѣхъ себѣ упрочь,
Побольше дѣйствія, сплетеній и развитій!
Лишь силой можно силу превозмочь,
Число людей числомъ событій.
Гдѣ приключеній тьма — никто не перечтетъ,
На каждаго по нѣскольку придется;
Народъ доволенъ разойдется,
И всякой что-нибудь съ собою понесетъ.
Сліяніе частей измучитъ васъ смертельно;
Давайте намъ подробности отдѣльно.
Что цѣлое? какая прибыль вамъ?
И ваше цѣлое вниманье въ комъ пробудитъ?

Его расхитятъ по долямъ,
И публика по мелочи осудитъ.

Поэтъ.

Ахъ! это-ли имѣть художнику въ виду!
Обречь себя въ вѣкахъ укорамъ и стыду!
Не чувствуетъ, какъ душу мнѣ терзаетъ.

Директоръ.

Размыслите вы сами напередъ:
Кто сильно потрясти людей желаетъ,
Способнѣе оружье изберетъ;
Но время ваши призраки развѣять,
О гордые искатели молвы!
Опомнитесь! — кому творите вы?
Влечется къ намъ иной, чтобъ скуку поразсѣять,
И скука вмѣстѣ съ нимъ ввалилась — дремлетъ онъ;
Другой явился отягченъ
Парами пѣнистыхъ бокаловъ;
Иной небрежный ловитъ стихъ, —
Сотрудникъ глупыхъ онъ журналовъ.
На святочныя игры ихъ
Чистѣйшее желанье окрыляетъ,
Невѣжество имъ зрѣнье затемняетъ,
И на устахъ бездушія печать;
Красавицы подъ бременемъ уборовъ
Тишкомъ желаютъ расточать
Обманъ улыбки, нѣгу взоровъ.
Что возмечтали вы на вашей высотѣ?
Смотрите имъ въ лице! — вотъ тѣ
Окременѣвшія толпы живымъ утесомъ;
Здѣсь озираются во мракѣ подлецы,
Чтобъ слово подстеречь и погубить доносомъ,
Тамъ мыслятъ дань обрѣсть картежные ловцы,
Тотъ буйно ночь провесть въ объятіяхъ безчестныхъ;
И для кого хотите вы, слѣпцы,

Вымучивать внушенье музъ прелестныхъ!
Побольше пестроты, побольше новизны,
Вотъ правило, и непреложно.
Легко мы всѣ изумлены,
Но угодить на насъ не можно.
Что? гордости порывъ утихъ?
Разсудокъ превозмогъ....

Поэтъ.

Нѣтъ! нѣтъ! — негодованье.
Поди, ищи услужниковъ другихъ.
Тебѣ-ль отдамъ святѣйшее стяжанье,
Свободу въ жертву прихотей твоихъ?
Чѣмъ равны небожителямъ Поэты?
Что силой неудержною влечетъ
Къ ихъ жребію сердца, и всѣхъ обѣты,
Стихіи всѣ во власть имъ предаетъ?
Не сладкозвучіе-ль? — которое тѣснится
Изъ ихъ груди, вливаетъ ту любовь,
И къ нимъ она отзывная стремится,
И въ нихъ восторгъ раждаетъ вновь, и вновь.
Когда природой равнодушно
Крутится длинновьющаяся прядь;
Кому она такъ дѣлится послушно?
Когда созданья всѣ, слаба ихъ мысль обнять,
Одни другимъ звучатъ противугласно;
Кто съединяетъ ихъ въ пріятный слуху громъ,
Такъ величаво! такъ прекрасно!
И кто виновникъ ихъ потомъ
Спокойнаго и пышнаго теченья?
Кто стройно размѣряетъ ихъ движенья,
И бури, вопли, крикъ страстей
Мѣняетъ вдругъ на дивные аккорды?
Кѣмъ славны имена и памятники тверды?
Превыше всѣхъ земныхъ и суетныхъ честей,

Изъ бренныхъ листвіевъ кто чудно соплетаетъ
Съ вѣками болѣе нетлѣнно и свѣжѣй
То знаменье величія мужей,
Которымъ онъ ихъ чёла украшаетъ?
Предъ чьей возлюбленной весна не увядаетъ?
Цвѣты роскошные родитъ предъ нею перстъ
Того, кто спутникъ ей отрадъ, любви стезею;
По смерти имъ Олимпъ отверстъ;
И невечернею вѣнчается зарей
Кто не коснѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ,
Но въ гимнъ единый слилъ красу небесъ съ землею.
Ты постигаешь-ли умомъ
Создавшаго міры и лѣта?
Его престолъ душа Поэта.

Горе отъ ума.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Павелъ Афанасьевичъ Фамусовъ, управляющій казеннымъ мѣстомъ.
Софья Павловна, дочь его.
Александръ Андреевичъ Чацкій.
Платонъ Михайловичъ } Горичевы.
Наталья Дмитріевна } Горичевы.
Репетиловъ.
Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.
Алексѣй Степановичъ Молчалинъ, секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ.
Сергѣй Сергѣевичъ Скалозубъ.
Лиза, служанка.
Хлестова.
Графиня Хрюмина.
Графиня, ея внучка.
Князь Тугоуховскій.
Княгиня, жена его.
1, 2, 3, 4, 5, 6 } ихъ дочери.
1, 2 } слуги Фамусова.
Г. N.
Г. D.
Лакей Чацкаго.
Лакей Горичевыхъ.
Лакей Хрюминой.
Лакей Скалозуба.

ДѢЙСТВІЕ I.

Гостиная; въ ней большіе часы, справа дверь въ спальню Софьи, откуда слышны фортопьяно съ флейтою, которыя умолкаютъ. Лиза среди комнаты спитъ, свѣсившись съ креселъ.

(Утро, чуть-чуть день брежжется.)

Явленіе I.

Лиза, вдругъ просыпается, встаетъ съ креселъ, оглядывается.

Свѣтаетъ!... Ахъ! какъ скоро ночь минула!
Вчера просилась спать — отказъ!
Ждемъ друга — нуженъ глазъ да глазъ!
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь, вотъ только-что вздремнула,
Ужъ день!... Сказать имъ.

(Стучится къ Софьѣ.)

Господа!

Эй, Софья Павловна! бѣда!
Зашла бесѣда ваша за́-ночь!
Вы глухи?... Алексѣй Степанычъ!
Сударыня!... И страхъ ихъ не беретъ!

(Отходитъ отъ дверей.)

Ну! гость неприглашенный,
Быть можетъ, батюшка войдетъ...
Прошу служить у барышни влюбленной!

(Опять подходитъ къ дверямъ.)

Да расходитесь, утро... Что-съ?

(Голосъ Софьи.)

Который часъ?

Лиза.

Все въ домѣ поднялось.

Софья, изъ комнаты.

Который часъ?

Лиза.

Седьмой, восьмой, девятый.

Софья, изъ комнаты.

Неправда.

Лиза.

Ахъ! амуръ проклятый!
И слышатъ, не хотятъ понять...
Ну, чтобы ставни имъ отнять...
Переведу часы, хоть знаю, будетъ гонка —
Заставляю ихъ играть.

(Лѣзетъ на стулъ и передвигаетъ стрѣлку; часы бьютъ и играютъ.)

Явленіе II.

Лиза и Фамусовъ.

Лиза.

Ахъ! баринъ!

Фамусовъ.

Баринъ, да!

(Останавливаетъ часовую стрѣлку.)

Вѣдь экая шалунья ты, дѣвчонка!
Не могъ придумать я, что́ это за бѣда?
То флейта слышится, то будто фортопьяно.
Для Софьи слишкомъ было-бъ рано.

Лиза.

Нѣтъ, сударь, я... лишь невзначай...

Фамусовъ.

Вотъ то-то невзначай — за вами примѣчай,
Такъ вѣрно съ умысломъ...

(Жмется къ ней и играетъ.)

Охъ! зелье, баловница!

Лиза.

Вы баловникъ — къ лицу-ль вамъ эти лица!

Фамусовъ.

Скромна, а ничего кромѣ
Проказъ и вѣтра на умѣ.

Лиза.

Пустите... Вѣтренники сами!
Опомнитесь — вы старики!...

Фамусовъ.

Почти.

Лиза.

Ну, кто придетъ, куда мы съ вами?

Фамусовъ.

Кому сюда придти!
Вѣдь Софья спитъ?

Лиза.

Сейчасъ започивала.

Фамусовъ

Сейчасъ? А ночь?

Лиза.

Ночь цѣлую читала.

Фамусовъ.

Вишь прихоти какія завелись!

Лиза.

Все пофранцузски вслухъ читаетъ, запершись.

Фамусовъ.

Скажи-ко, что глаза ей портить не годится,
И въ чтеньи прокъ-отъ не великъ.
Ей сна нѣтъ отъ французскихъ книгъ,
А мнѣ отъ русскихъ больно спится!

Лиза.

Что встанетъ, доложу-съ.
Извольте же идти.... разбудите, боюсь....

Фамусовъ.

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь кварталъ симфонію гремишь.

Лиза, какъ можно громче.

Да, полноте-съ!

Фамусовъ, зажимая ей ротъ.

Помилуй, какъ кричишь!
Съ ума ты сходишь!

Лиза.

Боюсь, чтобы не вышло изъ того....

Фамусовъ.

Чего?

Лиза.

Пора, сударь, вамъ знать — вы не ребенокъ:
У дѣвушекъ сонъ утренній такъ тонокъ,
Чуть дверью скрыпнешь, чуть шепнешь,
Все слышатъ.

Фамусовъ.

Все ты лжешь.

(Голосъ Софьи.)
Эй, Лиза!

Фамусовъ.

Тсъ!

(Крадется на цыпочкахъ.)

Лиза, идетъ.

Ушелъ. Ахъ! отъ господъ подалѣй;
У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовь.
Минуй насъ, пуще всѣхъ печалей,
И барскій гнѣвъ и барская любовь!

Явленіе III.

Лиза, Софья, со свѣчею, и за ней Молчалинъ.

Софья.

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь....

Лиза.

Конечно, вамъ разстаться тяжело!
До свѣта запершись, а кажется все мало.

Софья.

Ахъ! въ самомъ дѣлѣ, разсвѣло!
(Тушитъ свѣчу.)
И свѣтъ и грусть!... Какъ быстры ночи!

Лиза.

Тужите знай — со стороны нѣтъ мочи.
Сюда вашъ батюшка пришелъ; я обмерла,
Вертѣлась передъ нимъ, не помню что врала.
Ну, что же стали вы? Поклонъ, сударь, отвѣсьте,
Подите... Сердце не на мѣстѣ!
Смотрите на часы, взгляните-ко въ окно:
Валитъ народъ по улицамъ давно,
А въ домѣ стукъ, ходьба, метутъ и убираютъ.

Софья.

Счастливые часовъ не наблюдаютъ.

Лиза.

Не наблюдайте — ваша власть!
А что въ отвѣтъ за васъ, конечно, мнѣ попасть.

Софья, Молчалину.

Идите! Цѣлый день еще потерпимъ скуку.

Лиза.

Богъ съ вами!... Прочь возьмите руку!
(Разводитъ ихъ. Молчалинъ въ дверяхъ сталкивается съ Фамусовымъ.)

Явленіе IV.

Тѣ же и Фамусовъ.

Фамусовъ.

Что за оказія! Молчалинъ! ты, братъ?

Молчалинъ.

Я-съ.

Фамусовъ.

За чѣмъ же здѣсь? И въ этотъ часъ?
И Софья!... Здравствуй, Софья! Что ты

Такъ рано поднялась?... А? Для какой заботы?
И какъ васъ Богъ не въ пору вмѣстѣ свелъ?

Софья.

Онъ только-что теперь вошелъ...

Молчалинъ.

Сейчасъ съ прогулки...

Фамусовъ.

Другъ! нельзя-ли для прогулокъ
Подальше выбрать закоулокъ?
А ты, сударыня, чуть изъ постели прыгъ —
Съ мужчиной, съ молодымъ! Занятье для дѣвицы!
Всю ночь читаешь небылицы,
И вотъ плоды отъ этихъ книгъ!
А все Кузнецкій мостъ и вѣчные французы!
Оттуда моды къ намъ и авторы и музы,
Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шпилекъ, и булавокъ,
И книжныхъ и бисквитныхъ лавокъ!

Софья.

Позвольте, батюшка... Кружится голова,
Я отъ испуга духъ перевожу едва...
Изволили вбѣжать вы такъ проворно —
Смѣшалась я...

Фамусовъ.

Благодарю покорно!
Я скоро къ нимъ вбѣжалъ,
Я помѣшалъ, я испугалъ!
Я, Софья Павловна, разстроенъ самъ: день цѣлый
Нѣтъ отдыха: мечусь, какъ словно угорѣлый;
По должности, по службѣ хлопотня;
Тотъ пристаетъ, другой — всѣмъ дѣло до меня!
Но ждалъ-ли новыхъ я хлопотъ? Чтобъ былъ обманутъ...

Софья, сквозь слезъ.

Кѣмъ, батюшка?

Фамусовъ.

Вотъ, попрекать мнѣ станутъ,
Что безъ толку всегда журю!
Не плачь — я дѣло говорю.
Ужъ о твоемъ-ли не радѣли
Объ воспитаньи съ колыбели?
Мать умерла — умѣлъ я принанять
Въ мадамъ Розье вторую мать,
Старушку-золото, къ надзоръ къ тебѣ приставилъ:
Умна была, нравъ тихій, рѣдкихъ правилъ —
Одно не къ чести служитъ ей:
За лишнихъ въ годъ пять сотъ рублей,
Сманить себя другими допустила.
Да не въ мадамъ сила:
Не надобно другаго образца,
Когда примѣръ въ глазахъ отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньемъ,
Однако добръ и свѣжъ и дожилъ до сѣдинъ,
Свободенъ, вдовъ; себя я господинъ...
Монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ...

Лиза.

Осмѣлюсь я, сударь...

Фамусовъ.

Молчать!
Ужасный вѣкъ! не знаешь, что начать!
Всѣ умудрились не по лѣтамъ,
А пуще дочери — да, сами добряки!
Дались намъ эти языки...
Беремъ же побродягъ, и въ домъ, и по билетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить — всему,
И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ,
Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ!

Ты, посѣтитель, что? Ты здѣсь, сударь, кчему?
Безроднаго пригрѣлъ, и ввелъ въ мое семейство,
Далъ чинъ ассессора и взялъ въ секретари;
Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство,
И будь не я, коптѣлъ бы вѣкъ въ Твери!...

Софья.

Я гнѣва вашего никакъ не растолкую.
Онъ въ домѣ здѣсь живетъ — великая напасть:
Шелъ въ комнату, попалъ въ другую!...

Фамусовъ.

Попалъ, или хотѣлъ попасть,
Да вмѣстѣ вы зачѣмъ? Нельзя, чтобы случайно.

Софья.

Вотъ въ чемъ однако случай весь:
Какъ давича вы съ Лизой были здѣсь,
Перепугалъ меня вашъ голосъ чрезвычайно,
И бросилась сюда со всѣхъ я ногъ...

Фамусовъ.

Пожалуй, на меня всю суматоху сложитъ.
Не въ пору голосъ мой надѣлалъ имъ тревогъ!

Софья.

По смутномъ снѣ бездѣлица тревожитъ.
Сказать вамъ сонъ? Поймете вы тогда...

Фамусовъ.

Что за исторія?

Софья.

Вамъ разсказать?

Фамусовъ, *садится.*

Ну, да!

Софья.

Позвольте... Видите-ль... сначала
Цвѣтистый лугъ, и я искала
Траву,
Какую-то — не вспомню наяву...

Вдругъ милый человѣкъ — одинъ изъ тѣхъ, кого мы
Увидимъ — будто вѣкъ знакомы —
Явился тутъ со мной, и вкрадчивъ, и уменъ,
Но робокъ.... Знать, кто въ бѣдности рожденъ...

Фамусовъ.

Ахъ! матушка! не довершай удара!
Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара.

Софья.

Потомъ пропало все, луга и небеса —
Мы въ темной комнатѣ.... Для довершенья чуда
Раскрылся полъ, и вы оттуда,
Блѣдны, какъ смерть, и дыбомъ волоса!...
Тутъ съ громомъ распахнулись двери....
Какіе-то не люди и не звѣри
Насъ врозь!... и мучили сидѣвшаго со мной!
Онъ будто мнѣ дороже всѣхъ сокровищъ —
Хочу къ нему — вы тащите съ собой!
Насъ провожаетъ стонъ, ревъ, хохотъ, свистъ чудовищъ.
Онъ въ слѣдъ кричитъ....
Проснулась.... Кто-то говоритъ....
Вашъ голосъ былъ — что̀, думаю, такъ рано?
Бѣгу сюда, и васъ обоихъ нахожу.

Фамусовъ.

Да, дуренъ сонъ, какъ погляжу.
Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана —
И черти, и любовь, и страхи, и цвѣты....
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалинъ.

Я слышалъ голосъ вашъ....

Фамусовъ.

Забавно!
Дался имъ голосъ мой, и какъ себѣ исправно
Всѣмъ слышится, и всѣхъ сзываетъ до зари!
На голосъ мой спѣшилъ, за чѣмъ же? говори!

Молчалинъ.

Съ бумагами-съ.

Фамусовъ.

Да! ихъ недоставало!
Помилуйте! что это вдругъ припало
Усердье къ письменнымъ дѣламъ?
(Встаетъ.)
Ну, Софьюшка, тебѣ покой я дамъ.
Бываютъ странны сны, а наяву страннѣе:
Искала ты себѣ травы,
На друга набрела скорѣе.
Повыкинь вздоръ изъ головы —
Гдѣ чудеса, тамъ мало складу.
Поди-ко лягъ, усни опять.
(Молчалину.)
Идемъ бумаги разбирать.

Молчалинъ.

Я только несъ ихъ для докладу,
Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, а въ иныхъ
Противорѣчье есть и многое не дѣльно.

Фамусовъ.

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтобъ множество не накопилось ихъ.
Дай волю вамъ, оно-бы и засѣло,
А у меня, что дѣло, что не дѣло —
Обычай мой такой:
Подписано, такъ съ плечъ долой.
(Уходитъ съ Молчалинымъ; въ дверяхъ пропускаетъ его впередъ.)

Явленіе V.

Софья и Лиза.

Лиза.

Ну, вотъ у праздника! Ну вотъ вамъ и потѣха!
Однако нѣтъ, теперь ужъ не до смѣха,

Въ глазахъ темно и замерла душа!
Грѣхъ не бѣда — молва нехороша!

Софья.

Что мнѣ молва? Пускай кто хочетъ, такъ и судитъ.
Да, батюшка задуматься принудитъ:
Брюзгливъ, неугомоненъ, скоръ,
Таковъ всегда, а съ этихъ поръ....
Ты можешь посудить....

Лиза.

Сужу-съ не по разсказамъ.
Запретъ онъ васъ, добро еще со мной,
А то, помилуй Богъ, какъ разомъ,
Меня, Молчалина и всѣхъ съ двора долой!

Софья.

Подумаешь, какъ счастье своенравно!
Бываетъ хуже — съ рукъ сойдетъ;
Когда-жъ печальное ничто на умъ нейдетъ,
Забылись музыкой, и время шло такъ плавно,
Судьба насъ будто берегла,
Ни безпокойства, ни сомнѣнья....
А горе ждетъ изъ-за угла!

Лиза.

Вотъ то-то-съ, моего вы глупаго сужденья
Не жалуете никогда!
Анъ вотъ бѣда!
На что вамъ лучшаго пророка?
Твердила я: въ любви не будетъ этой прока
Ни во-вѣки вѣковъ!
Какъ всѣ московскіе, вашъ батюшка таковъ:
Желалъ-бы зятя онъ съ звѣздами, да съ чинами,
А при звѣздахъ не всѣ богаты между нами.
Ну, разумѣется, къ тому-бъ
И деньги, чтобъ пожить, чтобъ могъ давать онъ балы.

Такъ, напримѣръ, полковникъ Скалозубъ:
И золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ генералы.

Софья.

Куда какъ милъ! И весело мнѣ страхъ
Выслушивать о фрунтѣ, о рядахъ!
Онъ слова умнаго не выговорилъ сроду.
Мнѣ все равно, что за него, что въ воду!

Лиза.

Да-съ, такъ сказать, рѣчистъ, а больно не хитеръ.
Но будь военный, будь онъ статскій,
Кто такъ чувствителенъ, и веселъ, и остеръ,
Какъ Александръ Андреичъ Чацкій?
Не для того, чтобъ васъ смутить —
Давно прошло — не воротить,
А помнится....

Софья.

Что помнится? Онъ славно
Пересмѣять умѣетъ всѣхъ,
Болтаетъ, шутитъ — мнѣ забавно:
Дѣлить со всякимъ можно смѣхъ.

Лиза.

И только будто бы? Слезами обливался,
Я помню, бѣдный онъ, какъ съ вами разставался.
„Что, сударь, плачете? Живите-ко смѣясь!“
А онъ въ отвѣтъ: „Не даромъ, Лиза, плачу —
„Кому извѣстно, что̀ найду я воротясь,
„И сколько, можетъ быть, утрачу!“
Бѣдняжка! будто зналъ, что года черезъ три....

Софья.

Послушай: вольности ты лишней не бери!
Я очень вѣтрено, быть можетъ, поступила,
И знаю, и винюсь, но гдѣ же измѣнила,
Кому? чтобъ укорять невѣрностью могли?
Да, съ Чацкимъ, правда, мы воспитаны, росли;

Привычка вмѣстѣ быть день каждый неразлучно
Связала дѣтскою насъ дружбой, но потомъ
Онъ съѣхалъ; ужъ у насъ ему казалось скучно,
И рѣдко посѣщалъ нашъ домъ.
Потомъ опять прикинулся влюбленнымъ,
Взыскательнымъ и огорченнымъ.
Остеръ, уменъ, краснорѣчивъ,
Въ друзьяхъ особенно счастливъ —
Вотъ о себѣ задумалъ онъ высоко —
Охота странствовать напала на него...
Ахъ! если любитъ кто кого,
Зачѣмъ ума искать и ѣздить такъ далеко!

Лиза.

Гдѣ носится? Въ какихъ краяхъ?
Лечился, говорятъ, на кислыхъ онъ водахъ;
Не отъ болѣзни, чай, отъ скуки, повѣрнѣе.

Софья.

И вѣрно, счастливъ тамъ, гдѣ люди посмѣшнѣе.
Кого люблю я, не таковъ:
Молчалинъ за другихъ себя забыть готовъ.
Врагъ дерзости, всегда застѣнчиво, не смѣло...
Ночь цѣлую съ кѣмъ можно такъ провесть?
Сидишь, а на дворѣ давно ужъ побѣлѣло,
Какъ думаешь, чѣмъ заняты?

Лиза.

Богъ вѣсть!
Сударыня, мое-ли это дѣло?

Софья.

Возьметъ онъ руку, къ сердцу жметъ;
Изъ глубины души вздохнетъ;
Ни слова вольнаго — и такъ вся ночь проходитъ,
Рука съ рукой, и глазъ съ меня не сводитъ...
Смѣешься? Можно-ли! Чѣмъ поводъ подала
Тебѣ я къ хохоту такому?

Лиза.

Мнѣ-съ… ваша тетушка теперь на умъ пришла,
Какъ молодой французъ сбѣжалъ у ней изъ дому —
Голубушка! хотѣла схоронить
Свою досаду — не сумѣла,
Забыла волосы чернить
И черезъ три дня посѣдѣла!
(Продолжаетъ хохотать.)

Софья, огорченная.

Вотъ такъ же обо мнѣ потомъ заговорятъ!

Лиза.

Простите — право, какъ Богъ святъ,
Хотѣла я, чтобъ этотъ смѣхъ дурацкій
Васъ нѣсколько развеселить помогъ.

Явленіе VI.

Тѣ же и Слуга.

Слуга.

Къ вамъ Александръ Андреичъ Чацкій.
(Уходитъ.)

Явленіе VII.

Тѣ же и Чацкій.

Чацкій.

Чуть свѣтъ, ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ!
(Съ жаромъ цѣлуетъ ея руку.)
Ну, поцѣлуйте же! Не ждали? Говорите:
Что-жъ, рады? Нѣтъ? Въ лицо мнѣ посмотрите!
Удивлены? И только? Вотъ пріемъ!
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто-бы вчера, вдвоемъ
Мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли!
Ни на волосъ любви! Куда какъ хороши!

А между-тѣмъ, не вспомнюсь, безъ души
Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семи сотъ пронесся — вѣтеръ, буря —
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ —
И вотъ за подвиги награда!

Софья.

Ахъ! Чацкій! я вамъ очень рада!

Чацкій.

Вы рады? Въ добрый часъ!
Однакожъ, искренно: кто радуется этакъ!
Мнѣ кажется, что напослѣдокъ,
Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ себя!

Лиза.

Вотъ, сударь, если-бы вы были за дверями —
Ей-богу, нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали мы васъ тутъ.
Сударыня! скажите сами.

Софья.

Всегда, не только-что теперь.
Не можете вы сдѣлать мнѣ упрека.
Кто промелькнетъ, отворитъ дверь
Проѣздомъ, случаемъ, изъ-чужа, издалека,
Съ вопросомъ я — хоть будь морякъ —
Не повстрѣчалъ-ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ?

Чацкій.

Положимъ-те, что такъ,
Блаженъ, кто вѣруетъ — тепло ему на свѣтѣ!
Ахъ! Боже мой! уже-ль я здѣсь опять,
Въ Москвѣ, у васъ? Да, какъ же васъ узнать!
Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда бывало, въ вечеръ длинный,
Мы съ вами явимся, исчезнемъ, тутъ и тамъ,
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ...

Или вашъ батюшка съ мадамой за пикетомъ, —
Мы въ темномъ уголкѣ, и кажется, что въ этомъ?
Вы помните — вздрогнемъ, чуть скрыпнетъ столикъ,
дверь…

Софья.

Ребячество!

Чацкій.

Да-съ, а теперь,
Въ семнадцать лѣтъ, вы расцвѣли прелестно,
Неподражаемо, и это вамъ извѣстно,
И потому скромны, не смотрите на свѣтъ.
Не влюблены-ли вы? Прошу мнѣ дать отвѣтъ,
Безъ думы — полно-те смущаться!

Софья.

Да хоть кого смутятъ
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ.

Чацкій.

Помилуйте! не вамъ, чему же удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два;
Тотъ сватался — успѣлъ, а тотъ — далъ промахъ;
Все тотъ же толкъ, и тѣ-жъ стихи въ альбомахъ!

Софья.

Гоненье на Москву! Что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣ-жъ лучше?

Чацкій.

Гдѣ насъ нѣтъ!
Ну, что вашъ батюшка? Все англійскаго клоба
Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ-ли свой вѣкъ?
А этотъ… какъ его… онъ турокъ, или грекъ?
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавлиныхъ —
Не знаю, какъ его зовутъ…
Куда ни сунься — тутъ, какъ тутъ,

Въ столовыхъ и въ гостиныхъ?
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся?
Родныхъ мильонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей вселенной породнятся!
А наше солнышко, нашъ кладъ?
На лбу написано: театръ и маскарадъ;
Домъ зеленью росписанъ въ видѣ рощи;
Самъ толстъ, его артисты тощи.
На балѣ, помните, открыли мы вдвоемъ,
За ширмами, въ одной изъ комнатъ, посекретнѣй,
Былъ спрятанъ человѣкъ и щелкалъ соловьемъ —
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней?
А тотъ чахоточный, родня вашъ, книгамъ врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился,
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надоѣстъ, и въ комъ не сыщешь пятенъ?
Когда-жъ постранствуешь, воротишься домой,
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Софья.

Вотъ васъ бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть.

Чацкій.

А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?
Ахъ! къ воспитанью перейдемъ:
Что, нынче, такъ же, какъ издревле,
Хлопочутъ набирать учителей полки,
Числомъ поболѣе, цѣною подешевле?
Не то, чтобы въ наукѣ далеки,
Въ Россіи подъ великимъ штрафомъ,

Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ.
Нашъ менторъ, помните: колпакъ его, халатъ,
Перстъ указательный, всѣ признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!...
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья!
А Гильоме французъ, подбитый вѣтеркомъ?
Онъ не женатъ еще?

Софья.

На комъ?

Чацкій.

Хоть на какой-нибудь княгинѣ,
Пулхеріи Андревнѣ, напримѣръ.

Софья.

Танцмейстеръ! можно-ли?

Чацкій.

Что-жъ? Онъ и кавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ,
А Гильоме.... Здѣсь нынче тонъ каковъ?
На съѣздахъ на большихъ, по праздникамъ приходскимъ,
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ нижегородскимъ?

Софья.

Смѣсь языковъ?

Чацкій.

Да, двухъ, безъ этого нельзя-жъ.

Лиза.

Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ!

Чацкій.

По-крайней-мѣрѣ, ненадутый.
Вотъ новости! Я пользуюсь минутой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ
И говорливъ, а развѣ нѣтъ временъ,

Что я Молчалина глупѣе? — Гдѣ онъ, кстати?
Еще-ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидитъ, пристаетъ: „пожалуйте списать!“
А впрочемъ, онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ,
Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ!

Софья, въ сторону.

Не человѣкъ, змѣя! (Громко.) Хочу у васъ спросить:
Случалось-ли, чтобъ вы, смѣясь, или въ печали,
Ошибкою, добро о комъ-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ можетъ быть....

Чацкій.

Когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло?
На что же такъ давно? Вотъ доброе вамъ дѣло!
Звонками только что гремя,
И день и ночь по снѣговой пустынѣ
Спѣшу къ вамъ, голову сломя,
И какъ васъ нахожу? Въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю —
Лице святѣйшей богомолки!...
И все-таки я васъ безъ памяти люблю.
(Минутное молчаніе.)
Послушайте, уже-ль слова мои всѣ колки
И клонятся къ чьему-нибудь вреду?
Но если такъ, умъ съ сердцемъ не въ ладу.
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду:
Велите-жъ мнѣ въ огонь — пойду какъ на обѣдъ.

Софья.

Да, хорошо сгорите — если-жъ нѣтъ?

Явленіе VIII.

Тѣ же и Фамусовъ.

Фамусовъ.

Вотъ и другой!

Софья.

Ахъ, батюшка! сонъ въ руку!

(Уходитъ.)

Фамусовъ, *ей въ-слѣдъ, въ полголоса.*

Проклятый сонъ!

Явленіе IX.

Фамусовъ, Чацкій *смотритъ на дверь, въ которую Софья вышла.*

Фамусовъ.

Ну, выкинулъ ты штуку:
Три года не писалъ двухъ словъ,
И грянулъ вдругъ, какъ съ облаковъ!
(Обнимаются.)
Здорово, другъ, здорово, братъ! здорово!
Разсказывай: чай у тебя готово
Собранье важное вѣстей?
Садись-ка, объяви скорѣй!
(Садятся.)

Чацкій, *разсѣянно.*

Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

Фамусовъ.

Вамъ, людямъ молодымъ, другаго нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты.
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдованъ!

Чацкій.

Ахъ, нѣтъ! надеждами я мало избалованъ.

Фамусовъ.

„Сонъ въ руку“ — мнѣ она изволила шепнуть.
Вотъ ты задумалъ....

Чацкій.

Я? Ни чуть!

Фамусовъ.

О комъ ей снилось? Что такое?

Чацкій.

Я не отгадчикъ сновъ.

Фамусовъ.

Не вѣрь ей — все пустое.

Чацкій.

Я вѣрю собственнымъ глазамъ.
Вѣкъ не встрѣчалъ, подписку дамъ,
Что́-бъ было ей хоть нѣсколько подобно!

Фамусовъ.

Онъ все свое. Да разскажи подробно,
Гдѣ былъ, скитался столько лѣтъ?
Откудова теперь?

Чацкій.

Теперь мнѣ до того-ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ
И не объѣхалъ сотой доли.
(Встаетъ поспѣшно.)
Простите! я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ —
Не заѣзжалъ домой. Прощайте! Черезъ часъ
Явлюсь, подробности малѣйшей не забуду;
Вамъ первымъ — вы потомъ разсказывайте всюду.
(Въ дверяхъ.)
Какъ хороша!
(Уходитъ.)

Явленіе X.

Фамусовъ, одинъ.

Который же изъ двухъ?
„Ахъ, батюшка! сонъ въ руку!“
И говоритъ мнѣ это вслухъ!
Ну, виноватъ: какого-жъ далъ я крюку!
Молчалинъ давича въ сомнѣнье ввелъ меня;
Теперь.... Да въ полмя изъ огня:
Тотъ нищій, этотъ франтъ-пріятель,
Отъявленъ мотомъ, сорванцомъ!
Что за коммисія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ!

ДѢЙСТВІЕ II.

Явленіе I.

Фамусовъ и Слуга.

Фамусовъ.

Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,
Съ разодраннымъ локтемъ! Достань-ка календарь.
Читай, не такъ, какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ растановкой.
Постой же. На листѣ черкни, на записномъ,
Противу будущей недѣли:
Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ,
Во вторникъ званъ я на форели.
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!

Пофилософствуй — умъ вскружится!
То бережешься, то обѣдъ;
Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится!
Отмѣть-ка, въ тотъ же день... нѣтъ, нѣтъ...
Въ четвергъ, я званъ на погребенье.
Охъ, родъ людской! Пришло въ забвенье,
Что всякій долженъ самъ туда же лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть.
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ, вотъ примѣръ:
Покойникъ — былъ почтенный камергеръ,
Съ ключемъ, и сыну ключъ умѣлъ доставить;
Богатъ, и на богатой былъ женатъ;
Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался — всѣ о немъ съ прискорбьемъ поминаютъ:
„Кузьма Петровичъ! миръ ему!"
Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши, въ четвергъ, одно ужъ къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу,
Я долженъ у вдовы у докторши крестить.
Она не родила, но по разсчету,
По моему, должна родить.

Явленіе II.

Фамусовъ, Слуга и Чацкій.

Фамусовъ.

А! Александръ Андреичъ, просимъ!
Садитесь-ка.

Чацкій.

Вы заняты?

Фамусовъ, слугѣ.

Поди.

(Слуга уходитъ.)

Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ:
Забудется того гляди.

Чацкій.

Вы что-то нѐвеселы стали.
Скажите, отъ чего? Пріѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось-ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка! нашелъ загадку!
Невеселъ я!... въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку!

Чацкій.

Никто не приглашаетъ васъ.
Я только что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ: быть можетъ, нездорова?

Фамусовъ.

Тьфу, Господи прости! пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и то же!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже,
То Софья Павловна больна!
Скажи: тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ, не хочешь-ли жениться?

Чацкій.

А вамъ на что?

Фамусовъ.

Меня не худо бы спроситься,
Вѣдь я ей нѣсколько сродни —
По-крайней-мѣрѣ, искони
Отцомъ не даромъ называли.

Чацкій.

Пусть я посватаюсь, вы что́ бы мнѣ сказали?

Фамусовъ.

Сказалъ бы я, вопервыхъ, не блажи:

Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно,
А главное, поди-ка послужи.

Чацкій.

Служить бы радъ, прислуживаться тошно.

Фамусовъ.

Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы,
Учились бы на старшихъ глядя.
Мы, напримѣръ, или покойникъ дядя
Максимъ Петровичъ: онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ,
Весь въ орденахъ, ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ!
Вѣкъ при-дворѣ, да при какомъ дворѣ!
Тогда не то что нынѣ:
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры всѣ важны, въ сорокъ пудъ...
Раскланяйся — тупеемъ не кивнутъ,
Вельможа въ случаѣ тѣмъ паче —
Не какъ другой и пилъ, и ѣлъ иначе.
Что твой князь? что графъ?
Серьёзный взглядъ, надменный нравъ,
Когда же нужно подслужиться —
И онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ ему случилось оступиться:
Упалъ — да такъ, что чуть затылка не пришибъ!
Старикъ заохалъ — голосъ хрипкой;
Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой.
Изволили смѣяться — что же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ,
Упалъ въ другой разъ, ужъ нарочно,
А хохотъ пуще; онъ и въ третій такъ же точно.
А? какъ повашему? Понашему смышленъ!
Упалъ онъ больно — всталъ здорово
За то бывало въ вистъ кто чаще приглашенъ?

Кто слышитъ при-дворъ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ! А? вы, нынѣшніе, нутка!

Чацкій.

И точно началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши.
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій:
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ,
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мірѣ брали лбомъ...
Стучали объ полъ, не жалѣя.
Кому нужда, тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли.
А тѣмъ, кто выше — лесть, какъ кружево, плели.
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха,
Все подъ личиною усердія къ царю.
Я не о дядюшкѣ о вашемъ говорю:
Его не возмутимъ мы праха,
Но между-тѣмъ кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ?
А сверстничекъ, а старичокъ
Иной, глядя на тотъ скачокъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговаривалъ: „ахъ! если бы мнѣ тоже!“
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ;
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи!

Фамусовъ.

Ахъ, Боже мой! Онъ карбонарій!

Чацкій.

Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ!

Фамусовъ.

Опасный человѣкъ!

Чацкій.

Вольнѣе всякій дышетъ,
И не торопится вписаться въ цехъ шутовъ.

Фамусовъ.

Что говоритъ! — И говоритъ какъ пишетъ!

Чацкій.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ...

Фамусовъ.

Онъ вольность вздумалъ проповѣдать!

Чацкій.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ...

Фамусовъ.

Да онъ властей не признаетъ!

Чацкій.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...

Фамусовъ.

Строжайше-бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

Чацкій.

Я наконецъ вамъ отдыхъ дамъ...

Фамусовъ.

Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!

Чацкій.

Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно.
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть
Хоть нашимъ временамъ въ придачу —
Ужъ такъ и быть, я не заплачу.

Фамусовъ.

И знать васъ не хочу, разврата не терплю!

Чацкій.

Я досказалъ.

Фамусовъ.

Добро, заткнулъ я уши!

Чацкій.

Начто-жъ? я ихъ не оскорблю.

Фамусовъ, скороговоркою.

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши,
Воротятся — отъ нихъ порядка жди!...

Чацкій.

Я пересталъ...

Фамусовъ.

Пожалуй пощади!

Чацкій.

Длить споры не мое желанье.

Фамусовъ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

Явленіе III.

Тѣ же и Слуга.

Слуга.

Полковникъ Скалозубъ.

Фамусовъ, ничего не видитъ и не слышитъ.

Тебя ужъ упекутъ
Подъ судъ, какъ пить дадутъ!

Чацкій.

Пожаловалъ къ вамъ кто-то нà-домъ.

Фамусовъ.

Не слушаю — подъ судъ!

Чацкій.

Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ...

Фамусовъ.

Не слушаю — подъ судъ, подъ судъ!

Чацкій.

Да, обернитесь, васъ зовутъ.

Фамусовъ, оборачивается.

А? Что? Ну, такъ и жду содома!

Слуга.

Полковникъ Скалозубъ. — Прикажете принять?

Фамусовъ, встаетъ.

Ослы! сто разъ вамъ повторять!
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень радъ. Пошелъ же, торопись.
(Слуга уходитъ.)
Пожалуста, сударь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тьму отличья нахваталъ,
Не по лѣтамъ и чинъ завидный,
Не нынче, завтра генералъ!
Пожалуста, при немъ веди себя скромненько...
Эхъ! Александръ Андреичъ, дурно, братъ!
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько;
Я всякому, ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:
Вотъ будто женится на Софьюшкѣ... пустое!
Онъ, можетъ быть, и радъ бы былъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня.
Вѣдь Софья молода, а впрочемъ власть Господня!
Пожалуста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральныя идеи эти брось.

Однако нѣтъ его! какую бы причину...
А! знать пошелъ ко мнѣ въ другую половину!
(Поспѣшно уходитъ.)

Явленіе IV.

Чацкій, одинъ.

Какъ суетится! Что за прыть!
А Софья!... Нѣтъ-ли впрямь тутъ жениха какого?
Какъ здѣсь бы ей не быть?...
Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредитъ,
А, можетъ быть, не только что отецъ...
Ахъ! тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года въ даль уѣдетъ!

Явленіе V.

Чацкій, Фамусовъ и Скалозубъ.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ! къ намъ, сюда-съ,
Прошу покорно — здѣсь теплѣе,
Прозябли вы — согрѣемъ васъ —
Отдушничекъ откроемъ поскорѣе...

Скалозубъ, басомъ.

Зачѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ... Мнѣ совѣстно... какъ честный офицеръ...

Фамусовъ.

Неужто для друзей не дѣлать мнѣ ни шагу?
Сергѣй Сергѣичъ дорогой,
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу,
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой...

Скалозубъ.

Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.
(Всѣ трое садятся. Чацкій поодаль.)

Фамусовъ.

Ахъ, батюшка! сказать, чтобъ не забыть:

Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними — наслѣдства не дѣлить.
Не знали вы, а я подавно —
Спасибо научилъ двоюродный вашъ братъ:
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

Скалозубъ.

Не знаю-съ, виноватъ,
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ! это вы-ли?
Нѣтъ! я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ,
Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки.
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то затѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишку, иль къ мѣстечку,
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку?
Однако братецъ вашъ, мнѣ другъ, и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

Скалозубъ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ,
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.

Фамусовъ.

Да, счастье, у кого есть этакой сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

Скалозубъ.

За третье августа; засѣли мы въ траншею,
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.

Фамусовъ.

Любезный человѣкъ, и посмотрѣть такъ хватъ.
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ!

Скалозубъ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему, онъ службу вдругъ оставилъ —
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

Фамусовъ.

Вотъ молодость!... читать... а послѣ хвать!...
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозубъ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ.
Ваканціи какъ-разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

Фамусовъ.

Да, чѣмъ Господь кого поищетъ, вознесетъ!

Скалозубъ.

Бываетъ моего счастливѣе везетъ.
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
О нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.

Фамусовъ.

Помилуйте, а вамъ чего не достаетъ?

Скалозубъ.

Не жалуюсь, не обходили.
Однако за полкомъ два года поводили.

Фамусовъ.

Въ погонь-ли за полкомъ!
За то, конечно, въ чемъ другомъ
За вами далеко тянуться!

Скалозубъ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся;
Я съ восемьсотъ девятаго служу.
Да чтобъ чины добыть есть многіе каналы,
О нихъ какъ истинный философъ я сужу,
Мнѣ только бы добиться въ генералы.

Фамусовъ.

И славно судите, дай Богъ здоровья вамъ
И генеральскій чинъ — а тамъ,
Зачѣмъ откладывать бы дальше?
Рѣчь завести объ генеральшѣ...

Скалозубъ.

Жениться? я ни чуть не прочь.

Фамусовъ.

Что-жъ? У кого сестра, племянница есть, дочь.
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода —
Чего — плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется еще столица, какъ Москва?

Скалозубъ.

Дистанція огромнаго размѣра.

Фамусовъ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
На все свои законы есть.
Вотъ, напримѣръ, у насъ ужъ изстари ведется
Что по отцѣ и сыну честь:
Будь плохенькій, да если наберется
Душъ тысячи двѣ родовыхъ —
Тотъ и женихъ.
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,
Пускай себѣ разумникомъ слыви,
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви:
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ.
Да это-ли одно!... Возьмите вы хлѣбъ-соль;
Кто хочетъ къ намъ пожаловать — изволь,
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ ровнехонько, про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы, отъ головы до пятокъ

На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь,
На юношей, сынковъ и внучатъ:
Журимъ мы ихъ, а если разберешь —
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички, какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ — что слово — приговоръ!
Вѣдь столбовые всѣ, въ усъ никому не дуютъ.
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ — бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили — никогда!
Спаси насъ Боже! нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ, и .... разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму!
Я вамъ скажу: знать время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло.
А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему вездѣ — надъ ними нѣтъ судей.
За картами, когда возстанутъ общимъ бунтомъ —
Дай Богъ терпѣніе — вѣдь самъ я былъ женатъ!
Скомандовать велите передъ фрунтомъ,
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ...
Ирина Власьевна, Лукерья Алексѣвна,
Татьяна Юрьевна, Пулхерія Андревна...
А дочекъ кто видалъ — всякъ голову повѣсь!
Его величество король былъ прусскій здѣсь,
Дивился непутемъ московскимъ онъ дѣвицамъ,
Ихъ благонравію, не лицамъ.
И точно! — можно-ли воспитаннѣе быть?
Умѣютъ же себя онѣ принарядить
Тафтицей, бархатцомъ и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ — все съ ужимкой.
Французскіе романсы вамъ поютъ

И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому, что патріотки.
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва!

Скалозубъ.

По моему сужденью,
Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

Фамусовъ.

Да, батюшка, съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все на новый ладъ.

Чацкій.

Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь, не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

Фамусовъ, Чацкому.

Эй, завяжи на память узелокъ!
Просилъ я помолчать — не велика услуга!
(Скалозубу.)
Позвольте, батюшка, вотъ-съ Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ.
Не служитъ, то есть, въ томъ онъ пользы не находитъ,
Но захоти — такъ былъ бы дѣловой.
Жаль, очень жаль — онъ малый съ головой,
И славно пишетъ, переводитъ.
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...

Чацкій.

Нельзя-ли пожалѣть о комъ-нибудь другомъ?
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.

Фамусовъ.

Не я одинъ — всѣ также осуждаютъ.

Чацкій.

А судьи кто?... За древностію лѣтъ
Вражда ихъ къ намъ непримирима;

Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ очаковскихъ и покоренья Крыма.
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ:
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ? укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не эти ли — грабительствомъ богаты?
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не воскресятъ клiенты-иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшiя черты?
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ ли, вы къ кому меня еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ?
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они въ часы вина и драки,
И честь, и жизнь его не разъ спасали; вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!
Или вонъ тотъ еще, который для затѣй
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ!
Но должниковъ не погласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы поодиночкѣ!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!

Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется: врагъ исканій,
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ высокимъ и прекраснымъ, —
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!"
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ!
Мундиръ, одинъ мундиръ! Онъ въ прежнемъ ихъ быту
Когда-то укрывалъ, расшитый и красивый,
Ихъ слабодушіе, разсудка нищету.
И намъ за ними въ путь счастливый!
И въ женахъ, въ дочеряхъ къ мундиру та же страсть!
Я самъ къ нему давно-ль отъ нѣжности отрекся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не впасть;
Но кто-бъ тогда за всѣми не повлекся?
Когда изъ гвардіи, иные отъ двора
Сюда на время пріѣзжали,
Кричали женщины: ура!
И въ воздухъ чепчики бросали!

Фамусовъ.

Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду!
Сергѣй Сергѣичъ, я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ. (Уходитъ.)

Явленіе VI.

Скалозубъ и Чацкій.

Скалозубъ.

Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ,
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы
Къ любимцамъ гвардіи, къ гвардейцамъ, гвардіонцамъ.

Ихъ золоту, шитью дивятся, будто солнцамъ.
А въ первой арміи когда отстали? въ чемъ?
Все такъ прилажено и тальи всѣ такъ узки,
И офицеровъ вамъ начтемъ,
Что даже говорятъ иные пофранцузски

Явленіе VII.

Тѣ же, Софья и Лиза.

Софья, бѣжитъ къ окну.

Ахъ! Боже мой! упалъ, убился!

Чацкій.

Кто?
Кто это?

Скалозубъ.

Къ кѣмъ бѣда?

Чацкій.

Она мертва со страху!

Скалозубъ.

Да кто? откудова?

Чацкій.

Ушибся обо что?

Скалозубъ.

Ужъ не старикъ-ли нашъ далъ маху?

Лиза, хлопочетъ около барышни.

Кому назначено-съ, не миновать судьбы!
Молчалинъ на лошадь садился, ногу въ стремя,
А лошадь на дыбы,
Онъ объ землю — и прямо въ темя!

Скалозубъ.

Поводья затянулъ — ну, жалкій же ѣздокъ!
Взглянуть, какъ треснулся онъ, грудью или въ бокъ.
(Уходитъ.)

Явленіе VIII.

Тѣ же безъ Скалозуба.

Чацкій.

Помочь ей чѣмъ, скажи скорѣе?

Лиза.

Тамъ въ комнатѣ вода стоитъ.

Чацкій, бѣжитъ и приноситъ воду.
(Все слѣдующее въ полголоса, до того, какъ очнется Софья.)

Лиза.

Стаканъ налейте.

Чацкій.

Ужъ налитъ.
Шнуровку отпусти вольнѣе,
Виски ей ускусомъ потри,
Опрыскивай водой! Смотри —
Свободнѣе дыханье стало...
Повѣять чѣмъ?

Лиза.

Вотъ опахало.

Чацкій.

Гляди въ окно:
Молчалинъ на ногахъ давно.
Бездѣлица ее тревожитъ.

Лиза.

Да-съ, барышнинъ несчастливъ нравъ:
Со стороны смотрѣть не можетъ,
Какъ люди падаютъ стремглавъ...

Чацкій.

Опрыскивай еще водою —
Вотъ такъ, еще, еще...

Софья, съ глубокимъ вздохомъ.

Кто здѣсь со мною?

Я точно какъ во снѣ.

(Торопливо и громко.)

Гдѣ онъ? Что съ нимъ? скажите мнѣ....

Чацкій.

Пускай себѣ сломилъ бы шею!
Васъ чуть было не уморилъ.

Софья.

Убійственны холодностью своею!
Смотрѣть на васъ, васъ слушать — нѣту силъ!

Чацкій.

Прикажете мнѣ за него терзаться?

Софья.

Туда бѣжать, тамъ быть, помочь ему стараться!...

Чацкій.

Чтобъ оставались вы безъ помощи, однѣ?

Софья.

На что вы мнѣ?
Да, правда, не свои бѣды — для васъ забавы:
Отецъ родной убейся — все равно!

(Лизѣ.)

Пойдемъ туда, бѣжимъ!...

Лиза, отводитъ ее въ сторону.

Опомнитесь, куда вы?
Онъ живъ, здоровъ: смотрите здѣсь въ окно.

(Софья смотритъ въ окно.)

Чацкій.

Смятенье, обморокъ, поспѣшность, гнѣвъ испуга!...
Такъ можно только ощущать,
Когда лишаемся единственнаго друга!

Софья.

Сюда идутъ. Руки не можетъ онъ поднять!...

Чацкій.

Желалъ бы съ нимъ убиться....

Лиза.

Для компаньи?

Софья.

Нѣтъ! оставайтесь при желаньи.

Явленіе IX.

Тѣ же, Скалозубъ, Молчалинъ съ подвязанною рукою.

Скалозубъ.

Воскресъ и невредимъ — рука
Ушибена слегка,
А впрочемъ все фальшивая тревога.

Молчалинъ.

Я васъ перепугалъ — простите, ради Бога!

Скалозубъ.

Ну! я не зналъ, что будетъ изъ того
Вамъ ирритація — опрометью вбѣжали,
Мы вздрогнули — вы въ обморокъ упали —
И что-жъ? Весь страхъ изъ ничего!

Софья, не глядя на него.

Ахъ! очень вижу, изъ пустова —
А вся еще теперь дрожу.

Чацкій, про себя.

Съ Молчалинымъ — ни слова!

Софья, по прежнему.

Однако о себѣ скажу,
Что не труслива; такъ бываетъ:
Карета свалится, поднимутъ — я опять
Готова сызнова скакать,
Но все малѣйшее въ другихъ меня пугаетъ,
Хоть нѣтъ великаго несчастья отъ того,
Хоть незнакомый мнѣ — до этого нѣтъ дѣла.

Чацкій, про себя.

Прощенья проситъ у него,
Что разъ о комъ-то пожалѣла!

Скалозубъ.

Позвольте, разскажу вамъ вѣсть:
Княгиня Ласова какая-то здѣсь есть,
Наѣздница-вдова — но нѣтъ примѣровъ,
Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ —
На дняхъ расшиблась въ пухъ:
Жокей не поддержалъ — считалъ онъ видно мухъ.
И безъ того она, какъ слышно, неуклюжа;
Теперь ребра недостаетъ,
Такъ для поддержки ищетъ мужа.

Софья.

Ахъ! Александръ Андреичъ, вотъ
Явитесь вы вполнѣ великодушны —
Къ несчастью ближняго вы такъ неравнодушны!

Чацкій.

Да-съ, это я сейчасъ явилъ
Моимъ усерднѣйшимъ стараньемъ,
И прысканьемъ и оттираньемъ....
Не знаю для кого, но васъ я воскресилъ.
(Беретъ шляпу и уходитъ.)

Явленіе X.

Тѣ же, кромѣ Чацкаго.

Софья.

Вы вечеромъ къ намъ будете?

Скалозубъ.

Какъ рано?

Софья.

Пораньше. Съѣдутся домашніе врузья
Потанцовать подъ фортопьяно.
Смотрите-жъ, опоздать нельзя.

Скалозубъ.

Явлюсь, но къ батюшкѣ зайдти я обѣщался,
Откланяться.

Софья.

Прощайте.

Скалозубъ, жметъ руку Молчалину.

Вашъ слуга!

Явленіе XI.

Софья, Молчалинъ и Лиза.

Софья.

Молчалинъ! какъ во мнѣ разсудокъ цѣлъ остался!
Вѣдь знаете, какъ жизнь мнѣ ваша дорога,
Зачѣмъ же ей играть, и такъ неосторожно!
Скажите, что́ у васъ съ рукой?
Не дать-ли капель вамъ? Не нуженъ-ли покой?
Пошлите къ доктору — пренебрегать не должно.

Молчалинъ.

Платкомъ перевязалъ — не больно мнѣ съ тѣхъ поръ.

Лиза.

Ударюсь объ закладъ, что вздоръ,
И если-бъ не къ лицу — не нужно перевязки.
А то́ не вздоръ, что вамъ не избѣжать огласки:
На смѣхъ, того гляди, подыметъ Чацкій васъ,
И Скалозубъ, какъ свой хохолъ закрутитъ,
Разскажетъ обморокъ, прибавитъ сто прикрасъ —
Шутить и онъ гораздъ — вѣдь нынче кто не шутитъ!

Софья.

А кѣмъ изъ нихъ я дорожу?
Хочу — люблю, хочу — скажу.
Молчалинъ! будто я себя не принуждала?
Вошли вы — слова не сказала.

При нихъ не смѣла я дохнуть,
У васъ спросить, на васъ взглянуть!

Молчалинъ.

Нѣтъ, Софья Павловна, вы слишкомъ откровенны.

Софья.

Откуда скрытность почерпнуть?
Готова я была въ окошко къ вамъ спрыгнуть.
Да что мнѣ до кого, до нихъ, до всей вселенной!
Смѣшно — пусть шутятъ ихъ; досадно — пусть бранятъ!

Молчалинъ.

Не повредила бы намъ откровенность эта.

Софья.

Неужъ-то на дуэль васъ вызвать захотятъ?

Молчалинъ.

Ахъ! злые языки страшнѣе пистолета!

Лиза.

Сидятъ они у батюшки теперь;
Вотъ, кабы вы порхнули въ дверь,
Съ лицемъ веселымъ, беззаботно.
Когда намъ скажутъ, что хотимъ,
Куда какъ вѣрится охотно!
И Александръ Андреичъ — съ нимъ,
О прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ,
Поразвернитесь-ка въ разсказахъ —
Улыбочка и пара словъ....
А кто влюбленъ — на все готовъ.

Молчалинъ.

Я вамъ совѣтовать не смѣю.
(Цѣлуетъ ея руку.)

Софья.

Хотите вы? Пойду любезничать сквозь слезъ.

Боюсь, что выдержать притворства не съумѣю.
Зачѣмъ сюда Богъ Чацкаго принесъ?
(Уходитъ.)

Явленіе XII.

Молчалинъ и Лиза.

Молчалинъ.

Веселое созданье ты, живое!

Лиза.

Прошу пустить, и безъ меня васъ двое.

Молчалинъ.

Какое личико твое!
Какъ я тебя люблю!

Лиза.

А барышню?

Молчалинъ.

Ее —
По должности — тебя...
(Хочетъ ее обнять.)

Лиза.

Отъ скуки?
Прошу подальше руки!

Молчалинъ.

Есть у меня вещицы три:
Есть туалетъ — прехитрая работа!
Снаружи зеркальцо и зеркальцо внутри;
Кругомъ все прорѣзь, позолота:
Подушечка — изъ бисера узоръ
И перламутровый приборъ —
Игольничекъ и ноженки — какъ милы!
Жемчужинки, растертыя въ бѣлилы,
Помада есть для губъ и для другихъ причинъ;
Съ духами скляночка, резеда и жасминъ.

Лиза.

Вы знаете, что я не льщусь на интересы.
Скажите лучше, почему
Вы съ барышней скромны, а съ горничной повѣсы?

Молчалинъ.

Сегодня боленъ я — обвязки не сниму;
Приди въ обѣдъ, побудь со мною,
Я тайну всю тебѣ открою.

(Уходитъ.)

Явленіе XIII.

Лиза и Софья.

Софья.

Была у батюшки — тамъ нѣту никого.
Сегодня я больна и не пойду обѣдать.
Скажи Молчалину, и позови его,
Чтобъ онъ пришелъ меня провѣдать.
(Уходитъ къ себѣ въ комнату.)

Явленіе XIV.

Лиза, одна.

Ну! люди въ здѣшней сторонѣ!
Она къ нему, а онъ ко мнѣ...
А я... одна лишь я любви до смерти трушу...
А какъ не полюбить буфетчика Петрушу?

ДѢЙСТВІЕ III.

Явленіе I.

Чацкій, потомъ Софья.

Чацкій.

Дождусь ее и вынужу признанье:
Кто, наконецъ, ей милъ? Молчалинъ? Скалозубъ?
Молчалинъ прежде былъ такъ глупъ...
Жалчайшее созданье!
Ужъ развѣ поумнѣлъ?...
А тотъ
Хрипунъ, удавленникъ-фаготъ,
Созвѣздіе маневровъ и мазурки.
Судьба любви играть ей въ жмурки,
А мнѣ...
(Софья входитъ.)
Вы здѣсь? Я очень радъ,
Я этого желалъ!...

Софья, про себя.

И очень невпопадъ!

Чацкій.

Конечно, не меня искали?

Софья.

Я не искала васъ.

Чацкій.

Дознаться мнѣ нельзя-ли —
Хоть и не кстати, нужды нѣтъ —
Кого вы любите?

Софья.

Ахъ, Боже мой! весь свѣтъ!

Чацкій.

Кто болѣе вамъ милъ?

Софья.

Вотъ многіе родные...

Чацкій.

Всѣ болѣе меня.

Софья.

Иные...

Чацкій.

И я чего хочу, когда все рѣшено?
Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшно!

Софья.

Хотите-ль знать вы истины два слова?
Малѣйшая въ комъ странность чуть видна...
Веселость ваша не скромна —
У васъ тотчасъ ужъ острота готова;
А сами вы...

Чацкій.

А самъ? Не правда-ли, смѣшонъ?

Софья.

Да, грозный взглядъ и рѣзкій тонъ,
И этихъ въ васъ особенностей бездна...
А надъ собой гроза куда не безполезна.

Чацкій.

Я страненъ? А не страненъ кто-жъ?
Тотъ, кто на всѣхъ глупцовъ похожъ —
Молчалинъ, напримѣръ?

Софья.

Примѣры мнѣ не новы.
Замѣтно, что вы желчь на всѣхъ излить готовы,
А я, чтобъ не мѣшать, отсюда уклонюсь.

Чацкій, удерживаетъ ее.

Постойте же!
(Въ сторону.)

Разъ въ жизни притворюсь.

(Громко.)

Оставимте мы эти пренья.
Передъ Молчалинымъ не правъ я, виноватъ.
Быть можетъ, онъ не то, что три-года назадъ.
Есть на землѣ такія превращенья
Одеждъ и климатовъ, и нравовъ и умовъ!
Есть люди важные — слыли за дураковъ,
Иной по должности, иной плохимъ поэтомъ,
Иной... боюсь назвать, но признано всѣмъ свѣтомъ —
Особенно въ послѣдніе года —
Что стали умны хоть-куда.
Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый,
Но есть-ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та,
Чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый
Казался прахъ и суета?
Чтобъ сердца каждое біенье
Любовью ускорялось къ вамъ?
Чтобъ мыслямъ были всѣмъ и всѣмъ его дѣламъ
Душею — вы, вамъ угожденье?
Самъ это чувствую, сказать я не могу,
Но что теперь во мнѣ кипитъ, волнуетъ, бѣситъ,
Не пожелалъ бы я и личному врагу!
А онъ?... смолчитъ и голову повѣситъ!
Конечно смиренъ онъ, но всѣ такіе не рѣзвы.
Богъ знаетъ, въ немъ какая тайна скрыта;
Богъ знаетъ, за него что выдумали вы,
Чѣмъ голова его въ вѣкъ не была набита!
Быть можетъ, качествъ вашихъ тьму,
Любуясь имъ, вы придали ему.
Не грѣшенъ онъ ни въ чемъ — вы во сто разъ грѣшнѣе.
Нѣтъ, нѣтъ! Пускай уменъ — часъ отъ часу умнѣе,
Но васъ онъ стоитъ-ли? вотъ вамъ одинъ вопросъ.
Чтобъ равнодушнѣе мнѣ понести утрату,

Какъ человѣку, вы, который съ вами взросъ,
Какъ другу вашему, какъ брату,
Мнѣ дайте убѣдиться въ томъ!
Потомъ,
Отъ сумашествія могу я остеречься:
Пущусь подалѣе — простыть, охолодѣть,
Не думать о любви! Тамъ буду я умѣть
Теряться по свѣту, забыться и развлечься!...

Софья, про себя.

Вотъ не-хотя съ ума свела!
(Вслухъ.)
Что притворяться?
Молчалинъ давича могъ безъ руки остаться;
Я живо въ немъ участье приняла,
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились разсчесть,
Что можно доброй быть ко всѣмъ и безъ разбору.
Но, можетъ, истина въ догадкахъ вашихъ есть,
И горячо его беру я подъ защиту.
Зачѣмъ же быть, скажу вамъ напрямикъ,
Такъ невоздержну на языкъ,
Въ презрѣньи къ людямъ такъ не скрыту,
Что и смирнѣйшему пощады нѣтъ?... Чего!
Случись кому назвать его —
Градъ колкостей и шутокъ вашихъ грянетъ.
Шутить и вѣкъ шутить! Какъ васъ на это станетъ?

Чацкій.

Ахъ, Боже мой! неужли я изъ тѣхъ,
Которыхъ цѣль всей жизни — смѣхъ?
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
А чаще съ ними я скучаю.

Софья.

Напрасно это вы относите къ другимъ.

Молчалинъ вамъ наскучилъ бы едва-ли,
Когда-бъ сошлись короче съ нимъ.

Чацкій, съ жаромъ.

Зачѣмъ же вы его такъ коротко узнали?

Софья.

Я не старалась — Богъ насъ свелъ.
Смотрите: дружбу всѣхъ онъ въ домѣ пріобрѣлъ.
При батюшкѣ три года служитъ;
Тотъ часто безъ толку сердитъ,
А онъ безмолвіемъ его обезоружитъ,
Отъ доброты души проститъ.
И между прочимъ,
Веселостей искать бы могъ —
Ни чуть — отъ старичковъ не ступитъ за порогъ!
Мы рѣзвимся, хохочемъ —
Онъ съ ними цѣлый день засядетъ, радъ не радъ,
Играетъ...

Чацкій.

Цѣлый день играетъ,
Молчитъ, когда его бранятъ...
(Въ сторону.)
Она его не уважаетъ!

Софья.

Конечно, нѣтъ въ немъ этого ума,
Что геній для иныхъ, а для иныхъ чума,
Который скоръ, блестящъ и скоро опротивитъ,
Который свѣтъ ругаетъ наповалъ,
Чтобъ свѣтъ объ немъ хоть что-нибудь сказалъ...
Да, этакій-ли умъ семейство осчастливитъ?

Чацкій.

Сатира иль мораль смыслъ этого всего?
(Въ сторону.)
Она не ставитъ въ грошъ его!

Софья.

Чудеснѣйшаго свойства
Онъ, наконецъ: уступчивъ, скроменъ, тихъ;
Въ лицѣ ни тѣни безпокойства
И на душѣ проступковъ никакихъ;
Чужихъ и вкривь и вкось не рубитъ —
Вотъ я за что его люблю!

Чацкій, въ сторону.

Шалитъ! Она его не любитъ.
(Вслухъ.)
Докончить я вамъ пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозубъ? вотъ заглядѣнье!
Онъ за своихъ стоитъ горой,
И прямизною стана,
Лицомъ и голосомъ герой...

Софья.

Не моего романа.

Чацкій.

Не вашего? Кто разгадаетъ васъ!

Явленіе II.

Чацкій, Софья и Лиза.

Лиза, шопотомъ.

Сударыня! за мной, сейчасъ
Къ вамъ Алексѣй Степанычъ будетъ.

Софья.

Простите — надобно идти мнѣ поскорѣй...

Чацкій.

Куда?

Софья.

Къ прикмахеру.

Чацкій.

Богъ съ нимъ!

Софья.

Щипцы простудитъ.

Чацкій.

Пускай себѣ!...

Софья.

Нельзя, ждемъ на̀-вечеръ гостей.

Чацкій.

Богъ съ вами! Остаюсь опять съ моей загадкой.
Однако дайте мнѣ зайти, хотя украдкой,
Къ вамъ въ комнату, на нѣсколько минутъ.
Тамъ стѣны, воздухъ — все пріятно;
Согрѣютъ, оживятъ, мнѣ отдохнуть дадутъ
Воспоминаніемъ объ томъ, что невозвратно!
Не засижусь — войду — всего минуты двѣ!
Потомъ, подумайте: членъ англійскаго клуба,
Я тамъ дни цѣлые пожертвую молвѣ
Про умъ Молчалина, про душу Скалозуба.

(Софья пожимаетъ плечами, уходитъ къ себѣ и запирается; за нею Лиза.)

Явленіе III.

Чацкій, потомъ Молчалинъ.

Чацкій.

Ахъ, Софья! неужли Молчалинъ избранъ ей!
А чѣмъ не мужъ? Ума въ немъ только мало,
Но чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума недоставало!
Услужливъ, скромненькій, въ лицѣ румянецъ есть.

(Молчалинъ входитъ.)

Вотъ онъ, на цыпочкахъ и не богатъ словами.
Какою ворожбой умѣлъ къ ней въ сердце влѣзть?

(Обращается къ нему.)

Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Не удалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя нынче, безъ печали?

Молчалинъ.

По прежнему-съ.

Чацкій.

А прежде какъ живали?

Молчалинъ.

День за день, нынче, какъ вчера.

Чацкій.

Къ перу отъ картъ, а къ картамъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ?

Молчалинъ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.

Чацкій.

Взманили почести и знатность?

Молчалинъ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ...

Чацкій.

У васъ?

Молчалинъ.

Два-съ:
Умѣренность и аккуратность.

Чацкій.

Чудеснѣйшіе два и стоятъ нашихъ всѣхъ.

Молчалинъ.

Вамъ не дались чины?

Чацкій.

Не всякому успѣхъ.

Молчалинъ.

Татьяна Юрьевна разсказывала что-та,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ иными важными людьми про вашу связь,
Потомъ разрывъ...

Чацкій.

Ей почему забота?

Молчалинъ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

Чацкій.

Я съ нею незнакомъ.

Молчалинъ.

Съ Татьяной Юрьевной?

Чацкій.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались.
Слыхалъ, что вздорная...

Молчалинъ.

Да это, полно, та ли-съ?
Татьяна Юрьевна!... извѣстная, притомъ
Чиновные и должностные
Всѣ ей друзья и всѣ родные!
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ...

Чацкій.

На что же?

Молчалинъ.

Такъ. Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.

Чацкій.

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

Молчалинъ.

Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ нельзя богаче,
Отъ рождества и до поста,
И лѣтомъ праздники на дачѣ.

Ну, право, чтобы вамъ въ Москвѣ у насъ служить,
И награжденья брать и весело пожить!

Чацкій.

Когда въ дѣлахъ — я отъ веселій прячусь,
Когда дурачиться — дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ — я не изъ ихъ числа.

Молчалинъ.

Простите. Впрочемъ тутъ не вижу преступленья.
Вотъ самъ Ѳома Ѳомичъ: онъ вамъ знакомъ?

Чайкій.

Ну, что-жъ?

Молчалинъ.

Отличнаго ума и поведенья.
Изъ Петербурга къ намъ переведенъ.

Чацкій.

Хорошъ!

Пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ.

Молчалинъ.

Какъ можно! Слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ.
Читали вы?

Чацкій.

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

Молчалинъ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть.
Не сочинитель я....

Чацкій.

И по всему замѣтно.

Молчалинъ.

Не смѣю моего сужденья произнесть.

Чацкій.

Зачѣмъ же такъ секретно?

Молчалинъ.

Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

Чацкій.

Помилуйте! мы съ вами не ребяты!
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

Молчалинъ.

Вѣдь надобно-жъ зависѣть отъ другихъ...

Чацкій.

Зачѣмъ же надобно?

Молчалинъ.

Въ чинахъ мы небольшихъ.

Чацкій, почти громко.

Съ такими чувствами, съ такой душою,
Любимъ!... Обманщица! смѣялась надо мною!

Явленіе IV.

Вечеръ; всѣ двери настежъ, кромѣ двери въ спальню Софьи.
Въ перспективѣ открывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ; слуги суетятся; одинъ изъ нихъ, главный, говоритъ:

Эй, Филька, Ѳомка! ну, ловчѣй!
Столы для картъ, мѣлъ, щетокъ и свѣчей!
(Стучится къ Софьѣ въ дверь.)
Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:
Наталья Дмитревна и съ мужемъ, и къ крыльцу
Еще подъѣхала карета.
(Расходятся, остается одинъ Чацкій.)

Явленіе V.

Чацкій, Наталья Дмитріевна, молодая дама.

Наталья Дмитріевна.

Не ошибаюсь-ли? — Онъ точно по лицу.
Ахъ! Александръ Андреичъ, вы-ли?

Чацкій.

Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы.
Неужто такъ меня три года измѣнили?

Наталья Дмитріевна.

Я полагала васъ далеко отъ Москвы —
Давно-ли?

Чацкій.

Нынче лишь...

Наталья Дмитріевна.

Надолго?

Чацкій.

Какъ случится.
Однако, кто, смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ;
Моложе вы, свѣжѣе стали;
Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ!

Наталья Дмитріевна.

Я замужемъ.

Чацкій.

Давно бы вы сказали.

Наталья Дмитріевна.

Мой мужъ — прелестный мужъ! Вотъ онъ сейчасъ войдетъ;
Я познакомлю васъ, хотите?

Чацкій.

Прошу.

Наталья Дмитріевна.

И знаю напередъ,
Что вамъ понравится. Взгляните и судите.

Чацкій.

Я вѣрю: онъ вамъ мужъ.

Наталья Дмитріевна.

О, нѣтъ-съ! не потому,
Самъ по себѣ, по нраву, по уму,

Платонъ Михайлычъ мой единственный, безцѣнный!
Теперь въ отставкѣ, былъ военный,
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда бы службу продолжалъ,
Конечно былъ бы онъ московскимъ коммендантомъ.

Явленіе VI.

Чацкій, Наталья Дмитріевна, и Платонъ Михайловичъ.

Наталья Дмитріевна.

Вотъ мой Платонъ Михайлычъ!

Чацкій.

Ба!
Другъ старый! Мы давно знакомы — вотъ судьба!

Платонъ Михайловичъ.

Здорово, Чацкій, братъ!

Чацкій.

Платонъ любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ: ведешь себя исправно!

Платонъ Михайловичъ.

Какъ видишь, братъ,
Московскій житель и женатъ.

Чацкій.

Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?

Платонъ Михайловичъ.

Нѣтъ! есть таки занятья.
На флейтѣ я твержу дуэтъ
А-мольный...

Чацкій.

Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже!

Платонъ Михайловичъ.

Братъ! женишься, тогда меня вспомянь:
Отъ скуки будешь ты свистать одно и тоже.

Чацкій.

Отъ скуки? Какъ? Ужъ ты ей платишь дань?

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу... иногда скучаетъ по-утрамъ.

Чацкій.

А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть празднымъ?
Въ полкъ! — эскадронъ дадутъ. Ты оберъ, или штабъ?

Наталья Дмитріевна.

Платонъ, Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ.

Чацкій.

Здоровьемъ слабъ! Давно-ли?

Наталья Дмитріевна.

Все ревматизмъ и головныя боли.

Чацкій.

Движенья болѣе! Въ деревню, въ теплый край,
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай!

Наталья Дмитріевна.

Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву. Зачто въ глуши онъ дни свои погубитъ?

Чацкій.

Москву и городъ?... Ты чудакъ!
А помнишь прежнее?

Платонъ Михайловичъ.

Да, братъ, теперь не такъ!...

Наталья Дмитріевна.

Ахъ! мой дружочикъ!

Здѣсь такъ свѣжо, что мочи-нѣтъ!
Ты распахнулся весь и разстегнулъ жилетъ!

Платонъ Михайловичъ.

Теперь, братъ, я не тотъ!...

Наталья Дмитріевна.

Послушайся разочикъ,
Мой милый! застегнись скорѣй.

Платонъ Михайловичъ, равнодушно.

Сейчасъ.

Наталья Дмитріевна.

Да, отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади.

Платонъ Михайловичъ.

Теперь, братъ, я не тотъ!...

Наталья Дмитріевна.

Мой ангелъ! Бога ради,
Отъ двери дальше отойди!

Платонъ Михайловичъ, глаза къ небу.

Ахъ! матушка.

Чацкій.

Ну, Богъ тебя суди!
Ужъ точно сталъ не тотъ въ короткое ты время.
Не въ прошломъ-ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? Лишь утро — ногу въ стремя
И носишься на борзомъ жеребцѣ,
Осенній вѣтеръ дуй, хоть спереди, хоть съ тыла.

Платонъ Михайловичъ.

Эхъ! братецъ! славное тогда житье-то было!

Явленіе VII.

Тѣ же, Князь Тугоуховскій и Княгиня съ шестью дочерьми.

Наталья Дмитріевна, тоненькимъ голоскомъ.

Князь Петръ Ильичъ! Княгиня! Боже мой!
Княжна Зизи! Мими!

(Громкія лобызанія; потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ.)

1 Княжна.

Какой фасонъ прекрасный!

2 Княжна.

Какія складочки!

1 Княжна.

Обшито фалбарой.

Наталья Дмитріевна.

Нѣтъ, еслибъ видѣли мой тюрлюрлю атласный!

3 Княжна.

Какой эшарпъ cousin мнѣ подарилъ!

4 Княжна.

Ахъ! да, барежевый!

5 Княжна.

Ахъ! прелесть!

6 Княжна.

Ахъ! какъ милъ!

Княгиня.

Стъ! — Кто это въ углу, вошли мы, поклонился?

Наталья Дмитріевна.

Пріѣзжій — Чацкій.

Княгиня.

От-ста-вной?

Наталья Дмитріевна.

Да, путешествовалъ, недавно воротился.

Княгиня.

И хо-ло-стой?

Наталья Дмитріевна.

Да, не женатъ.

Княгиня.

Князь! князь! сюда! — живѣе!

Князь, обращаетъ къ ней слуховую трубу.

О! хмъ!

Княгиня.

Къ намъ нá-вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣе
Натальи Дмитревны знакомаго — вотъ онъ.

Князь.

И! хмъ!

(Оправляется, вьется около Чацкаго и покашливаетъ.)

Княгиня.

Вотъ то-то, дѣтки!
Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ!
Танцовщики ужасно стали рѣдки!...
Онъ камеръ-юнкеръ?

Наталья Дмитріевна.

Нѣтъ!

Княгиня.

Богатъ?

Наталья Дмитріевна.

О нѣтъ!

Княгиня, громко, что есть мочи.

Князь! князь! назадъ!

Явленіе VIII.

Тѣ же и Графини Хрюмины, бабушка и внучка.

Графиня внучка.

Ахъ! grande maman! Ну кто такъ рано прiѣзжаетъ?
Мы первыя!

(Пропадаетъ въ боковую комнату.)

Княгиня.

Вотъ насъ честитъ!
Вотъ первая, а насъ за никого считаетъ!
Зла: въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ — ужъ Богъ ее проститъ!

Граф. внучка, вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ.

Мсьё Чацкій? вы въ Москвѣ? Какъ были, все такіе?

Чацкій.

Начто мѣняться мнѣ?

Графиня внучка.

Вернулись холостые?

Чацкій.

На комъ жениться мнѣ?

Графиня внучка.

Въ чужихъ краяхъ на комъ?
О! нашихъ тьма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся, и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ.

Чацкій.

Несчастные! должны упреки несть
Отъ подражательницъ модисткамъ,
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ!

Явленіе IX.

Тѣ же и множество другихъ гостей. Между прочимъ Загорѣцкій. Мужчины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату, и проч. Софья отъ себя выходитъ. Всѣ къ ней на встрѣчу.

Графиня внучка.

Eh, bon soir! vous voilà! jamais trop diligente!
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente!

Загорѣцкій.

На завтрешній спектакль имѣете билетъ?

Софья.

Нѣтъ!

Загорѣцкій.

Позвольте вамъ вручить; напрасно бы кто взялся
Другой вамъ услужить; за-то
Куда я не кидался!
Въ контору — все взято;
Къ директору — онъ мнѣ пріятель —
Съ зарей, въ шестомъ часу — и кстати-ль!
Ужъ съ вечера никто достать не могъ;
Къ тому, къ сему, всѣхъ сбилъ я съ ногъ,
И этотъ, наконецъ, похитилъ уже силой
У одного — старикъ онъ хилый,
Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ —
Пусть дома просидитъ въ покоѣ!

Софья.

Благодарю васъ за билетъ,
А за старанье — вдвое.

(Являются еще кое-какіе; между тѣмъ Загорѣцкій отходитъ къ мужчинамъ.)

Загорѣцкій.

Платонъ Михайлычъ!

Платонъ Михайловичъ.

Прочь!

Поди ты къ женщинамъ, лги имъ и ихъ морочь.
Я правду о тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вотъ, братъ, (Чацкому.) рекомендую:
Какъ этакихъ людей учтивѣе зовутъ,
Нѣжнѣе? Человѣкъ онъ свѣтскій,
Извѣстный плутъ,
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
При немъ остерегись: переносить гораздъ!
И въ карты не садись: продастъ!

Загорѣцкій.

Оригиналъ! Брюзгливъ, а безъ малѣйшей злобы.

Чацкій.

И оскорбляться вамъ смѣшно бы:
Окромѣ честности есть множество отрадъ.
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

Платонъ Михайловичъ.

Охъ, нѣтъ, братецъ! у насъ ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ.

(Загорѣцкій мѣшается въ толпу.)

Явленіе X.

Тѣ же и Хлестова.

Хлестова.

Легко-ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащится мнѣ къ тебѣ, племянница?... Мученье!
Часъ битый ѣхала съ Покровки — силы нѣтъ!
Ночь — свѣта преставленье!
Отъ скуки я взяла съ собой
Арапку дѣвку, да собачку;
Вели ихъ накормить ужо, дружечикъ мой,
Отъ ужина пошли подачку.
Княгиня здравствуйте! (Садится.) Ну, Софьюшка, мой другъ,
Какая у меня арапка для услугъ!
Курчавая! горбомъ лопатки!
Сердитая! всѣ кошечьи ухватки!
Да какъ черна, да какъ страшна!
Вѣдь создалъ же Господь такое племя!
Чортъ сущій! Въ дѣвичей она...
Позвать-ли?

Софья.

Нѣтъ-съ, въ другое время.

Хлестова.

Представь: ихъ, какъ звѣрей, выводятъ на показъ,
Я слышала — тамъ... городъ есть турецкій...

А знаешь-ли кто мнѣ припасъ?
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
(Онъ выставляется впередъ.)
Лгунишка онъ, картежникъ, воръ,
(Загорѣцкій исчезаетъ.)
Я отъ него было и двери на-запоръ,
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковьѣ
Двоихъ арапченковъ на ярмаркѣ досталъ;
Купилъ, онъ говоритъ — чай въ карты сплутовалъ,
А мнѣ подарочекъ, дай Богъ ему здоровье!

Чацкій, со смѣхомъ Платону Михайловичу.

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!
И Загорѣцкій самъ не выдержалъ, пропалъ.

Хлестова.

Кто этотъ весельчакъ? Изъ званія какого?

Софья.

Вонъ этотъ? Чацкій.

Хлестова.

Ну, а что нашелъ смѣшнаго?
Чему онъ радъ? Какой тутъ смѣхъ?
Надъ старостью смѣяться грѣхъ.
А! помню, ты дитей съ нимъ часто танцовала;
Я за уши его дирала — только мало!

Явленіе XI.

Тѣ же и Фамусовъ.

Фамусовъ, громогласно.

Ждемъ князь-Петръ-Ильича,
А князь ужъ здѣсь! А я забился тамъ, въ портретной!
Гдѣ Скалозубъ Сергѣй Сергѣичъ, а?
Нѣтъ? Кажется, что нѣтъ? Онъ человѣкъ замѣтный —
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ.

Хлестова.

Творецъ мой! оглушилъ, звончѣе всякихъ трубъ!

Явленіе XII.

Тѣ же и Скалозубъ, потомъ Молчалинъ.

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ! запоздали!
А мы васъ ждали, ждали, ждали,
Подводитъ къ Хлестовой.)
Моя невѣстушка, которой ужъ давно
Объ васъ говорено.

Хлестова, сидя.

Вы прежде были здѣсь.... въ полку.... въ томъ...
гренадерскомъ?

Скалозубъ, басомъ.

То есть, хотите вы сказать,
Въ Новоземлянскомъ мушкетерскомъ?

Хлестова.

Не мастерица я полки-то различать.

Скалозубъ.

А форменыя есть отлички
Въ мундирахъ, выпушки, погончики, петлички.

Фамусовъ.

Пойдемте, батюшка, тамъ я васъ посмѣшу:
Курьёзный вистъ у насъ. За нами, князь! прошу.
(Его и князя уводитъ съ собою.)

Хлестова, Софьѣ.

Ухъ! я точнехонько избавилась отъ петли!
Вѣдь полоумный твой отецъ:
Знакомитъ, не спросясь, пріятно-ли намъ, нѣтъ-ли!

Молчалинъ, подаетъ ей карту.

Я вашу партію составилъ: мосьё Кокъ,
Ѳома Ѳомичъ и я.

Хлестова, встаетъ.

Спасибо, мой дружокъ!

Молчалинъ.

Вашъ шпицъ — прелестный шпицъ, не болѣе наперстка!
Я гладилъ все его; какъ шелковая шерстка!

Хлестова.

Спасибо, мой родной!

(Уходитъ, съ нею Молчалинъ и многіе.)

Явленіе XIII.

Чацкій, Софья и нѣсколько постороннихъ лицъ, которые въ продолженіе сцены расходятся.

Чацкій.

Ну! тучу разогналъ....

Софья.

Нельзя-ль не продолжать?

Чацкій.

Чѣмъ я васъ напугалъ?
За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить.

Софья.

А кончили бы злостью.

Чацкій.

Сказать вамъ, что я думалъ? Вотъ:
Старушки всѣ народъ сердитый.
Нехудо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ, какъ громовой отводъ —
Молчалинъ! — Кто другой такъ мирно все уладитъ?
Тамъ моську вд-время погладитъ,
Тутъ въ пору карточку вотретъ....
Въ немъ Загорѣцкій не умретъ!
Вы давича его мнѣ исчисляли свойства,
Но многія забыли — да?

(Уходитъ.)

Явленіе XIV.

Софья, потомъ Г. N.

Софья, про себя.

Ахъ! этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть, завистливъ, гордъ и золъ!

Г. N. подходитъ.

Вы въ размышленьи?

Софья.

Объ Чацкомъ.

Г. N.

Какъ его нашли по возвращеньи?

Софья.

Онъ не въ своемъ умѣ!

Г. N.

Ужель съ ума сошелъ?

Софья, помолчавши.

Не то, чтобы совсѣмъ....

Г. N.

Однако есть примѣты?

Софья, смотритъ на него пристально.

Мнѣ кажется.

Г. N.

Какъ можно въ эти лѣты!

Софья.

Какъ быть!

(Въ сторону.)

Готовъ онъ вѣрить!
А, Чацкій! любите вы всѣхъ въ шуты рядить,
Угодно-ль на себѣ примѣрить?

(Уходитъ.)

Явленіе XV.

Г. N., потомъ Г. D.

Г. N.

Съ ума сошелъ!... Ей кажется? Вотъ на!
Не даромъ стало быть... Съ чего-бъ взяла она!
Ты слышалъ?

Г. D.

Что?

Г. N.

Объ Чацкомъ?

Г. D.

Что такое?

Г. N.

Съ ума сошелъ!

Г. D.

Пустое!

Г. N.

Не я сказалъ, другіе говорятъ.

Г. D.

А ты разславить это радъ?

Г. N.

Пойду освѣдомлюсь; чай кто-нибудь да знаетъ.
(Уходитъ.)

Явленіе XIV.

Г. D., потомъ Загорѣцкій.

Г. D.

Вѣрь болтуну!
Услышитъ вздоръ и тотчасъ повторяетъ!
Ты знаешь-ли объ Чацкомъ?

Загорѣцкій.

Ну?

Г. D.

Съ ума сошелъ?

Загорѣцкій.

А, знаю, помню, слышалъ!
Какъ мнѣ не знать? Примѣрный случай вышелъ:
Его въ безумные упряталъ дядя плутъ;
Схватили, въ желтый домъ, и на цѣпь посадили.

Г. D.

Помилуй! Онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ!

Загорѣцкій.

Такъ съ цѣпи стало-быть спустили.

Г. D.

Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газетъ!
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всѣхъ повыспрошу — однако, чуръ, секретъ!

(Уходитъ.)

Явленіе XVII.

Загорѣцкій, потомъ Наталья Дмитріевна.

Загорѣцкій.

Который Чацкій тутъ? Извѣстная фамилья:
Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.
Вы слышали объ немъ?

Наталья Дмитріевна.

Объ комъ?

Загорѣцкій.

Объ Чацкомъ; онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.

Наталья Дмитріевна.

Знаю,

Я говорила съ нимъ.

Загорѣцкій.

Такъ я васъ поздравляю:

Онъ сумасшедшій...

Наталья Дмитріевна.

Что?

Загорѣцкій.

Да, онъ сошелъ съ ума.

Наталья Дмитріевна.

Представьте: я замѣтила сама,
И хоть пари держать, со мной въ одно вы слово!

Явленіе XVIII.

Тѣ же, Графиня бабушка.

Наталья Дмитріевна.

Ахъ, Боже мой! вотъ чудеса, вотъ ново!
Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте! Вотъ прелести, вотъ мило!

Гр. бабушка.

Мой другъ, мнѣ уши заложило!
Скажи погромче...

Наталья Дмитріевна.

Время нѣтъ.
Il vous dira toute l'histoire!
Пойду спрошу.

(Уходитъ.)

Явленіе XIX.

Загорѣцкій, Графиня бабушка.

Гр. бабушка.

Что, что? Ужъ нѣтъ-ли здѣсь пожара!

Загорѣцкій.

Нѣтъ! Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.

Гр. бабушка.

Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?

Загорѣцкій.

Въ горахъ былъ раненъ въ лобъ, сошелъ съ ума отъ раны.

Гр. бабушка.

Какъ? Къ фармазонамъ въ клобъ
Пошелъ онъ, въ бусурманы?

Загорѣцкій.

Ее не вразумишь!...
(Уходитъ.)

Гр. бабушка.

Антонъ Антонычъ! Ахъ!
И онъ бѣжитъ; всѣ въ страхѣ, въ-попыхахъ!

Явленіе XX.

Графиня бабушка и Князь Тугоуховскій.

Гр. бабушка.

Князь! князь! охъ, этотъ князь! по баламъ, самъ чуть дышетъ!

Князь.

А? хмъ?

Гр. бабушка.

Онъ ничего не слышитъ.
Хоть можетъ видѣли: здѣсь полицмейстеръ былъ?

Князь.

Э? хмъ?

Гр. бабушка.

Въ тюрьму-то, князь, кто Чацкаго схватилъ?

Князь.

И? хмъ?

Гр. бабушка.

Тесакъ ему, да ранецъ,
Въ солдаты: шутка-ли? перемѣнилъ законъ!

Князь.

У? хмъ?

Гр. бабушка.

Да!... въ бусурманахъ онъ!
Ахъ! окаянный волтерьянецъ!
Что? а? Глухъ мой отецъ! Достаньте свой рожокъ!
Охъ! глухота большой порокъ!

Явленіе XXI.

Тѣ же и Хлестова, Софья, Молчалинъ, Платонъ Михайловичъ, Наталья Дмиріевна, Графиня внучка, Княгиня съ дочерьми, Загорѣцкій, Скалозубъ, потомъ Фамусовъ и многіе другіе.

Хлестова.

Съ ума сошелъ? Прошу покорно!
Да невзначай, да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платонъ Михайловичъ.

Кто первый разгласилъ?

Наталья Дмитріевна.

Ахъ, другъ мой! всѣ.

Платонъ Михайловичъ.

Ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ,
А мнѣ сомнительно.

Фамусовъ, входитъ.

О комъ? о Чацкомъ что-ли?
Чего сомнительно! Я первый, я открылъ.
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ!
Попробуй говорить и невѣсть что наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ,

Хоть предъ монаршескимъ лицомъ —
Такъ назоветъ онъ подлецомъ!

Хлестова.

Туда же изъ смѣшливыхъ!
Сказала что-то я, онъ началъ хохотать.

Молчалинъ.

Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ.

Графиня внучка.

Меня модисткою изволилъ величать!

Наталья Дмитріевна.

А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ!

Загорѣцкій.

Безумный по всему!

Графиня внучка.

Я видѣла изъ глазъ.

Фамусовъ.

По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

Хлестова.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай пилъ не по лѣтамъ?

Княгиня.

О! вѣрно...

Графиня внучка.

Безъ сомнѣнья!

Хлестова.

Шампанское стаканами тянулъ.

Наталья Дмитріевна.

Бутылками-съ, и пребольшими!

Загорѣцкій, съ жаромъ.

Нѣтъ-съ, бочками сороковыми!

Фамусовъ.

Ну, вотъ, великая бѣда,

Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье — вотъ чума; ученость — вотъ причина...
Что нынче пуще чѣмъ когда
Безумныхъ развелось людей и дѣлъ и мнѣній.

Хлестова.

И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ отъ одн҇ихъ,
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ, какъ бишь ихъ,
Да отъ ландкарточныхъ взаимныхъ обученій.

Княгиня.

Есть въ Петербургѣ институтъ
Педагогическій, такъ кажется зовутъ.
Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрьи
Профессора! У нихъ учился мой родня
И вышелъ хоть сейчасъ въ аптеку въ подмастерьи:
Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня!
Чиновъ не хочетъ онъ! Онъ химикъ, онъ ботаникъ,
Князь Ѳедоръ, мой племянникъ!

Скалозубъ.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проэктъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій;
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два!
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій,

Фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, нѣтъ! Ужъ коли зло пресѣчь —
Забрать всѣ книги, да ихъ сжечь!

Загорѣцкій.

Нѣтъ-съ, книги книгамъ рознь, по еслибъ, между нами,
Былъ цензоромъ назначенъ я,
На басни бы налегъ. Охъ, басни смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами;
Вѣдь что ни говори,
Хотя животныя, а все-таки цари.

Хлестова.

Отцы мои! ужъ кто въ умѣ разстроенъ,

Такъ все равно, отъ книгъ ли, отъ питья-ль
А Чацкаго мнѣ жаль!
По-христіански, такъ онъ жалости достоинъ:
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

Фамусовъ.

Четыре.

Хлестова.

Три, сударь!

Фамусовъ.

Четыреста!

Хлестова.

Нѣтъ! триста

Фамусовъ.

Въ моемъ календарѣ...

Хлестова.

Всѣ врутъ календари!

Фамусовъ.

Какъ разъ четыреста! Охъ, спорить голосиста!

Хлестова.

Нѣтъ! триста! Ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!

Фамусовъ.

Четыреста, прошу понять!

Хлестова.

Нѣтъ, триста, триста, триста!

Явленіе XXII.

Тѣ же и Чацкій.

Наталья Дмитріевна.

Вотъ онъ!

Графиня внучка.

Штъ!

Всѣ.

Штъ!

(Пятятся отъ него въ противную сторону.)

Хлестова.

Ну, какъ, съ безумныхъ глазъ,
Затѣетъ драться онъ — потребуютъ къ раздѣлкѣ!

Фамусовъ.

О, Господи! помилуй грѣшныхъ насъ!
(Опасливо.)
Любезнѣйшій! ты не въ своей тарелкѣ.
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ — ты нездоровъ?

Чацкій.

Да, мочи нѣтъ! Мильонъ терзаній,
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!
(Подходитъ къ Софьѣ.)
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.
Нѣтъ! не доволенъ я Москвой.

Хлестова.

Москва, вишь, виновата!

Фамусовъ.

Подальше отъ него! (Дѣлаетъ знакъ Софьѣ.)
Гмъ! Софья не глядитъ!

Софья, Чацкому.

Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?

Чацкій.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча:
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча,
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца;
Ни звука русскаго, ни русскаго лица

Не встрѣтилъ, будто бы въ отечествѣ, съ друзьями:
Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды.
Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ. — И тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска, и оханье и стонъ:
„Ахъ! Франція! Нѣтъ въ мірѣ лучше края!“
Рѣшили двѣ княжны, сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княженъ!
Я одаль возсылалъ желанья
Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья;
Чтобъ искру заронилъ Онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ, иль примѣромъ,
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой!
Пускай меня отъявятъ староверомъ,
Но хуже для меня нашъ сѣверъ во сто кратъ
Съ тѣхъ-поръ, какъ отдалъ все въ промѣнъ на новый
ладъ —
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую,
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, на-перекоръ стихіямъ —
Движенья связаны и не краса лицу!
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки...
Какъ платье, волосы, такъ и умы коротки!
Ахъ! если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ-ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,

Хотя по языку, насъ не считалъ за нѣмцевъ!
„Какъ европейское поставить въ параллель
„Съ національнымъ — странно что-то!
„Ну, какъ перевести: мадамъ и мадмоазель?
„Ужель: сударыня!“ — забормоталъ мнѣ кто-то....
Вообразите: тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ!
„Сударыня! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! ха! ха! ужасно!...“
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый,
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною — онъ не новый.
Москва и Петербургъ, во всей Россіи то,
Что человѣкъ изъ города Бордо,
Лишь ротъ открылъ — имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье.
И въ Петербургѣ и въ Москвѣ,
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять, шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять,
Глядь....
(Оглядывается — всѣ вальсируютъ; старики усѣлись за карты.)

ДѢЙСТВІЕ IV.

Слабое освѣщеніе. Лакеи иные суетятся, иные спятъ въ ожиданіи господъ своихъ.

Ночь.

Явленіе I.

Графиня бабушка и внучка.

Лакей.

Графини Хрюминой карета!

Гр. внучка, пока ее укутываютъ.

Ну, балъ! Ну, Фамусовъ! умѣлъ гостей созвать!
Какіе-то уроды съ того свѣта!
И не съ кѣмъ говорить и не съ кѣмъ танцовать.

Гр. бабушка.

Поѣдемъ, матушка, мнѣ право не подъ-силу!
Когда-нибудь, я съ бала да въ могилу.
(Обѣ уходятъ.)

Явленіе II.

Горичевы. Одинъ лакей около нихъ хлопочетъ; другой у подъѣзда кричитъ:

Карета Горича!

Наталья Дмитріевна.

Мой ангелъ, жизнь моя,
Безцѣнный, душенька! что смотришь такъ уныло?
Признайся: весело у Фамусовыхъ было?

Платонъ Михайловичъ.

Наташа, матушка, дремлю на балахъ я!
До нихъ смертельный неохотникъ,

А не противлюсь: твой работникъ,
Дежурю за полночь подчасъ
Тебѣ въ угодность! Какъ ни грустно,
Пускаюсь, по командѣ, въ плясъ!...

Наталья Дмитріевна.

Ты притворяешься и очень неискусно.
Охота смертная прослыть за старика.

(Уходитъ съ лакеемъ.)

Платонъ Михайловичъ, хладнокровно.

Балъ вещь хорошая, неволя-то горька!
А кто жениться насъ неволитъ?
Вѣдь сказано-жъ иному на роду...

Лакей, съ крыльца.

Въ каретѣ барыня, и гнѣваться изволитъ.

Платонъ Михайловичъ.

Иду, иду.

(Уѣзжаетъ.)

Явленіе III.

Чацкій и его лакей впереди.

Чацкій.

Кричи, чтобы скорѣе подавали!

(Лакей уходитъ.)

Ну, вотъ и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли!
Чего я ждалъ? Что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? Участье въ комъ живое?
Крикъ, радость, обнялись — пустое!
Въ повозкѣ такъ-то на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно,
Все что-то видно впереди,
Свѣтло, синё, разнообразно,
И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый. Вотъ рѣзво

Домчались къ отдыху, ночлегъ: куда ни взглянешь,
Все та же гладь и степь, и пусто и мертво...
Досадно, мочи нѣтъ, чѣмъ больше думать станешь!
Готово?
(Лакей возвращается.)

Лакей.

Кучера нигдѣ, вишь, не найдутъ.

Чацкій.

Пошелъ ищи — не ночевать же тутъ!
(Лакей уходитъ.)

Явленіе IV.

Чацкій и Репетиловъ.

Репетиловъ, сбѣгаетъ съ крыльца, падаетъ и оправляется.

Тьфу! оплошалъ! Ахъ! мой Создатель!
Дай протереть глаза... Откудова, пріятель,
Сердечный другъ, любезный другъ, mon cher?
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты!
Сейчасъ... растолковать прошу —
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу....
Хвать объ порогъ, задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ....
Пожалуй смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ,
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть —
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго, ей-ей!...
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,

Пускай умру на мѣстѣ этомъ
И разразитъ меня Господь....

Чацкій.

Да полно вздоръ молоть!

Репетиловъ.

Не любишь ты меня! Естественное дѣло!
Съ другими — я и такъ и сякъ;
Съ тобою — говорю не смѣло,
Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!...

Чацкій.

Вотъ странное уничиженье!

Репетиловъ.

Брани меня: я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ!...
Скажи, который часъ?

Чацкій.

Часъ ѣхать спать ложиться;
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

Репетиловъ.

Что́ балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до бѣла дня
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!...
Читалъ ли ты, есть книга...

Чацкій.

А ты читалъ? задача для меня!
Ты Репетиловъ ли?

Репетиловъ.

Зови меня вандаломъ,
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ;
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ, или баломъ;
Объ дѣтяхъ забывалъ, обманывалъ жену,
Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взятъ указомъ;
Танцовщицу держалъ — да не одну —

Трехъ разомъ!
Пилъ мертвую! Не спалъ ночей по десяти,
Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру...

Чацкій.

Послушай: ври, да знай же мѣру,
Есть отъ чего въ отчаянье придти!

Репетиловъ.

Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу напролетъ...

Чацкій.

Вотъ нынче, напримѣръ!

Репетиловъ.

Что — ночь одна не въ счетъ!
За то, спроси, гдѣ былъ?

Чацкій.

И самъ я догадаюсь:
Чай въ клубѣ?

Репетиловъ.

Въ англійскомъ, чтобъ исповѣдь начать!
Изъ шумнаго я засѣданья.
Пожалуйста молчи, я слово далъ молчать:
У насъ есть общество и тайныя собранья
По четвергамъ, секретнѣйшій союзъ.

Чацкій.

Ахъ, я, братецъ, боюсь.
Какъ? въ клубѣ?

Репетиловъ.

Именно.

Чацкій.

Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ въ зашеи прогнать и васъ, и ваши тайны!

Репетиловъ.

Напрасно страхъ тебя беретъ:
Вслухъ, громко говоримъ, никто не разберетъ.

Я самъ, какъ схватятся объ камерахъ, присяжныхъ,
Объ Байронѣ — ну, объ матерьяхъ важныхъ —
Частенько слушаю, не разжимая губъ:
Мнѣ не подъ силу, братъ, и чувствую, что глупъ!...
Ахъ, Александръ! у насъ тебя не доставало!
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало,
Поѣдемъ-ка сейчасъ — мы благо на ходу —
Съ какими я тебя сведу
Людьми! — Ужъ на меня нисколько не похожи!
Что за люди, mon cher: сокъ умной молодежи!

Чацкій.

Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?
Зачѣмъ? Въ глухую ночь? — Домой! — я спать хочу.

Репетиловъ.

Э! брось! Кто нынче спитъ! Ну, полно, безъ прелюдій,
Рѣшись, а мы... у насъ... рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ!
Кричимъ подумаешь, что сотни голосовъ.

Чацкій.

Да изъ чего, скажи, бѣснуетесь вы столько?

Репетиловъ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ...

Чацкій.

Шумите вы — и только?

Репетиловъ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ,
Но государственное дѣло.
Оно, вотъ видишь, не созрѣло —
Нельзя же вдругъ!...
Что за люди, mon cher! Безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во-первыхъ, князь Григорій,
Чудакъ единственный! Насъ со смѣху моритъ.
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка,
И также онъ сквозь зубы говоритъ,

И также коротко обстриженъ для порядка.
Ты незнакомъ? О! познакомься съ нимъ!
Другой, Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О, диво!
Послушай, милый! Особливо
Есть у него любимое одно:
А нонъ ла-шьярь ми но-но-но!
. Еще у насъ два брата,
Левонъ и Боринька, чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь что сказать!
Но если генія прикажете назвать:
Удушьевъ Ипполитъ Маркелычъ!
Ты сочиненія его
Читалъ ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего —
Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то
И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его отрывокъ: взглядъ и нѣчто...
Объ чемъ бишь нѣчто? — Обо всемъ,
Все знаетъ; мы его на черный день пасемъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко на руку нечистъ!
Да, умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ.
Когда-жъ объ честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ —
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ и мы всѣ рыдаемъ!
Вотъ люди! Есть ли имъ подобные? Наврядъ!
Ну, между ними я, конечно, за-урядъ —
Немножко поотсталъ, лѣнивъ — подумать ужасъ!

Однакожъ я, когда умишкомъ понатужась,
Засяду — часу не сижу,
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу,
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ,
И въ шестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ;
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
Братъ, смѣйся, а что любо — любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ,
Далъ сердце доброе — вотъ чѣмъ я людямъ милъ!
Совру — простятъ...

Лакей, у подъѣзда.

Карета Скалозуба!

Репетиловъ.

Чья?

Явленіе V.

Тѣ же, Скалозубъ спускается съ крыльца.

Репетиловъ.

А! Скалозубъ! душа моя!
Постой, куда же? Сдѣлай дружбу!...
(Душитъ его въ объятіяхъ.)

Чацкій.

Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ?
(Входитъ въ швейцарскую.)

Репетиловъ.

Слухъ объ тебѣ давно затихъ.
Сказали, что ты въ полкъ отправился на службу.
Знакомы вы? (Ищетъ глазами Чацкаго.) Упрямецъ ускакалъ —
Нѣтъ нужды. — Я тебя нечаянно сыскалъ,
И просимъ-ка со мной сейчасъ, безъ отговорокъ!
У князь-Григорія теперь народу тьма;
Увидишь человѣкъ тамъ сорокъ.

Фу! сколько, братецъ, тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ не наскучатъ.
Во-первыхъ — напоятъ шампанскимъ на убой,
А во-вторыхъ — такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

Скалозубъ.

Избавь. Ученостью меня не обморочишь;
Скликай другихъ, а если хочешь,
Я князь-Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Волтеры дамъ;
Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикнете — такъ мигомъ успокоитъ.

Репетиловъ.

Все служба на умъ! Mon cher, гляди сюда:
И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ,
Какъ можетъ быть никто и никогда.
По статской я служилъ — тогда
Баронъ фонъ-Клокъ въ министры мѣтилъ,
А я
Къ нему въ зятья.
Шелъ напрямикъ, безъ дальной думы.
Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси;
Ему и ея такія суммы
Спустилъ, что Боже упаси!
Онъ на Фонтанкѣ жилъ, я возлѣ домъ построилъ,
Съ колоннами, огромный — сколько стоилъ!
Женился наконецъ на дочери его:
Приданаго взялъ — шишъ, по службѣ — ничего!
Тесть нѣмецъ, а что проку?
Боялся, видишь, онъ упреку
За слабость будто бы къ роднѣ —
Боялся, прахъ его возьми, да легче-ль мнѣ?
Секретари его всѣ хамы, всѣ продажны,
Людишки, пишущая тварь,

Всѣ вышли въ знать, всѣ стали важны;
Гляди-ка въ адресъ-календарь!
Тьфу! Служба и чины, кресты — души мытарства,
Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что радикальныя потребны тутъ лекарства:
Желудокъ больше не варитъ.
(Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который покуда уѣхалъ.)

Явленіе VI.

Репетиловъ и Загорѣцкій.

Загорѣцкій.

Извольте продолжать. Вамъ искренно признаюсь,
Такой же я, какъ вы, ужасный либералъ;
И отъ того, что прямъ и смѣло объясняюсь,
Куда какъ много потерялъ.

Репетиловъ, съ досадою.

Всѣ врознь, не говоря ни слова!
Чуть изъ виду одинъ, гляди ужъ нѣтъ другова:
Былъ Чацкій, вдругъ исчезъ, потомъ и Скалозубъ...

Загорѣцкій.

Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

Репетиловъ.

Онъ не глупъ.
Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякія турусы,
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль....
Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль!
Мы съ нимъ.... у насъ.... одни и тѣ же вкусы.

Загорѣцкій.

А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ серьёзно поврежденъ?

Репетиловъ.

Какая чепуха!

Загорѣцкій.

Объ немъ всѣ этой вѣры.

Репетиловъ.

Вранье!

Загорѣцкій.

Спросите всѣхъ!

Репетиловъ.

Химеры!

Загорѣцкій.

А, кстати, вотъ князь Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами!

Репетиловъ.

Дичь!

Явленіе VII.

Репетиловъ, Загорѣцкій, князь Тугоуховскій и княгиня съ дочерьми; немного погодя, Хлестова спускается съ лѣстницы; Молчалинъ ведетъ ее подъ руку. Лакеи въ суетахъ.

Загорѣцкій.

Княжны! пожалуйте, скажите ваше мнѣнье:
Безумный Чацкій или нѣтъ?

1 Княжна.

Какое-жъ въ этомъ есть сомнѣнье?

2 Княжна.

Про это знаетъ цѣлый свѣтъ!

3 Княжна.

Дрянскіе, Хворовы, Ворленскіе, Скачковы!...

4 Княжна.

И! вѣсти старыя: кому онѣ ужъ новы?

5 Княжна.

Кто сомнѣвается?

Загорѣцкій.

Да вотъ не вѣритъ!

6 Княжна.

Вы?

Всѣ вмѣстѣ.

Мсьё Репетиловъ! Вы? Мсьё Репетиловъ, что́ вы?
Да какъ вы? — Можно-ль противъ всѣхъ?
Да почему вы? — Стыдъ и смѣхъ!

Репетиловъ, затыкаетъ уши.

Простите, я не зналъ, что это слишкомъ гласно.

Княгиня.

Еще не гласно бы! Съ нимъ говорить опасно!
Давно бы запереть пора.
Послушать, такъ его мизинецъ
Умнѣе всѣхъ, и даже князь-Петра!
Я думаю, онъ просто якобинецъ —
Вашъ Чацкій! Ѣдемте. Князь, ты везти бы могъ
Катишъ или Зизи; мы ѣдемъ въ шестимѣстной.

Хлестова, съ лѣстницы.

Княгиня! карточный должокъ.

Княгиня.

За мною, матушка.

Всѣ другъ другу.

Прощайте!

(Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загорѣцкій тоже.)

Явленіе VIII.

Репетиловъ, Хлестова и Молчалинъ.

Репетиловъ.

Царь небесный!

Анфиса Ниловна! Ахъ! Чацкій бѣдный!... Вотъ,
Что нашъ высокій умъ и тысячи заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ?

Хлестова.

Такъ Богъ ему судилъ, а впрочемъ

Полечатъ, вылечатъ авось.
А ты, мой батюшка, неизлечимъ, хоть брось! —
Изволилъ во-время явиться!
Молчалинъ! вонъ чуланчикъ твой;
Не нужны проводы — поди, Господь съ тобой!
(Молчалинъ уходитъ.)
Прощайте, батюшка, пора перебѣситься!
(Уѣзжаетъ.)

Явленіе IX.

Репетиловъ, съ своимъ лакеемъ.

Репетиловъ.

Куда теперь направить путь?
А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту.
Поди, сажай меня въ карету —
Вези куда-нибудь.
(Уѣзжаетъ. Послѣдняя лампа гаснетъ.)

Явленіе X.

Чацкій, выходитъ изъ швейцарской.

Что это? Слышалъ я моими ли ушами?
Не смѣхъ, а явно злость! Какими чудесами,
Черезъ какое колдовство
Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?
И для иныхъ — какъ словно торжество,
Другіе — будто сострадаютъ!
О, еслибъ кто въ людей проникъ!
Что хуже въ нихъ: душа или языкъ?....
Чье это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ;
Старухи въ мигъ тревогу бьютъ —
И вотъ общественное мнѣнье,
И вотъ та родина!... Нѣтъ! въ нынѣшній пріѣздъ,

Я вижу, что она мнѣ скоро надоѣстъ!
А Софья знаетъ ли? — Конечно, разсказали.
Она, не то, чтобы мнѣ именно во вредъ
Потѣшилась, и правда или нѣтъ —
Ей все равно другой ли, я ли:
Никѣмъ, по совѣсти, она не дорожитъ.
Но этотъ обморокъ, безпамятство откуда?
Нервъ избалованность, причуда —
Возбудитъ малость ихъ и малость утишитъ....
Я признакомъ почелъ живыхъ страстей!... Ни крошки!
Она конечно бы лишилась также силъ,
Когда бы кто-нибудь ступилъ
На хвостъ собачки или кошки!

Софья, надъ лѣстницей во 2-мъ этажѣ, со свѣчей.

Молчалинъ! вы?
(Поспѣшно затворяетъ опять дверь.)

Чацкій.

Она, она сама!
Ахъ! голова горитъ, вся кровь во мнѣ въ волненьи?
Явилась — нѣтъ ее! Неужели въ видѣньи?
Не впрямь ли я сошелъ съ ума?...
Къ необычайности я точно приготовленъ,
Но не видѣнье тутъ — свиданья часъ условленъ!
Къ чему обманывать себя мнѣ самого?
Звала Молчалина — вотъ комната его!

Лакей, съ крыльца.

Каре....

Чацкій, выталкиваетъ его.

Ссъ!.... Буду здѣсь, и не смыкая глазу,
Хоть до утра! Ужъ коли горе пить,
Такъ лучше съ разу,
Чѣмъ медлить — а бѣды медленьемъ не избыть!
Дверь отворяется.
(Прячется за колонну.)

Явленіе XI.

Чацкій спрятанъ, Лиза со свѣчей.

Лиза.

Охъ! мочи нѣтъ, робѣю.
Въ пустыя сѣни! въ ночь!... Боишся домовыхъ,
Боишся и людей живыхъ!
Мучительница барышня, Богъ съ нею!
И Чацкій, какъ бѣльмо въ глазу...
Вишь показался ей онъ гдѣ-то здѣсь внизу...
(Осматривается.)
Да, какъ же! По сѣнямъ бродить ему охота!
Онъ чай давно ужъ за ворота,
Любовь на завтра поберегъ,
Домой — и спать залегъ.
Однако велѣно къ сердечному толкнуться.
(Стучится къ Молчалину.)
Послушайте-съ! Извольте-ка проснуться.
Васъ кличетъ барышня!... Васъ барышня зоветъ!...
Да поскорѣй, чтобъ не застали...

Явленіе XII.

Чацкій за колонною, Лиза, Молчалинъ потягивается и зѣваетъ, Софья крадется съ верху.

Лиза.

Вы, сударь, камень, сударь ледъ!

Молчалинъ.

Ахъ! Лизанька, ты отъ себя-ли?

Лиза.

Отъ барышни-съ.

Молчалинъ.

Кто-бъ отгадалъ,
Что въ этихъ щечкахъ, въ этихъ жилкахъ,

Любви еще румянецъ не игралъ!
Охота быть тебѣ лишь только на посылкахъ!

Лиза.

А вамъ, искателямъ невѣстъ,
Не нѣжиться и не зѣвать бы:
Пригожъ и милъ — кто не доѣстъ
И не доспитъ до свадьбы.

Молчалинъ.

Какая свадьба? съ кѣмъ?

Лиза.

А съ барышней?

Молчалинъ.

Поди!
Надежды много впереди —
Безъ свадьбы время проволочимъ!

Лиза.

Что вы, сударь, да мы кого-жъ
Себѣ въ мужья другаго впрочимъ?

Молчалинъ.

Не знаю, а меня такъ разбираетъ дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павелъ Аѳанасьичъ разъ
Когда-нибудь поймаетъ насъ,
Разгонитъ, проклянетъ!... Да что?... открыть ли душу?
Я въ Софьѣ Павловнѣ не вижу ничего
Завиднаго. Дай Богъ ей вѣкъ прожить богато!
Любила Чацкаго когда-то,
Меня разлюбитъ, какъ его...
Мой ангельчикъ! желалъ бы вполовину
Къ ней тоже чувствовать, что чувствую къ тебѣ...
Да нѣтъ, какъ ни твержу себѣ,
Готовлюсь нѣжнымъ быть, а свижусь — и простыну!

Софья, въ сторону.

Какія низости!

Чацкій, за колонной.

Подлецъ!

Лиза.

И вамъ не совѣстно?

Молчалинъ.

Мнѣ завѣщалъ отецъ,
Во-первыхъ — угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья:
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платья,
Швейцару, дворнику — для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была!

Лиза.

Сказать, сударь, у васъ огромная опека!

Молчалинъ.

И вотъ, любовника я принимаю видъ,
Въ угодность дочери такого человѣка...

Лиза.

Который кормитъ и поитъ,
А иногда и чиномъ наградитъ?
Пойдемте же — довольно толковали!

Молчалинъ.

Пойдемъ любовь дѣлить печальной нашей крали!
Дай, обниму тебя отъ сердца полноты!...
(Лиза не дается.)
Зачѣмъ она не ты?
(Хочетъ идти, Софья не пускаетъ его.)

Софья, почти шопотомъ. Вся сцена вполголоса.

Нейдите далѣе... Наслушалась я много:
Ужасный человѣкъ! Себя я, стѣнъ стыжусь!

Молчалинъ.

Какъ!... Софья Павловна!

Софья.

Ни слова, ради Бога!
Молчите! я на все рѣшусь!...

Молчалинъ, бросается на колѣни. Софья его отталкиваетъ.

Ахъ! вспомните... не гнѣвайтеся! Взгляньте...

Софья.

Не помню ничего, не докучайте мнѣ!
Воспоминанія!... какъ острый ножъ онѣ...
(Молчалинъ ползаетъ въ ногахъ ея.)

Софья.

Не подличайте, встаньте!
Отвѣта не хочу — я знаю вашъ отвѣтъ:
Солжете...

Молчалинъ.

Сдѣлайте мнѣ милость!

Софья.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!...

Молчалинъ.

Шутилъ, и не сказалъ я ничего, окромѣ...

Софья.

Отстаньте, говорю! Сейчасъ
Я крикомъ разбужу всѣхъ въ домѣ,
И погублю себя и васъ!
(Молчалинъ встаетъ.)
Я съ этихъ поръ васъ будто не знавала!...
Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ,
Не смѣйте ожидать — не стоите вы ихъ!
Но, чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ не застала,
Чтобъ никогда объ васъ я больше не слыхала!

Молчалинъ.

Какъ вы прикажете.

Софья.

Иначе разскажу
Всю правду батюшкѣ съ досады...

Вы знаете, что я собой не дорожу!
Подите! — Стойте!... Будьте рады,
Что при свиданіяхъ со мной въ ночной тиши
Держались болѣе вы робости во нравѣ,
Чѣмъ даже днемъ, и при людяхъ и въ явѣ.
Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ кривизны души.
Сама довольна тѣмъ, что ночью все узнала
Нѣтъ укоряющихъ свидѣтелей въ глазахъ,
Какъ давича, когда я въ обморокъ упала,
Здѣсь Чацкій былъ...

Чацкій, бросается между ними.

Онъ здѣсь, притворщица!

Лиза́ и Софья.

Ахъ! Ахъ!

(Лиза роняетъ свѣчу съ испуга, Молчалинъ убѣгаетъ въ свою комнату.)

Явленіе XIII.

Тѣ же, кромѣ Молчалина.

Чацкій.

Скорѣе въ обморокъ! Теперь оно въ порядкѣ —
Важнѣе давишней причина есть къ тому.
Вотъ наконецъ рѣшеніе загадкѣ!
Вотъ я пожертвованъ кому!
Не знаю, какъ въ себѣ я бѣшенство умѣрилъ:
Глядѣлъ и видѣлъ и не вѣрилъ!
А милый — для кого забытъ
И прежній другъ и женскій стыдъ —
За двери прячется, боится быть въ отвѣтѣ!
Ахъ! какъ игру судьбы постичь?
Людей въ душой — гонительница, бичъ!
Молчалины — блаженствуютъ на свѣтѣ!

Софья, *вся въ слезахъ.*

Не продолжайте, я виню себя кругомъ!...
Но кто бы думать могъ, чтобъ былъ онъ такъ коваренъ?

Лиза.

Стукъ, шумъ! Ахъ, Боже мой! сюда бѣжитъ весь домъ,
Вашъ батюшка — вотъ будетъ благодаренъ!

Явленіе XIV.

Тѣ же, Фамусовъ, и толпа слугъ со свѣчами.

Фамусовъ.

Сюда за мной, скорѣй, скорѣй!
Свѣчей побольше, фонарей!
Гдѣ домовые? Ба! знакомыя все лица:
Дочь! Софья Павловна! срамница!
Безстыдница! гдѣ? съ кѣмъ? Ни дать ни взять, она,
Какъ мать ея, покойница жена!
Бывало я съ дражайшей половиной
Чуть врозь — ужъ гдѣ-нибудь съ мужчиной!
Побойся Бога: какъ, чѣмъ онъ тебя прельстилъ?
Сама его безумнымъ называла.
Нѣтъ! глупость на меня и слѣпота напала!
Все это заговоръ, и въ заговорѣ былъ
Онъ самъ и гости всѣ! За что я такъ наказанъ!

Чацкій, *Софьѣ.*

Такъ этимъ вымысломъ я вамъ еще обязанъ?

Фамусовъ.

Братъ! не финти: не дамся я въ обманъ!
Хоть подеритесь, не повѣрю!
Ты, Филька, ты прямой чурбанъ!
Въ швейцары произвелъ лѣнивую тетерю!
Не знаетъ ни про что, не чуетъ ничего!...
Гдѣ былъ? Куда ты вышелъ?

Сѣней не заперъ для чего?
И какъ не досмотрѣлъ, и какъ ты не дослышалъ?
Въ работу васъ! на поселенье васъ!
За грошъ продать меня готовы!
Ты, быстроглазая, всё отъ твоихъ проказъ!
Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды, да обновы!
Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить!
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка въ избу, маршъ, за птицами ходить!
Да и тебя, мой другъ, я, дочька, не оставлю:
Еще дня два терпѣнія возьми,
Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ людьми:
Подалѣе отъ этихъ хватовъ,
Въ деревню, къ теткѣ, въ глушь, въ Саратовъ!
Тамъ будешь горе горевать,
За пяльцами сидѣть, за святцами зѣвать!
А васъ, сударь, прошу я толкомъ:
Туда не жаловать, ни прямо, ни просёлкомъ;
И ваша такова послѣдняя черта,
Что чай ко всякому дверь будетъ заперта!
Я постараюся, въ набатъ я приударю,
По городу всему надѣлаю хлопотъ,
И оглашу на весь народъ,
Въ сенатъ подамъ, министрамъ, государю!

Чацкій.

Не образумлюсь — виноватъ,
И слушаю — не понимаю!
Какъ будто все еще мнѣ объяснить хотятъ...
Растерянъ мыслями... чего-то ожидаю...
Слѣпецъ! я въ комъ искалъ награды всѣхъ трудовъ?
Спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ! Вотъ счастье, думалъ, близко.
Предъ кѣмъ я давича такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ!
А вы, о Боже мой! кого себѣ избрали?

Когда подумаю: кого вы предпочли!
Зачѣмъ меня надеждой завлекли?
Зачѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ,
Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ въ обоихъ насъ, движеній сердца тѣхъ,
Которыя во мнѣ ни даль не прохладила,
Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ! —
Дышалъ я ими, жилъ, бытъ занятъ безпрерывно!
Сказали бы, что вамъ внезапный мной пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки, все противно;
Я съ вами бы тотчасъ сношеніе пресѣкъ,
И передъ тѣмъ, какъ навсегда разстаться,
Не сталъ бы очень добиваться,
Кто этотъ — вамъ любезный человѣкъ...
(Насмѣшливо.)
Вы помиритесь съ нимъ по размышленьи зрѣломъ;
Себя крушить, и для чего?
Подумайте: всегда вы можете его
Беречь и пеленать, и посылать за дѣломъ;
Мужъ мальчикъ, мужъ слуга, изъ жениныхъ пажей,
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей!
Довольно, съ вами я горжусь моимъ разрывомъ.
А вы сударь, отецъ, вы, страстные къ чинамъ,
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣньи счастливомъ,
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ;
Другой найдется, благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами наконецъ
Онъ будущему тестю равный...
Такъ! отрезвился я сполна,
Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена!
Теперь не худо-бъ было, сряду,
На дочь и на отца,

И на любовника глупца,
И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду!
Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?
Всѣ гонятъ, всѣ клянутъ: мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разскащиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ!...
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ,
Вы правы: изъ огня тотъ выдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышитъ воздухомъ однимъ —
И въ немъ разсудокъ уцѣлѣетъ!
Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ!
Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!
Карету мнѣ, карету!
(Быстро уходитъ; Фамусовъ долгое время стоитъ въ остолбенѣніи.)

Явленіе XV.

Тѣ же, кромѣ Чацкаго.

Фамусовъ.

Ну что? не вѣришь ты, что онъ съ ума сошелъ,
Скажи серьёзно?
Безумный! Что онъ тутъ за чепуху мололъ?
„Низкопоклонникъ! тесть!“ и про Москву такъ грозно...
А ты меня рѣшилась уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна:
Ахъ, Боже мой! что станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

О
ВОЛЬНОМЪ ПЕРЕВОДѢ БЮРГЕРОВОЙ БАЛЛАДЫ:
ЛЕНОРА.

Что вы поете не къ мѣсту?
Пѣснь нескладна и дика!
(Ольга, С. О. кн. 24.)

Произведенія отличныхъ талантовъ обыкновенно раждаютъ и жаркихъ защитниковъ и жаркихъ противниковъ, и подражателей, которые отъ чистой души хотятъ писать подобно имъ, и соревнователей — чтобъ не сказать, завистниковъ, которые пишутъ въ ихъ родѣ, стараясь доказать, что дарованіе, уважаемое по общему мнѣнію, не есть единственное въ своемъ родѣ. Эти послѣдствія видимы и въ нашей словесности. Стихотворенія г. Жуковскаго родили и многихъ поклонниковъ и многихъ противниковъ, и подражателей и соверноватёлей. Сердечно желаемъ, чтобъ подражатели, которые до сихъ поръ только его передразниваютъ, произвели что-нибудь подобное Пѣвцу во станѣ русскихъ воиновъ или Свѣтланѣ; но въ ожиданіи этого — и можетъ быть, напрасномъ, сколько мы должны перечитать посланій къ друзьямъ, въ которыхъ, кромѣ риѳмъ, ничего не посы-

лается, романсовъ и пѣсенъ, которыя поетъ одинъ ихъ сочинитель, а балладъ, балладъ — чудесныхъ, невѣроятныхъ, но ужасныхъ! Ахъ, любезный творецъ Свѣтланы, за сколько душъ ты долженъ будешь дать отчетъ? Сколько молодыхъ людей ты соблазнишь на душегубство! Какой рядъ предвижу я убійцъ и мертвецовъ, удавленниковъ и утопленниковъ! Какой рядъ блѣдныхъ жертвъ смерти балладической, и какой смерти! Тамъ — красавица, какъ сидитъ, какъ спитъ — къ жизни и съ милымъ умираетъ [1]); здѣсь — убійца удавливаетъ старика, не смотря, что на него глядитъ плѣшивый мѣсяцъ [2]); тамъ —

Обмираетъ красна дѣвица,
Упадаетъ на сыру землю,
И выходитъ ея батюшка
Изъ калитки въ страшной ярости [3])

тамъ — грибъ мухоморъ, превращенный въ нѣчто ужасное.... но кто исчислитъ всѣ вымыслы творцовъ, для которыхъ нѣтъ ничего невозможнаго, нѣтъ ничего невѣроятнаго, ничего низкаго! И судя по ихъ первымъ, смѣлымъ шагамъ, кто предузнаетъ, куда занесетъ ихъ воображеніе на этомъ новомъ полѣ, не имѣющемъ предѣловъ ни истины, ни вкуса. И въ самомъ дѣлѣ — „однѣ красоты поэзіи могли до сихъ поръ извинить въ семъ родѣ сочиненій (въ балладахъ) странный выборъ предметовъ [4]).“ Надобно разсыпать такія богатыя и живыя краски въ картинахъ, наполнять такимъ волшебнымъ очарованіемъ стихи, какимъ они наполнены напримѣръ въ балладѣ: Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, когда

1) Сынъ От. 1815, кн. 13. — 2) С. О. 1815, кн. 23. — 3) Духъ Журналовъ 1816, кн. 13. — 4) Урокъ Волокитамъ, комедія. Дѣйств. 1 явл. 1.

хотятъ, чтобъ подобныя баллады могли нравиться. „Но если сей родъ найдетъ подражателей, которые, не имѣя превосходныхъ талантовъ своего образца, станутъ также писать объ однихъ мертвецахъ и привидѣніяхъ — тогда словесность наша...." Такъ въ одинъ день думалъ я про себя, перелистывая старые нумера петербургскихъ журналовъ; но мысли мои были прерваны: мнѣ привезли изъ города журналы московскіе. Однакожъ въ этотъ день меня отъ нихъ отвлеки гости, и я уже вспомнилъ объ нихъ, когда получилъ 24-ю книжку Сына Отечества. Пробѣгая оглавленія журналовъ, и находя и въ Вѣстникѣ Европы стихотвореніе Ольгу и въ Сынѣ Отечества Ольгу, я спѣшилъ познакомиться вдругъ съ двумя Ольгами, но съ перваго взгляда увидѣлъ, что эти обѣ Ольги одна и таже старая знакомка бюргерова Ленора. Но съ нею давно познакомилъ насъ г. Жуковскій? Какъ! и послѣ Людмиллы эта балладная кокетка хочетъ еще нравится подъ новымъ именемъ? и является вдругъ въ обѣихъ столицахъ? и вѣрно въ новомъ нарядѣ, съ новыми прелестями? Должно думать, что такъ; ибо журналисты какъ будто наперерывъ спѣшатъ представить ее читателямъ. Ба! да Ольга еще и съ варіянтами: въ московскомъ журналѣ: что поете вы не къ мѣсту! а въ петербургскомъ: что вы воете не къ мѣсту? Это сдѣлано вѣрно для того, чтобъ угодить вкусу обѣихъ столицъ. Но Сынъ Отечества вышелъ послѣ, и такъ должно думать, что въ немъ послѣднее изданіе*). Прочтемъ его. Прочелъ, положилъ книжку на столъ, вздохнулъ — и взялъ въ руки Вѣстникъ Европы. Прочелъ, положилъ на столъ и

*) Издатель С. О. долгомъ поставляетъ замѣтить, что стихотвореніе сіе было доставлено къ нему мѣсяца за три предъ симъ, но по нѣкоторымъ причинамъ не могло быть ранѣе напечатано.

Вѣстникъ Европы — а на столѣ, какъ нарочно, лежали стихотворенія г. Жуковскаго. Раскрывать ли Людмиллу? сравнивать ли съ нею Ольгу? Нужно ли это кому нибудь? И выгодно ли это Ольгѣ? Людмилла есть оригинальное русское, прелестное стихотвореніе, для котораго идея взята только изъ Бюргера. Стихотворецъ зналъ, что Ленору, народную нѣмецкую балладу, можно сдѣлать для русскихъ читателей пріятною неинаstarting, какъ въ одномъ только подражаніи. Но его подражаніе не въ томъ состояло, чтобъ, вмѣсто собственныхъ нѣмецкихъ именъ лицъ и городовъ, поставить имена русскія. Краски поэзіи, тонъ выраженій и чувствъ, составляющіе характеръ и дающіе физіономію лицамъ, обороты, особенно принадлежащіе простому нарѣчію, и отличающіе духъ народнаго языка русскаго — вотъ чѣмъ Ленора преображена въ Людмиллу. И поелику пѣвецъ ея имѣетъ дарованіе превосходное, то вотъ отъ чего его подражаніе (не смотря на нѣмецкое: hurre, hurre, hop, hop, hop, ни на klinglingling) мнѣ во многихъ мѣстахъ нравится болѣе нежели самое сочиненіе Бюргера. Правда, что въ Людмиллѣ находятся нѣкоторыя несообразности, напримѣръ: мертвецъ говоритъ о себѣ Людмиллѣ такъ открыто, что словами его она не могла быть введена въ заблужденіе; онъ ясно говоритъ, что домъ его

Саванъ, крестъ и шесть досокъ,

что

Путь ихъ къ кельѣ гробовой.

Это разрушаетъ обманъ Людмиллы и читателя, между тѣмъ, какъ у Бюргера онъ отвѣтами неопредѣленными держитъ ее въ вѣроятіи до самаго конца; онъ даже старается обманывать ее:

Wir und die Todten reiten schnell.

„Мы, говоритъ онъ, и мертвые ѣздимъ скоро.“

Выпуская также изъ Бюргера картины похоронъ мертвеца и проч., картины въ самомъ дѣлѣ странныя и несообразныя съ вѣроятіемъ нашего народа, и замѣняя ихъ своими, пѣвецъ Людмиллы впалъ въ маленькую погрѣшность:

Слышутъ шорохъ тихихъ тѣней?
Въ часъ полуночныхъ видѣній
Въ дымѣ облака толпой.
. . . .
Легкимъ свѣтлымъ хороводомъ
Въ цѣпь воздушную свились —
Вотъ за ними понеслись!

Эти тѣни прекрасны, но онѣ совершенно оссіановскія тѣни, и въ русской балладѣ — залетныя гостьи! Я самъ бы не желалъ встрѣчать въ Людмиллѣ, какъ сихъ, такъ и еще нѣкоторыхъ другихъ погрѣшностей; но стоитъ только раскрыть книгу, чтобъ забыть объ нихъ. Прелесть поэзіи, жизнь, движеніе и сладость, волшебная сладость стиховъ — все превозмогутъ. — Такъ! Людмилла, познакомившая русскихъ читателей съ родомъ балладъ, всегда будетъ читана, какъ оригинальное произведеніе отечественной музы! Слѣдовательно Ольгу, по всей справедливости, должно уволить отъ сравненій съ Людмиллою, какъ съ опасною соперницею, а если нужно, такъ сравнивать съ Ленорою. И такъ забудемъ, что Людмилла существуетъ и предадимся единственно впечатлѣніямъ красотъ ольгиныхъ.

„Ольга. Вольный переводъ изъ Бюргера." Вольный? Въ этомъ однакожъ я попрошу позволенія усомниться. Не смѣю рѣшительно предполагать, какія побужденія заставили послѣ Людмиллы переводить Ленору, но кажется, что еслибъ Людмилла не прі-

бръла такъ много справедливыхъ похвалъ, то Ленора едва ли бы явилась подъ именемъ Ольги, и потому-то намъ сдается, что этотъ новый переводъ не есть въ полномъ смыслѣ вольный. Охота бываетъ пуще неволи. Но оставимъ это. —

Ольгу сонъ встревожилъ слезный?
Встала рано поутру:
Измѣнилъ ли другъ любезный?
Умеръ ли? ахъ! я умру.

Что касается до меня, то я право ничего бы не нашелъ сказать противъ этихъ стиховъ, кромѣ развѣ того, что они — такъ сказать — нейдутъ въ душу; но прошу прислушать, что говорятъ злые читатели. Слезный сонъ — сухой эпитетъ, рано поутру — сухая проза. И тѣ ли это стихи, что у Бюргера:

Lenore fuhr um's Morgenroth
Empor aus schweren Träumen?*)
Умеръ ли? ахъ! я умру.

Читатели говорятъ, что здѣсь это ахъ нехорошо такъ, что страхъ. Но послушайте, любезные читатели! въ сужденіяхъ также не надобно спѣшить, какъ и въ сочиненіяхъ: первыя впечатлѣнія иногда обманчивы. Увѣрены ли вы, напримѣръ, что въ этомъ ахъ нѣтъ никакого намѣренія поэта? Почему вы знаете, что поэтъ не хотѣлъ изобразить, напримѣръ, какъ говорятъ люди съ просонья — вѣдь Ольга только что проснулась. Для такого намѣренія — умеръ ли? ахъ... я умру — это ахъ прекрасно; этотъ стихъ совершенно зѣваетъ.

*) Т. е. Ленора на зарѣ утренней воспрянула отъ тяжелыхъ (или страшныхъ) сновъ.

Туркъ безъ брани побѣжденъ,
И на родину съ вѣнками —
Съ пѣсньми —

Туркъ, съ пѣсньми. Для легкихъ стихотворенiй — тяжело, но это мелочь.

Рать подъ звонъ колоколовъ
Шла —

А вотъ это ужъ не мелочь. Тутъ бы, кажется, нужно было соединить поэзiю съ логикою, а слогъ съ грамматикою, хотя это для поэтовъ довольно трудно. Но что будешь дѣлать съ читателями? — „Когда же это было, спрашиваетъ одинъ, чтобъ войска входили у насъ въ города подъ звонъ колоколовъ?“ — А если бы и было, говоритъ другой, то вѣрно не подъ звонъ, а при звонѣ, ибо итти подъ звонъ или при звонѣ такая же разница, какъ итти при музыкѣ или подъ музыкою.“ — „И такъ рать маршировала подъ звонъ колоколовъ!“ кричитъ смѣясь третiй. — Перестаньте, неугомонные читатели!.,. что за великая бѣда! Маленькая ошибка противъ логики и грамматики! — Однакожъ я вижу, что если слушать мнѣ сужденiя такихъ строгихъ читателей, то они едва ли не каждый куплетъ станутъ перерывать, крича за оскорбленiе грамматики или логики, вкуса или слуха. Я ихъ не буду слушать — пусть говорятъ что хотятъ — стану читать одинъ:

Жены, дѣти имъ въ дорогу.
Кличутъ: здравствуй! слава Богу!

Это однакожъ правда, что въ дорогу кличутъ — не хорошо, а кличутъ: здравствуй! слава Богу! не порусски. „Создатель помощникъ ко всему“ — противъ грамматики.

Ахъ, родима, все пропало!

. . . .

Ахъ, родима, все пустое!

Это простота, но не поэтическая. Слушай, дочь! выраженіе очень натуральное, но подумаешь, что мать хочетъ бить дочь.

. . . . въ Украйнѣ дальной,
Если клятвъ не чтя своихъ
Обошелъ олтарь вѣнчальной
Ужъ съ другою твой женихъ
. . . .
Здѣсь прійдется кипуть свѣтъ.

Такіе стихи:

Хоть и варяго — росски,
Но истинно — немного жостки!

Они оскорбляютъ слухъ, вкусъ и разсудокъ. Въ Вѣстникѣ Европы, женихъ, чтобъ обвѣнчаться, обходитъ налой, а въ Сынѣ Отечества, олтарь. Поэтъ изъ огня попадаетъ въ поломя. Налоя, имѣющаго эпитетъ вѣнчальнаго, у насъ также нѣтъ, какъ и погребальнаго, а олтари у насъ обходятъ только во время крестнаго ходу. Притомъ же, что говоритъ въ устахъ простой женщины это затѣйливое выраженіе: женихъ обошелъ вѣнчальный олтарь съ другою? Неужели это также и у Бюргера?

. . . . Wie wenn der falsche Mann
Im fernen Ungerlande
Sich seines Glaubens abgethan
Zum neuen Ehebande.*)

---

*) Т. е. Можетъ быть невѣрный
Въ чужой землѣ Венгерской

Но я только что выговорилъ имя Бюргера, а читатель и беретъ его въ руки. Мало ли что, говоритъ онъ, у Бюргера — или проще, или пріятнѣе, или сильнѣе. Напримѣръ, гдѣ въ пятомъ куплетѣ — эти сильные своею простотою стихи:

O Mutter! Mutter! hin ist hin!
Nun fahre Welt und alles hin!
Bei Gott ist kein Erbarmen!*)

Неужели это тѣ стихи?

Ахъ, родима! все пропало!
Свѣту — радости не стало,
Богъ меня обидѣлъ самъ.
Verloren ist verloren.
Нѣтъ надежды, нѣтъ какъ нѣтъ!

Нѣтъ! не то, не то, не то! говоритъ читатель. А это что?

Разумъ, слову непричастный,
Отъ грѣха ты отведи!

Посмотримъ въ подлинникъ.

. . . . Geh' nicht ins Gericht
Mit deinem armen Kinde!
Sie weiss nicht was die Zunge spricht;
Behalt ihr nicht die Sünde!**)

Отрекся отъ своей вѣры
Для новаго брака.

*) Т. е. . . . . все погибло!
Теперь погибни свѣтъ и все:
У Бога нѣтъ милосердія!

**) Это мать говоритъ, обращаясь къ Богу:
. . . . не входи въ судъ
Съ твоимъ бѣднымъ дитятею:
Она не знаетъ, что говоритъ языкъ;
Прости ея грѣхъ.

А отвесть отъ грѣха разумъ непричастный слову что значитъ? кричитъ злой читатель. Развѣ вольность перевода переводчикъ полагалъ въ томъ, чтобъ замѣнять смыслъ безсмысліемъ? Развѣ — но, послушайте, любезные читатели! давно уже извѣстно, что вы, господа судьи слишкомъ строги къ другимъ. „Да, сударь, строги, и должно быть строгимъ къ тѣмъ, которые имѣютъ умъ и дарованіе, но не научась сперва употреблять ихъ, берутся за все, пишутъ, что вздумаютъ, печатаютъ, что напишутъ." — Но, помилуйте! легкое стихотвореніе, балладу — свѣрять вдругъ съ логикою, съ грамматикою со вкусомъ, и наконецъ вы еще хотите, куплетъ за куплетомъ, свѣрять переводъ съ оригиналомъ. Но развѣ вы не видѣли по первымъ куплетамъ, что переводчикъ въ числѣ стиховъ не уступаетъ подлиннику? Этого развѣ мало? А что онъ уступаетъ въ силѣ и пріятности, такъ можетъ быть, за нихъ онъ и не бралъ на себя отвѣтственности. Будемъ снисходительны. Станемъ искать наслажденія въ стихахъ перевода.

И въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые куплеты были бы пріятны, но эти бездѣлицы: не боюсь смертей, и вдругъ послѣ этого: смерть одна, или:

И вдругъ полемъ кто-то скачетъ,
Кличетъ ей: я здѣсь, мой другъ!

Эти безпрестанныя ошибочки противъ логики или грамматики, противъ просодіи...

Отворяй скорѣй безъ шуму;
Спишь ли, милая, въ потьмѣ?

Въ потьмахъ, говорятъ. Но не объ этомъ: тонъ стиховъ вообще немножно грубъ для любовника, слѣдовательно и для читателя. Но что дѣлать? Безъ шуму, въ потьмѣ — вырвалось для риѳмы.

И я и мой поэтъ риѳмуемъ наудачу!

Невѣста, которая говоритъ о кровати, и спрашиваетъ:

Въ ней уляжется ль невѣста?

есть такая невѣста, которая не можетъ имѣть мѣста ни въ подлинникѣ, ни въ переводѣ. Это чувствовалъ Г. Жуковскій.

Ольга встала и проч. прекрасно и стихи:

Мчатся всадникъ и дѣвица,
Какъ стрѣла, какъ пращъ, какъ птица!

Эти бы стихи летѣли, но — увы! — пращи не летаютъ. Пращъ есть веревка или ремень, которыя всегда остаются въ рукахъ человѣка, мечущаго ими камни. Развѣ смѣлости этой не позволить для чудесъ баллады? Но тогда надобно позволить, чтобъ летали и пушки.

Конь бѣжитъ, земля дрожитъ;
Искры бьютъ изъ подъ копытъ.

Два прекрасные стиха, но ихъ почти въ этомъ же видѣ мы находимъ въ Людмиллѣ:

Пышетъ конь, земля дрожитъ,
Брызжутъ искры отъ копытъ.

Я, какъ мертвый, ѣду скоро.
Страшно-ль, свѣтикъ, съ мертвымъ спать?

Ѣдетъ, а спрашиваетъ страшно ли спать?? — Слова: свѣтикъ, вплоть, споро, сволочь и пр. безъ сомнѣнія дышатъ простотою, но сія простота не поссорится ли со вкусомъ? Правда вкусовъ много, а иные говорятъ, что его и вовсе нѣтъ:

Ну! къ чорту вкусъ и умъ! пишите въ добрый часъ!

Наскакалъ въ стремленьи яромъ
Конь на каменный заборъ;
Съ двери вдругъ хлыста ударомъ
Спали петли и запоръ.

Что такое? конь **наскакалъ на заборъ**, а съ какой-то двери спали петли и запоръ? **Ну, нѣтъ!** и мое смиреніе утомляется: что куплетъ, то распря съ логикой. Г. Бюргеръ! объясните, какъ конь могъ **наскакать на заборъ!**

Rasch auf ein eisern Gitterthor
Ging's mit verhängtem Zügel*).

Вотъ теперь дѣло объясняется. Теперь я вижу, что это не конь, а нашъ поэтъ наскакалъ на заборъ; риѳма туда занесла его: **заборъ, запоръ.** О риѳма!

Свѣтятъ камни въ лучахъ мѣсяца — противу грамматики; говорится: **при** лучахъ.

Голова, взглядъ, руки, тѣло
Все на миломъ помертвѣло.

Взглядъ и руки **на** миломъ. Опять противъ грамматики. О грамматика! и ты большая тиранка для поэтовъ!

На дыбы конь воронъ взвился,
Стукнулъ въ землю....
И навѣки **съ глазъ пропалъ.**

Съ чьихъ глазъ? Рыцарь уже скелетъ; съ глазъ Ольги? Но —

Ольга, въ страхѣ, безъ ума
Неподвижна и нѣма.
Тутъ надъ мертвой заплясали...

Что такое? Опять непостижимость! Поэтъ любитъ **мистифировать** Читателя. Ольга осталась неподвижною, и надъ нею надъ мертвою пляшутъ? Развѣ она

*) Т. е. Быстро на желѣзную рѣшетчатую дверь
Поскакалъ (сѣдокъ) опустивъ узду.

превратилась въ соляной столпъ, какъ жена Лота? Г. Бюргеръ, неужели это ваша выдумка?

Lenorens Herz mit Beben
Rang zwischen Tod und Leben
*
Nun tanzten wohl bei Mondenglanz
Rund um . . . . . .
Die Geister . . . .*)

Ясно. Извините, г. Бюргеръ! Вы невиноваты. Ленора, умирая, не стоитъ столпомъ; борясь, какъ говорите вы, между жизнію и смертію она конечно могла упасть и лежать.

Тутъ надъ мертвой
Адски духи при лунѣ,
И протяжно припѣвали:
. . . .
Съ Богомъ въ судъ нейди крамольно,
. . . .
Грѣшну душу Богъ прости!

И вотъ наконецъ истинныя чудеса баллады! Адскіе духи, черти — ибо что другое разумѣть подъ адскими духами? У Бюргера просто Geister, духи, а подъ именемъ духовъ мы принимаемъ и души умершихъ. Такъ принялъ г. Жуковскій:

Вдругъ усопшіе толпою
Потянулись изъ могилъ.

*) Т. е. Леноры сердце съ трепетомъ
Боролось между жизнію и смертью.
И заплясали при лунномъ свѣтѣ
Вокругъ нея . . . .
Духи . . . .

Но у г. переводчика Ольги, c'est le diable qui prêche la morale, черти проповѣдуютъ нравственность, сами черти молятъ Бога о прощеніи грѣшной души! Какіе добрые у него черти! Какихъ прекрасныхъ чертей отыскалъ онъ для баллады! Vivent les ballades! И послѣ этого осмѣлятся нападать на нихъ? И послѣ этого будутъ говоритъ мнѣ, что баллады не имѣютъ нравственной цѣли? Читай Ольгу — буду я кричать каждому: въ ней и черти учатъ нравственности!

Между тѣмъ — пока я не буду имѣть нужды въ доказательствахъ такого рода — прощайте, любезная Ольга! до тѣхъ поръ я васъ безпокоить не стану. Но послушайте; дружескій совѣтъ: если вамъ случится, чего я не желаю — въ Москвѣ или въ Петербургѣ встрѣтиться гдѣ нибудь съ Людмиллою, оставьте тотчасъ эту злую и гордую соперницу; она васъ краснѣть заставитъ, а что еще хуже — можетъ быть, какой-нибудь изъ ея угодниковъ скажетъ вамъ:

Что вы воете не къ мѣсту?
Пѣснь нескладна и дика!

Прощайте! — Мое почтеніе.

* * *

С. П. б. губерніи
деревня Тентелева.

Lenore.

Lenore fuhr um's Morgenroth
Empor aus schweren Träumen:
„Bist untreu, Wilhelm, oder todt?
Wie lange willst du säumen?“ —
Er war mit König Friedrich's Macht
Gezogen in die Prager Schlacht,
Und hatte nicht geschrieben,
Ob er gesund geblieben.

Der König und die Kaiserin,
Des langen Haders müde,
Erweichten ihren harten Sinn,
Und machten endlich Friede;
Und jedes Heer, mit Sing und Klang,
Geschmückt mit grünen Reisern,
Zog heim zu seinen Häusern.

Und überall all überall,
Auf Wegen und auf Stegen,
Zog Alt und Jung dem Jubelschall
Der Kommenden entgegen.
Gottlob! rief Kind und Gattin laut,
Willkommen! manche frohe Braut.
Ach! aber für Lenore'n,
War Gruss und Kuss verloren.

Sie frug den Zug wohl auf und ab,
Und frug nach allen Namen;
Doch keiner war, der Kundschaft gab,
Von Allen, so da kamen.
Als nun das Heer vorüber war,
Zerraufte sie ihr Rabenhaar,
Und warf sich hin zur Erde,
Mit wüthiger Geberde.

Die Mutter lief wohl hin zu ihr: —
„Ach, dass sich Gott erbarme!
Du trautes Kind, was ist mit dir?“ —
Und schloss sie in die Arme.
„O Mutter, Mutter! hin ist hin!
Nun fahre Welt und alles hin!
Bei Gott ist kein Erbarmen.
O weh, o weh mir Armen!“ —

„Hilf Gott, hilf! sieh uns gnädig an!
Kind, bet' ein Vaterunser!
Was Gott thut, das ist wohlgethan.
Gott, Gott erbarmt sich unser!“ —
„O Mutter, Mutter! Eitler Wahn!
Gott hat an mir nicht wohlgethan!
Was half, was half mein Beten?
Nun ist's nicht mehr vonnöthen.“ —

„Hilf Gott, hilf! Wer den Vater kennt,
Der weiss, er hilft den Kindern.
Das hochgelobte Sacrament
Wird deinen Jammer lindern.“ —
„O Mutter, Mutter! was mich brennt,
Das lindert mir kein Sacrament!
Kein Sacrament mag Leben
Den Todten wiedergeben.“ —

„Hör', Kind! wie, wenn der falsche Mann,
Im fernen Ungarlande,
Sich seines Glaubens abgethan,
Zum neuen Ehebande?
Lass fahren, Kind, sein Herz dahin!
Er hat es nimmermehr Gewinn!
Wenn Seel' und Leib sich trennen,
Wird ihn sein Meineid brennen.“ —

„O Mutter, Mutter! Hin ist hin!
Verloren ist verloren!
Der Tod, der Tod ist mein Gewinn!
O wär' ich nie geboren!
Lisch aus, mein Licht, auf ewig aus!
Stirb hin, stirb hin in Nacht und Graus!
Bei Gott ist kein Erbarmen.
O weh, o weh mir Armen!“ —

„Hilf Gott, hilf! Geh' nicht in's Gericht
Mit deinem armen Kinde!
Sie weiss nicht, was die Zunge spricht.
Behalt ihr nicht die Sünde!
Ach, Kind, vergiss dein irdisch Leid,
Und denk' an Gott und Seligkeit!
So wird doch deiner Seelen
Der Bräutigam nicht fehlen.“ —

„O Mutter! was ist Seligkeit?
O Mutter! Was ist Hölle?
Bei ihm, bei ihm ist Seligkeit,
Und ohne Wilhelm Hölle! —
Lisch aus, mein Licht, auf ewig aus!
Stirb hin, stirb hin in Nacht und Graus!
Ohn' ihn mag ich auf Erden,
Mag dort nicht selig werden.“ — —

So wüthete Verzweifelung
Ihr in Gehirn und Adern.
Sie fuhr mit Gottes Vorsehung
Vermessen fort zu hadern;
Zerschlug den Busen, und zerrang
Die Hand, bis Sonnenuntergang,
Bis auf am Himmelsbogen
Die goldnen Sterne zogen.

Und aussen, horch! ging's trap, trap, trap,
Als wie von Rosseshufen;
Und klirrend stieg ein Ritter ab,
An des Geländers Stufen;
Und horch! und horch! den Pfortenring
Ganz lose, leise, klingklingkling!
Dann kamen durch die Pforte
Vernehmlich diese Worte:

„Holla, Holla! Thu' auf, mein Kind!
Schläfst, Liebchen, oder wachst du?
Wie bist noch gegen mich gesinnt?
Und weinest oder lachst du?“ —
„Ach, Wilhelm, du? So spät bei Nacht?...
Geweinet hab' ich und gewacht;
Ach, grosses Leid erlitten!
Wo kommst du her geritten?“ —

„Wir satteln nur um Mitternacht
Weit ritt ich her von Böhmen.
Ich habe spät mich aufgemacht,
Und will dich mit mir nehmen.“ —
„Ach, Wilhelm, erst herein geschwind!
Den Hagedorn durchsaust der Wind,
Herein in meinen Armen,
Herzliebster, zu erwarmen!“ —

„Lass sausen durch den Hagedorn,
Lass sausen, Kind, lass sausen!
Der Rappe scharrt; es klirrt der Sporn.
Ich darf allhier nicht hausen.
Komm, schürze, spring' und schwinge dich
Auf meinen Rappen hinter mich!
Muss heut noch hundert Meilen
Mit dir in's Brautbett eilen." —

„Ach! wolltest hundert Meilen noch
Mich heut in's Brautbett tragen?
Und horch! es brummt die Glocke noch,
Die elf schon angeschlagen." —
„Sieh hin, sieh her! der Mond scheint hell.
Wir und die Todten reiten schnell.
Ich bringe dich, zur Wette,
Noch heut in's Hochzeitsbette." —

„Sag' an, wo ist dein Kämmerlein?
Wo? wie dein Hochzeitbettchen?" —
„Weit, weit von hier!... Still, kühl und klein!...
Sechs Bretter und zwei Brettchen!" —
Hat's Raum für mich? — „Für dich und mich!
Komm, schürze, spring' und schwinge dich!
Die Hochzeitsgäste hoffen;
Die Kammer steht uns offen." —

Schön Liebchen schürzte, sprang und schwang
Sich auf das Ross behende;
Wohl um den trauten Reiter schlang
Sie ihre Lilienhände;
Und hurre hurre, hopp, hopp, hopp!
Ging's fort in sausendem Gallopp,
Dass Ross und Reiter schnoben,
Und Kies und Funken stoben.

Zur rechten und zur linken Hand,
Vorbei vor ihren Blicken,
Wie flogen Anger, Heid' und Land!
Wie donnerten die Brücken! —
„Graut Liebchen auch?... Der Mond scheint hell!
Hurrah! die Todten reiten schnell!
Graut Liebchen auch vor Todten?" —
„Ach nein!... Doch lass die Todten!" —

Sieh da! sieh da! Am Hochgericht
Tanzt' um des Rades Spindel,
Halb sichtbarlich bei Mondenlicht,
Ein luftiges Gesindel. —
„Sasa! Gesindel, hier! Komm hier!
Gesindel, komm und folge mir!
Tanz' uns den Hochzeitsreigen,
Wann wir zu Bette steigen!"

Und das Gesindel, husch husch husch!
Kam hinten nachgeprasselt,
Wie Wirbelwind am Haselbusch
Durch dürre Blätter rasselt.
Und weiter, weiter, hopp hopp hopp!
Ging's fort in sausendem Gallopp,
Dass Ross und Reiter schnoben,
Und Kies und Funken stoben.

Wie flog, was rund der Mond beschien,
Wie flog es in die Ferne!
Wie flogen oben über hin
Der Himmel und die Sterne!
„Graut Liebchen auch?.. Der Mond scheint hell!
Hurrah! die Todten reiten schnell!
Graut Liebchen auch vor Todten?" —
„O weh! Lass ruh'n die Todten!" — —

„Rapp! Rapp! Mich dünkt der Hahn schon ruft..
Bald wird der Sand verinnen.
Rapp! Rapp! Ich wittre Morgenluft...
Rapp! Tummle dich von hinnen!
Vollbracht, vollbracht ist unser Lauf!
Das Hochzeitsbette thut sich auf,
Die Todten reiten schnelle!
Wir sind, wir sind zur Stelle." — —

Rasch auf ein eisern Gitterthor
Ging's mit verhängtem Zügel.
Mit schwanker Gert' ein Schlag davor
Zersprengte Schloss und Riegel.
Die Flügel flogen klirrend auf,
Und über Gräber ging der Lauf.
Es blinkten Leichensteine
Rund um im Mondenscheine.

Ha sieh! Ha sieh! im Augenblick,
Huhu! ein grässlich Wunder!
Des Reiters Koller, Stück für Stück,
Fiel ab, wie mürber Zunder.
Zum Schädel, ohne Zopf und Schopf,
Zum nackten Schädel ward sein Kopf;
Sein Körper zum Gerippe,
Mit Stundenglas und Hippe.

Hoch bäumte sich, wild schnob der Rapp',
Und sprühte Feuerfunken;
Und hui! war's unter ihr hinab
Verschwunden und versunken.
Geheul! Geheul aus hoher Luft,
Gewinsel kam aus tiefer Gruft.
Lenoren's Herz, mit Beben,
Rang zwischen Tod und Leben.

Nun tanzten wohl bei Mondenglanz,
Rund um herum im Kreise,
Die Geister einen Kettentanz,
Und heulten diese Weise:
„Geduld! Geduld! Wenn's Herz auch bricht!
Mit Gott im Himmel hadre nicht!
Des Leibes bist du ledig;
Gott sei der Seele gnädig!"

Bürger.

ОЛЬГА.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ ИЗЪ БЮРГЕРА.

Ольгу сонъ встревожилъ слезный,
Встала рано поутру:
„Измѣнилъ ли другъ любезный?
„Умеръ ли? ахъ! я умру."
Войскъ дѣля Петровыхъ славу,
Съ нимъ ушелъ онъ подъ Полтаву,
И не пишетъ ни двухъ словъ
Все ли живъ онъ и здоровъ?

На сраженьи пали шведы,
Туркъ безъ брани побѣжденъ,
И желанный плодъ побѣды
Миръ Россіи возвращенъ;
И на родину съ вѣнками,
Съ пѣсньми, съ бубнами, съ трубами,
Рать подъ звонъ колоколовъ
Шла почить отъ всѣхъ трудовъ.

И вездѣ толпа народа,
Старый, малый, всѣ бѣгутъ
Посмотрѣть, какъ изъ похода
Побѣдители идутъ;
Жены, дѣти имъ въ дорогу
Кличутъ: „здравствуй! слава Богу!“
Ахъ! знать Ольгѣ жить одной,
Быть на вѣкъ свой сиротой.

Тщетно ищетъ, вопрошаетъ,
Слухъ пропалъ о немъ давно;
Живъ ли, нѣтъ, никто не знаетъ,
Будто канулъ онъ на дно.
Тутъ залившися слезами,
Въ перси бьетъ себя руками;
Рветъ, припавъ къ сырой землѣ,
Черны кудри на челѣ.

Мать къ ней кинулась поспѣшно:
„Что ты? что съ тобой, мой свѣтъ?
Развѣ горе неутѣшно?
Съ нами Бога развѣ нѣтъ?“ —
„Ахъ! родима, все пропало,
Свѣту-радости не стало.
Богъ меня обидѣлъ самъ:
Горе, горе бѣднымъ намъ!“ —

„Прости, Господи! Создатель
Намъ помощникъ ко всему;
Онъ утѣхъ и благъ податель:
Помолись, мой свѣтъ, ему.“ —
„Ахъ! родима, все пустое!
Богъ послалъ мнѣ горе злое,
Богъ безъ жалости къ мольбамъ:
Горе, горе бѣднымъ намъ!“ —

„Слушай, дочь: въ Украйнѣ дальной
Если клятвъ не чтя своихъ,
Обошелъ олтарь вѣнчальной
Ужъ съ другою твой женихъ?
Не крушися безнадежно:
Наказанье неизбѣжно;
Здѣсь придется кинуть свѣтъ,
Тамъ онъ Богу дастъ отвѣтъ.“ —

„Ахъ! родима, все пропало,
Нѣтъ надежды, нѣтъ какъ нѣтъ;
Свѣту-радости не стало.
Что одной мнѣ бѣлый свѣтъ?
Хуже гроба, хуже ада;
Смерть одна, одна отрада.
Богъ безъ жалости къ слезамъ;
Горе, горе бѣднымъ намъ!“ —

„Прости, Господи! нещастной,
Въ судъ съ безумной не входи;
Разумъ, слову непричастной,
Отъ грѣха ты отведи!
Не крушися, дочь, чрезъ мѣру,
Вспомни Бога, вспомни вѣру,
Мукъ избавишься своихъ,
Райскій сыщется женихъ.“ —

„Гдѣ-жъ, родима злѣе мука?
Или гдѣ мученью край?
Адъ мнѣ съ суженымъ разлука,
Вмѣстѣ съ нимъ мнѣ всюду рай.
Не боюсь смертей, ни ада;
Смерть одна, одна отрада.
Мнѣ безъ милаго нѣтъ благъ
На землѣ, ни въ небесахъ.“

Такъ весь день она рыдала,
Божій промыселъ кляла,
Руки бѣлыя ломала;
Черны волосы рвала;
И стемнѣло небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Всѣ къ покою улеглись,
Звѣзды яркія зажглись.

И дѣвица горько плачетъ,
Слезы градомъ по лицу;
И вдругъ полемъ кто-то скачетъ,
Всадникъ съ копя слѣзъ къ крыльцу.
Что-то въ сѣняхъ зашумѣло,
Что-то въ двери зазвенѣло,
И знакомый голосъ вдругъ
Кличетъ ей: „я здѣсь, мой другъ!“

„Отвори скорѣй безъ шуму;
Спишь ли, милая, въ потьмѣ?
Слезну думаешь ли думу?
Смѣхъ иль горе на умѣ?“ —
„Милый! ты! такъ поздно къ ночи!
Я всѣ выплакала очи
По тебѣ отъ горькихъ слезъ.
Какъ тебя къ намъ Богъ принесъ?“ —

„Мы лишь ночью скачемъ въ полѣ;
Я съ Украйны за тобой:
Поздно выѣхалъ оттолѣ,
Чтобы взять тебя съ собой.“ —
„Ахъ! войди, мой ненаглядный!
Въ полѣ свищетъ вѣтеръ хладный;
Здѣсь въ объятіяхъ моихъ
Обогрѣйся, мой женихъ!“

„Пусть онъ свищетъ, пусть колышетъ;
Что до вѣтру мнѣ? пора!
Воронъ конь мой къ бѣгу пышетъ,
Мнѣ нельзя здѣсь ждать утра.
Встань, ступай, садись за мною,
Воронъ конь домчитъ стрѣлою,
Намъ сто верстъ еще: пора
Въ путь до брачнаго одра.“ —

„Ахъ какая въ ночь дорога?
И сто верстъ ѣзды для насъ!
Бьютъ часы. Побойся Бога:
До полночи только часъ.“ —
„Мѣсяцъ свѣтитъ, ѣхать споро;
Я какъ мертвый ѣду скоро:
Довезу и до утра
Вплоть до брачнаго одра.“ —

„Гдѣ живешь? скажи нелестно:
Что твой домъ? великъ? высокъ?“ —
„Домъ землянка.“ — „Какъ въ ней?“ — Тѣсно.“ —
„А кровать намъ?“ — „Шесть досокъ.“ —
„Въ ней уляжется-ль невѣста?“ —
„Намъ двоимъ довольно мѣста:
Встань, ступай, садись за мной,
Гости ждутъ, готовъ покой.“

Ольга встала, вышла, сѣла
На коня за женихомъ;
Обвила ему вкругъ тѣла
Руки бѣлыя кольцомъ.
Мчатся всадникъ и дѣвица
Какъ стрѣла, какъ пращъ, какъ птица!
Конь бѣжитъ, земля дрожитъ,
Искры бьютъ изъ подъ копытъ.

Справа, слѣва, сторонами
Мимо глазъ ихъ взадъ летятъ
Сушь и воды; подъ ногами
Конскими мосты гремятъ.
„Мѣсяцъ свѣтитъ, ѣхать споро;
Я какъ мертвый ѣду скоро.
Страшно-ль, свѣтикъ, съ мертвымъ спать.“ —
„Нѣтъ... что мертвыхъ поминать?“

Что тамъ вдругъ за чудно пѣнье?
Что тамъ вранъ кричитъ во мглѣ.
Звонъ печальный! погребенье!
„Тѣло предаемъ землѣ!“
Ближе, видятъ! попъ съ соборомъ,
Гробъ несутъ, поютъ всѣмъ хоромъ;
Поступь медленна, тяжка,
Пѣснь нескладна и дика.

„Что вы воете не къ мѣсту?
Хоронить придетъ чреда.
Я къ вѣнцу везу певѣсту:
Въ слѣдъ за мною всѣ туда.
Что-жъ вы, пѣвчіе! не стойте,
Пѣснь на свадьбу мнѣ пропойте;
Попъ! и ты бѣги сейчасъ,
Обвѣнчай на вѣки насъ!“

Смолкли... гроба какъ не стало...
Всѣ послушны вдругъ словамъ,
И поспѣшно побѣжало
Все за ними по слѣдамъ.
Мчатся всадникъ и дѣвица
Какъ стрѣла, какъ пращъ, какъ птица;
Конь бѣжитъ, земля дрожитъ,
Искры бьютъ изъ подъ копытъ.

Справа, слѣва, сторонами
Горы, долы и поля,
Взадъ летитъ все; подъ ногами
Конскими бѣжитъ земля.
„Мѣсяцъ свѣтитъ, ѣхать споро;
Я какъ мертвый ѣду скоро.
Страшно-ль, свѣтикъ, съ мертвымъ спать?“ —
„Полно мертвыхъ поминать.“

Казни столпъ; кругомъ въ мерцаньѣ
Чуть-чуть видно при лунѣ
Адской сволочи скаканье,
Смѣхъ и пляска въ вышинѣ.
„Кто тамъ? Сволочь! всѣ за мною,
Въ слѣдъ бѣгите всѣ толпою;
Было бъ тамъ кому плясать,
Какъ съ женой я лягу спать.“

Сволочь съ пѣснью заунывной
Понеслась за сѣдокомъ;
Словно вихорь бы порывной
Зашумѣлъ въ бору сыромъ.
Мчатся всадникъ и дѣвица
Какъ стрѣла, какъ пращъ, какъ птица;
Конь бѣжитъ, земля дрожитъ,
Искры бьютъ изъ подъ копытъ.

Справа, слѣва, сторонами
Взадъ летятъ луга, лѣса;
Все мелкаетъ предъ глазами:
Звѣзды, тучи, небеса.
„Мѣсяцъ свѣтитъ, ѣхать споро;
Я какъ мертвый ѣду скоро.
Страшно-ль, свѣтикъ, съ мертвымъ спать?“ —
„Ахъ! что мертвыхъ поминать? —

„Конь мой! пѣтухи пропѣли,
Чуръ! заря чтобъ не взошла;
Горъ вершины забѣлѣли·
Мчись, какъ изъ лука стрѣла!
Конченъ, конченъ путь нашъ дальный,
Уготовленъ одръ вѣнчальный;
Скоро съѣздилъ какъ мертвецъ
И доѣхалъ наконецъ."

Наскакалъ въ стремленьи яромъ
Конь на каменный заборъ;
Съ двери вдругъ хлыста ударомъ —
Спали петли и запоръ;
Конь въ ограду; тамъ кладбище,
Мертвыхъ вѣчное жилище;
Свѣтятъ камни на гробахъ
Въ блѣдныхъ мѣсяца лучахъ.

Что же мигомъ предъ собою
Видитъ Ольга? Чудо! страхъ!
Латы всадника золою
Всѣ разсыпались на прахъ;
Голова, взглядъ, руки, тѣло,
Все на миломъ помертвѣло;
И стоитъ ужъ онъ съ косой,
Страшный оставъ костяной.

На дыбы конь воронъ взвился,
Дикимъ голосомъ заржалъ,
Стукнулъ въ землю, провалился,
И на вѣки съ глазъ пропалъ.
Вой на воздухѣ высоко,
Скрежетъ подъ землей глубоко;
Ольга въ страхѣ безъ ума,
Неподвижна и нѣма...

Тутъ надъ мертвой заплясали
Адски духи при лунѣ,
И протяжно припѣвали
Ей въ воздушной вышинѣ:
„Съ Богомъ въ судъ нейди крамольно,
Скорбь терпи, хоть сердцу больно;
Казнена ты во плоти:
Грѣшну душу Богъ прости.“ —

Катенинъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Примѣчанія къ сочиненіямъ Грибоѣдова.

А. ПРОЗА.

1. Письмо изъ Брестъ-Литовска.

Это первое напечатанное произведеніе Грибоѣдова появилось въ „Вѣстникѣ Европы“ 1814го года, (Ч. 76, No. 15, стр. 228.) съ подписью: А. Грибоѣдовъ. Издатель этого журнала Владиміръ Васильевичъ Измайловъ помѣстилъ при статьѣ Грибоѣдова слѣдующее подстрочное примѣчаніе, относящееся къ начальнымъ строкамъ, гдѣ авторъ говоритъ о качествахъ своего генерала Андрея Семеновича Кологривова и любви къ нему подчиненныхъ:

„Это пріятно видѣть и въ семъ письмѣ. Изъ уваженія къ „его чувству, мы ничего почти не переправляли ни въ стихахъ, „ни въ прозѣ. Впрочемъ нельзя читателямъ требовать отъ мар„совыхъ дѣтей того, что мы требуемъ отъ дѣтей аполлоновыхъ „въ условіи ихъ искусства. И.“

Изъ словъ автора, что онъ не считаетъ себя въ правѣ печатать стиховъ, написанныхъ его сослуживцами по случаю праздника, можно заключать, что всѣ приведенные въ этомъ письмѣ стихи написаны именно Грибоѣдовымъ

Замѣчательно, что въ той же 76 части „Вѣстника Европы,“ гдѣ появился первый литературный опытъ Грибоѣдова, помѣщено двумя книжками ранѣе первое печатное стихотвореніе Пушкина „Другу-стихотворцу“ (В. Е. 1814, Ч. 76, No. 13, стр. 9.) Грибоѣдовъ былъ четырьмя годами старѣе Пушкина.

2. О кавалерійскихъ резервахъ.

Статья эта была напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ 1814го года, (Ч. 78, No. 22, стр. 116.) съ подписью: А Грибоѣдовъ. Издатель В. В. Измайловъ припечаталъ къ ней слѣдующее подстрочное примѣчаніе:

„Мы получили сію статью изъ Бреста Литовскаго при слѣ„дующемъ письмѣ:“ „Прошу васъ покорно, М. Г., помѣстить „слѣдующую статью о кавалерійскихъ резервахъ въ вашемъ жур„налѣ. Чѣмъ скорѣе вы это сдѣлаете, тѣмъ болѣе обяжете меня „и всѣхъ моихъ здѣшнихъ сослуживцевъ. Кажется, что это не „противъ плана вашего изданія; не думаю также, чтобы читатели „меня упрекали съ сухости. Они находили въ Вѣстникѣ извѣстія „о доходахъ, расходахъ и долгахъ Франціи и другихъ націй; неу„жели государственная экономія ихъ отечества менѣе стоитъ вни„манія? Честь имѣю пребыть и пр.“

Грибоѣдовъ.

Статья эта очевидно внушена автору служебными занятіями въ кавалерійскихъ резервахъ подъ начальствомъ А. С. Кологривова.

---

3. О разборѣ бюргеровой баллады: Ленора.

Эта антикритика помѣщена въ „Сынѣ Отечества“ 1816го года (Ч. 31, No. 30, стр. 150) съ подписью: А. Грибоѣдовъ. Она была вызвана безымянной критикой, (написанной по свидѣтельству Н. И. Греча переводчикомъ Иліады Николаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ) напечатанной въ „Сынѣ Отечества“ того же года, (Ч. 31, No. 27, стр. 3) на переводъ „Леноры,“ сдѣланный другомъ Грибоѣдова Павломъ Александровичемъ Катенинымъ и появившійся въ „Сынѣ Отечества“ 1816го года (Ч. 30, No. 24, стр. 186) подъ названіемъ „Ольги.“ Такой подвигъ со стороны Катенина долженъ былъ казаться многимъ отчаянною смѣлостью, если вспомнить какое впечатлѣніе произвела на русскую публику передѣлка той же баллады Бюргера Жуковскимъ подъ именемъ „Людмилы,“ успѣвшей сдѣлаться любимой пьесой публики еще съ 1808го года,

когда она появилась въ „Вѣстникѣ Европы.“ (Ч. 39, No. 9 стр. 41.)

Чтобы представить читателямъ вполнѣ споръ Грибоѣдова съ Гнѣдичемъ, (подписавшимъ подъ статьею своею слова: „Тентелева деревня,“) приводимъ здѣсь (въ первоначальномъ ихъ текстѣ) переложеніе бюргеровой баллады Катенинымъ, оригиналъ Бюргера, критику Гнѣдича на Катенина, по поводу которой Грибоѣдовъ возражалъ въ своей статьѣ.

---

4. Письмо изъ Тифлиса.

Письмо это писано къ Николаю Ивановичу Гречу изъ Тифлиса, гдѣ Грибоѣдовъ жилъ по дѣламъ службы въ концѣ 1818го года. Оно напечатано въ „Сынѣ Отечества“ 1819го года (Ч. 52, No. 10, стр. 187.) и служитъ отвѣтомъ на слѣдующія строки „Русскаго Инвалида“ (1818го года, 6го декабря, No. 284, стр. 1144.), котораго редакторомъ былъ тогда Павелъ Павловичъ Пезаровіусъ:

„Константинополь 26 октября. Здѣсь носится слухъ, „будто бы въ Грузіи произошло возмущеніе, коего главнымъ виновникомъ почитаютъ одного богатаго татарскаго князя.“

Въ началѣ письма, говоря о Кавказѣ, Грибоѣдовъ вспоминаетъ поэтическое изображеніе Россіи въ 27ой строфѣ 9ой похвальной оды Ломоносова:

„Въ поляхъ, исполненныхъ плодами,
„Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
„Своими чистыми струями
„Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
„Сѣдитъ и ноги простираетъ
„На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
„Пространная стѣна отъ насъ;
„Веселый взоръ свой обращаетъ,
„И вкругъ довольства исчисляетъ,
„Возлегши локтемъ на Кавказъ.

Извѣстно, что знаменитый нашъ Полководецъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ былъ главнокомандующимъ войсками Кавказскаго корпуса въ 1817го по 1827ой годъ. Грибоѣдовъ разсказываетъ

въ письмѣ своемъ одинъ изъ эпизодовъ славной войны, которую велъ противъ горцевъ непобѣдимый генералъ.

Процессъ убійства въ Родезѣ бывшаго королевскаго прокурора Фуальдеса 19го марта 1817 года, о которомъ упоминается въ письмѣ, дѣйствительно долгое время служилъ пищею всѣмъ европейскимъ журналамъ 1817го и 1818го года. Въ упоминаемомъ нами номерѣ „Инвалида" сообщаются показанія убійцъ Фуальдеса, Бастида и Жоссьона, передъ ихъ казнію и протестаціи ихъ въ своей невинности. Кромѣ того въ томъ же номерѣ находятся извѣстія о назначеніи ирландца Верлинга лейбъ-медикомъ буонапартевымъ на мѣсто О Меара и о томъ, что 13го іюля въ Америкѣ (но гдѣ именно, не сказано) была такая жара, что день этотъ останется въ памяти жителей подъ названіемъ „жаркаго воскресенья."

При томъ мѣстѣ письма, гдѣ Грибоѣдовъ высказываетъ опасеніе, чтобы иностранцы не повѣрили вѣсти о возмущеніи въ Грузіи, прочтя о томъ въ русскихъ офиціальныхъ вѣдомостяхъ, Н. И. Гречь сдѣлалъ въ „Сынѣ Отечества" слѣдующее подстрочное примѣчаніе: „Русскій Инвалидъ въ статьяхъ иностранныхъ не есть офиціальная газета. Изд." Кромѣ того Н. И. Гречь помѣстилъ послѣ статьи слѣдующее примѣчаніе: „Благодаримъ любезнаго на„шего корреспондента за сіе извѣстіе. Только онъ слишкомъ „жестоко нападаетъ на Русскаго Инвалида: ежедневно (кромѣ „понедѣльника) выходитъ нумеръ сей газеты, и выходитъ всегда „въ надлежащее время; какъ легко можно, при сей безпрерывной, „единообразной и утомительной работѣ (особливо при нынѣшней „засухѣ европейскихъ новостей), ошибиться въ выборѣ и по„мѣстить извѣстіе недостовѣрное! Впрочемъ и это извѣстіе имѣло „хорошія слѣдствія: безъ него не имѣли бы наши читатели удо„вольствія получить сіе письмо о краѣ весьма мало извѣстномъ. „Изд."

При всемъ стараніи мы не можемъ отпредѣлить кто обозначенъ буквами Ш. и К. на стр. 36 и 37.

5. Отрывки изъ писемъ.

Отрывки эти были помѣщены въ статьѣ: „Воспоминанія о незабвенномъ Александрѣ Сергѣевичѣ Грибоѣдовѣ,“ написанной Ѳаддеемъ Венедиктивичемъ Булгаринымъ и помѣщенной вмѣстѣ съ портретомъ поэта въ „Сынѣ Отечества“ и Сѣверномъ Архивѣ“ 1830го года. (Т. 9, No. 1, стр. 3.)

1.

Главнокомандующій, о которомъ говорится въ письмѣ отъ 16го апрѣля 1827го, былъ преемникъ Алексѣя Петровича Ермолова, Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ, въ послѣдствіи графъ Ериванскій и свѣтлѣйшій князь Варшавскій. Онъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Грибоѣдова и любилъ его какъ брата:

Въ этомъ же письмѣ говорится о томъ, что Грибоѣдовъ не могъ отыскать въ No. 1 „Сына Отечества“ стиховъ, написанныхъ другомъ Грибоѣдова и сотрудникомъ его по переводу „Притворной невѣрности“ Андреемъ Андреевичемъ Жандромъ. Иначе и не могло быть, потому что въ No. 1 „Сына Отечества“ за 1827ой годъ, изъ стиховъ напечатанъ только отрывокъ изъ мистеріи „Ижорскій“ Кюхельбекера. Мы предполагаемъ, что въ письмѣ корреспондента была описка, а дѣло шло о стихотвореніи безъ подписи автора „Рожденіе Мессіи“ (Сынъ От. 1827го Ч. 111, No. 2, стр. 205.). Другіе стихи А. А. Жандра, о которыхъ говоритъ Грибоѣдовъ, „Къ моей музѣ,“ напечатаны въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1827го года, января 18го, No. 8. Подъ ними не подписано имени и издатели сдѣлали при нихъ только слѣдующее подстрочное примѣчаніе: „Сочиненіе автора стихотворенія „Минуты жизни,“ см. No. 2 Сѣв. Пч. 1827г.“ Приводимъ здѣсь стихотвореніе „Къ моей музѣ,“ какъ заслужившее лестный отзывъ Грибоѣдова:

„Волшебница! скажи какая сила
„Влечетъ меня къ покинутымъ струнамъ?
„Какой огонь ты въ сердце заронила?
„Какой восторгъ разлился по перстамъ?

„Давно ли я, убитый, безотрадный,
„Въ жестокой грусти тайно изнывалъ?

„Давно ль, къ тебѣ безчувственный и хладный,
„Твой чистый даръ съ презрѣньемъ отвергалъ?

„Вдругъ весь волшебный міръ воображенья
„Открылся мнѣ въ прелестнѣйшихъ мечтахъ!
„И пробудилась жажда пѣснопѣнья,
„И вспыхнулъ огнь на радостныхъ струнахъ.

„Въ горящихъ нервахъ вымыслы родятся
„И думы роемъ вьются надо мной;
„Мелькнутъ, изчезнутъ, снова вдругъ столпятся;
„Забыто все... сонъ, пища и покой.

„Пылаетъ кровь въ порывахъ вдохновенья!
„Я, въ изступленьи, день и ночь пою!
„Нѣтъ силъ снести восторговъ упоенья;
„Они сожгутъ всю внутренность мою!

„Спаси меня! Склонися къ сожалѣнью!
„Смири волненье страстныхъ чувствъ моихъ!...
„Нѣтъ, нѣтъ, волшебница! не вѣрь моленью...
„Дай умереть въ объятіяхъ твоихъ."

10го января 1827.

Судя по подробностямъ этого письма видно, что Грибоѣдовъ, не смотря на многосложныя свои занятія по службѣ, слѣдилъ за движеніемъ литературнымъ и получалъ русскіе журналы. Такъ онъ говоритъ о сценѣ изъ „Бориса Годунова" въ Чудовомъ монастырѣ, напечатанной на первыхъ страницахъ журнала Михаила Петровича Погодина „Московскій Вѣстникъ" (1827, No. 1, стр. 1.) и о первой главѣ „Ивана Выжигина," помѣщенной подъ заглавіемъ: „Сиротка, или картина человѣчества во вкусѣ фламандской школы" въ „Сѣверномъ Архивѣ" Ѳ. В. Булгарина (Сѣв. Арх. 1827, Ч. 25, No. 1, стр. 87.)

2.

Въ письмѣ отъ 5го іюня 1828го къ супругѣ г. Булгарина Грибоѣдовъ вспоминаетъ о мызѣ его Карлово, близъ Дерпта.

3 и 4.

Въ письмахъ отъ 23го и 27 іюня 1828го Грибоѣдовъ какъ

истинный патріотъ радуется взятію у турковъ Анапы (12го іюня) и Карса (23го іюня). См. современныя вѣдомости.

5.

Для объясненія письма отъ 24го іюля 1828 считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующія замѣтки. Въ немъ говорится о сватовствѣ Грибоѣдова за княжну Нину Александровну Чевчевадзе, которой судьба такъ не надолго опредѣлила быть земной спутницей поэта. Пр. Н. А..., о которой тутъ упоминается — Прасковья Николаевна Ахвердова, рожденная Арсеньева, вдова храбраго кавказскаго генерала и одна изъ любезнѣйшихъ женщинъ своего времени; она долго пережила своего друга и до конца чтила память его, какъ поэта и человѣка. Мальцовъ (Иванъ Сергѣевичъ) пріятель и сослуживецъ Грибоѣдова по тегеранской миссіи, имѣлъ одинъ счастіе спастись въ роковой день 30го января 1829го года, когда погибъ авторъ „Горя отъ ума.“ И. С. Мальцовъ нынѣ тайный совѣтникъ и членъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ.

Генералъ-лейтенантъ князь Чевчевадзе, тесть Грибоѣдова, кончилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ несчастнымъ образомъ жизнь свою, которую долго щадили пули непріятельскія. Въ Тифлисѣ его разбили лошади, отъ чего онъ вскорѣ скончался къ общему сожалѣнію всего края. Замѣтимъ притомъ, что онъ и почтенное его семейство будто предназначены были для тяжкихъ бѣдствій и испытаній. Супруга сына его, князя Давыда Александровича, урожденная княжна Грузинская, почти цѣлый годъ (1854—1855) томилась съ своимъ семействомъ въ плѣну у Шамиля („Плѣнъ у Шамиля“ соч. Е. Вердеревскаго, От. Зап. 1856.).

Мы не знаемъ лицъ, о коихъ упоминается въ концѣ этого письма и названныхъ: В. С., Андреемъ и Р.

6.

Слѣдующее за тѣмъ письмо къ г. Булгарину начинается словами: „Строфы XIII, XIV, XV“, за чѣмъ слѣдуютъ точки. Грибоѣдовъ сдѣлалъ это въ шутку надъ романтическими поэмами.

7 и 8.

Мы не имѣемъ свѣденій о томъ, кто была В. С. М-ва, къ которой адресованы два послѣднія письма отъ 17го сентября и

3го декабря 1828, а равно и о лицахъ въ нихъ упоминаемыхъ подъ именами Андрея и Александра.

В. СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Отъ Аполлона.

Эта небольшая пьеса имѣетъ близкое отношеніе къ литературной полемикѣ 1815го года. Она напечатана въ „Сынѣ отечества,“ (1815, Ч. 25, No. 45, стр. 267.) и по свидѣтельству Н. И. Греча написана Грибоѣдовымъ.

Обстоятельства, вызвавшія эту полемику, готовились издалека. Извѣстно, что преобразованія Карамзина въ языкѣ и отчасти духѣ всего написаннаго имъ въ концѣ прошлаго вѣка доводили молодаго геніальнаго писателя иногда до крайностей. Реакція была неизбѣжна и противники Карамзина особенно вооружились на него за введеніе иностранныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, а также за заимствованную у иноземныхъ писателей сентиментальность. Этимъ недостаткамъ противоставляли величіе рѣчи и образовъ Ломоносова и его школы. Замѣчательно, что первые нападки на Карамзина встрѣчаются въ журналѣ, издававшемся Сохацкимъ и Подшиваловымъ при московскомъ университетѣ. Въ „Ипокренѣ или утѣхахъ любословія“ (1799, Ч. 4, стр. 17—31) напечатана безъ подписи имени „Ода въ честь моему другу,“ гдѣ встрѣчаются насмѣшки надъ „Письмами русскаго путешественника,“ а выходки на „Аониды“ Карамзина скрѣплены ссылками на самую книгу. Но вскорѣ станъ противниковъ Карамзина окончательно основался въ Петербургѣ, и главою ихъ сдѣлался Александръ Семеновичъ Шишковъ. Въ 1803мъ году онъ издалъ свое „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка,“ въ которомъ жестоко напалъ на нововведенія Карамзина, преувеличенныя его неудачными послѣдователями, княземъ Петромъ Ивановичемъ Шаликовымъ, Владиміромъ Васильевичемъ Измайловымъ и др. Въ это время имя Карамзина сдѣлалось уже знаменемъ, подъ которое собирались молодые таланты. Петръ Ивановичъ Макаровъ въ своемъ „Московскомъ Меркуріи“ (1803го года) первый возражалъ Шишко-

ву. Затѣмъ полемика двухъ партій продолжалась въ теченіи перваго десятилѣтія нашего вѣка. Василій Львовичъ Пушкинъ (См. его сочиненія, изд. Смирдина) печаталъ стихи противъ славянофиловъ, какъ называли послѣдователей Шишкова. Въ то же время имена Жуковскаго и Батюшкова сдѣлались извѣстными и любимыми, а они и другіе ихъ друзья были ученики или поклонники Каралуина. Извѣстный въ послѣдствіи комическій писатель князь Александръ Александровичъ Шаховской примкнулъ къ партіи Шишкова и въ 1806^{мъ} году представилъ театральной публикѣ комедію „Новый Стернъ," (С. П. б. 1806.) гдѣ осмѣивалъ сентиментальнаго путешественника, въ лицѣ котораго подразумѣвался открыто князь Шаликовъ, а втайнѣ Каралуинъ. Шаликовъ отвѣчалъ эпиграммой (Моск. Зритель 1806). Словомъ война была во всемъ разгарѣ.

Въ 1811^{мъ} году 14го марта открылось въ Петербургѣ, въ домѣ Шишкова, литературное общество „Бесѣда любителей русскаго слова." Уставъ ея былъ написанъ Шишковымъ, избраннымъ въ предсѣдатели. Членами „Бесѣды" (за исключеніемъ Крылова, Гнѣдича и немногихъ другихъ) сдѣлались или устарѣлыя знаменитости (въ числѣ ихъ Державинъ) или люди безъ литературныхъ талантовъ (какъ то графъ Хвостовъ, Карабановъ и др.) или наконецъ люди односторонніе. Цѣлью общества было противодѣйствіе вторженію ложнаго по его мнѣнію вкуса въ литературѣ, гдѣ тогда первенствовалъ Каралуинъ, принятый однако въ почетные члены. „Бесѣда" издала съ 1811го по 1815ый годъ 19 книжекъ своихъ „Трудовъ", гдѣ между прочимъ помѣщена была комическая поэма князя Шаховскаго „Расхищенныя шубы." Въ ней встрѣчаются обращенные въ шутку стихи В. Л. Пушкина изъ посланія къ Жуковскому (Чт. въ бес. Люб. р. сл. Ч. 7, стр. 77, стихи 4—8) противъ славянофиловъ. Такимъ образомъ князь Шаховской особенно долженъ былъ заслужить нелюбовь своихъ противниковъ.

Въ 1815^{мъ} году, 23го сентября, играли въ первый разъ на петербургскомъ театрѣ „Липецкія воды" комедію въ 5^{ти} дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. князя Шаховскаго, вскорѣ вышедшую и отдѣльной книжкой (С. П. б. въ театр. тип. 1815, стр. 155 in 8.) Жуковскій и нѣсколько его пріятелей сидѣли рядомъ въ первомъ ряду креселъ. Каково же было ихъ изумленіе, когда они увидѣли

явное намѣреніе автора представить каррикатуру на даровитаго, просвѣщеннаго, благороднаго поэта въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, жалкомъ, бездарномъ „балладникѣ“ Фіялкинѣ? (Его игралъ Климовскій). Друзья Жуковскаго пришли въ негодованіе. Это было публичное мщеніе за рукописныя сатиры на членовъ „Бесѣды“ Батюшкова: „Видѣніе на берегахъ Леты“ (Соч. Бат. изд. Смирдина, Ч. 2.), „Пѣвецъ въ бесѣдѣ Славяно — Россовъ“ (Соврем. 1856, Ч. 57, No. 5, Отд. 5, стр. 10); Жуковскаго: „Посланіе къ Воейкову“ (Соврем. 1856, Ч. 60, No. 11, Отд. 5, стр. 47.); Воейкова: „Сумашедшій домъ“ и пр. Друзья Жуковскаго, а слѣдовательно и Каралуина основали въ слѣдствіе этого шуточное литературное общество „Арзамасъ,“ гдѣ смѣялись надъ торжественною „Бесѣдой.“ Но неумѣстная выходка Шаховскаго, вызвала и печатныя обличенія, на которыя появились немногія впрочемъ возраженія. Сюда относятся, въ прозѣ: 1) „Письмо къ новѣйшему Аристофану“ (Сынъ От. 1815, Ч. 25, No. 42, стр. 140.) Дмитрія Васильевича Дашкова. 2) „Мнѣніе посторонняго“ (Сынъ От. 1815, Ч. 26, No. 46, стр. 35.) съ подписью М. 3) „Письмо съ Липецкихъ водъ“ (Россійскій Муз., 1815, Ч. 4, No. 12, стр. 257.) князя Петра Андреевича Вяземскаго. 4) „Портретъ“ (Рос. Муз. 1815.). Въ стихахъ: „Епиграмма“ N. N. (Сынъ От., Ч. 25, No. 40, стр. 65). 2) „Отвѣтъ на эпиграмму“ (Сынъ От. Ч. 25, No. 42, стр. 149.) 3) Три эпиграммы. (Рос. Муз. 1815, Ч. 4, No. 12, стр. 234.) 4) „Мадригалъ Гампару“ князя Вяземскаго (Сынъ От. 1816, Ч. 28, No. 13, стр. 24.). Кромѣ того ходило много рукописныхъ эпиграммъ. (Соврем. 1856, Ч. 60, No. 11, Отд. 5, стр. 46.).

Между тѣмъ „Липецкія воды“ вышли изъ печати отдѣльной книжкой. Тогда то появилась о нихъ въ „Сынѣ отечества“ (1815, Ч. 25, No. 45, стр. 266.) слѣдующая библіографическая статья:

„Наслышавшись объ этой комедіи очень много, я хотѣлъ было, при объявленіи о выходѣ ея въ свѣтъ, порядочно разобрать „ее, приготовился къ тому какъ слѣдуетъ, прочелъ Баттё, Лагарпа, Шлегеля, повторилъ Мольера, словомъ, твердо рѣшился я, какъ часто бываетъ, блеснуть чужимъ умомъ. Вчера, „списавъ заглавіе, принялся я сочинять разборъ, и началъ: Сія

„комедія... Вдругъ раздался за̀ мною громкій, грозный голосъ: „здравія желаю! Хотя я журналистъ, слѣдственно человѣкъ по-„лувоенной, но признаюсь, вздрогнулъ отъ неожиданнаго привѣт-„ствія, оборотился и увидѣлъ вошедшаго въ комнату гренадера, „вершковъ двенадцати, въ пяти медаляхъ. Онъ держалъ въ рукѣ „большой пакетъ. Къ вамъ сударь! сказалъ онъ, подавая его „мнѣ. — Отъ кого? — Не велѣно сказывать. — Кто ужъ „бы это?... — Командеры! (подавая книжку). Извольте „расписаться. — Нечего было дѣлать. Я взялъ посланіе: къ „Сыну Отечества, и расписался; вѣстовой гренадеръ обернулся „на право кругомъ, топнулъ и вышелъ. Распечатываю пакетъ и „нахожу слѣдующій приказъ:"

(Слѣдуютъ стихи Грибоѣдова, съ подписью: N. N.) „Что „прикажете писать послѣ этого? Пусть тѣ, которыхъ права на „гражданство въ области Феба основательнѣе моихъ, не уважаютъ „сего приказа. Я же содержу только постоялый дворъ на Пар-„насѣ, и хотя не смѣю запрещать заѣзжимъ судить и писать у „меня какъ имъ угодно, но самъ боюсь острацизма!"

Замѣтимъ, что во время появленія „Липецкихъ водъ" Грибоѣдовъ былъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ княземъ Шаховскимъ, котораго онъ узналъ еще въ Польшѣ, до пріѣзда своего въ Петербургъ.

---

2. Романсъ.

Напечатанъ въ „Московскомъ телеграфѣ," 1831го, Ч. 39, No. 11, стр. 311. Онъ написанъ Грибоѣдовымъ во время его пребыванія въ Москвѣ въ 1823^мъ^ году, для водевиля князя Петра Андреевича Вяземскаго: „Кто братъ, кто сестра?" Издатель Телеграфа" Николай Алексѣевичъ Полевой сдѣлалъ при этомъ романсѣ слѣдующее подстрочное примѣчаніе: „Такъ мало осталось „намъ отъ незабвеннаго А. С. Грибоѣдова, что надобно дорожить „каждою бездѣлкою, писанною имъ въ послѣдніе годы его жизни, „когда необыкновенное дарованіе его развилось столь изумитель-„нымъ образомъ. Романсъ, который мы помѣщаемъ въ Теле-„графѣ, писанъ Грибоѣдовымъ для театральной пьесы, въ который „онъ участвовалъ; но по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, романсъ

„сей, дышащій истиннымъ лирическимъ восторгомъ, остался въ „рукописи. А. Н. Верстовскій сочинилъ для него прелестную му„зыку: надѣемся, что онъ позволитъ намъ помѣстить ее въ Те„леграфѣ. Верстовскій, поэтъ въ душѣ, угадалъ душу Грибоѣдова „удивительно и музыка его горитъ звуками, какъ у Грибоѣдова „горятъ слова, выражающія всю силу страсти пламенной, и безна„дежной. Изд. Тел.“

---

3. Телешовой.

Напечатано въ „Сынѣ отечества“ 1825го года, Ч. 99, No. 1, стр. 106. Н. И Гречь сдѣлалъ слѣдующее подстрочное примѣчаніе къ 3^{му} стиху: „Эдемъ Зороастровъ, жилище пери, вооб„ражаемыхъ восточными народами существъ, которыхъ парси и „даже мусульманы представляютъ себѣ въ цвѣтахъ радуги и въ „бальзамическихъ испареніяхъ розъ и ясминовъ. Прим. Изд.“ Стихи эти написаны въ Петербургѣ къ танцовщицѣ тамошняго театра Катеринѣ Александровнѣ Телешовой, долго украшавшей сцену своимъ мимическимъ талантомъ, много содѣйствовавшимъ между прочимъ огромному, почти невѣроятному успѣху на нѣмецкой оперной сценѣ знаменитой оперы Обера и Скриба: „Нѣмая изъ Портичи,“ гдѣ К. А. Телешова создала роль нѣмой Фенеллы, въ 1834^{мъ} году. Портретъ ея въ лѣта цвѣтущей юности приложенъ къ изданному г. Булгаринымъ театральному альманаху: „Русская Талія“ (С. П. б. 1825.). Поэма Пушкина „Русланъ и Людмилла“ послужила сюжетомъ для балета еще въ 1821^{мъ} году. Въ росписи Смирдина, подъ No. 7828 показано: „Русланъ и Людмилла, или низверженіе Черномора злаго волшебника, балетъ въ 5^{ти} дѣйствіяхъ, соч. Глушковскаго. Москва въ тип. Кузнецова. 1821.“ Изъ нея же заимствованъ сюжетъ превосходной оперы М. И. Глинка „Русланъ и Людмила,“ игранной въ 1 разъ въ Петербургѣ 27го ноября 1842.

---

4. Хищники на Чегемѣ.

Напечатано въ „Сѣверной пчелѣ,“ 1826го года, ноября 30го, No. 143. Издатели сдѣлали къ этому стихотворенію слѣдующія подстрочныя примѣчанія:

а) Къ заглавію: „Чегемъ горная рѣка, при сѣверномъ склоненіи Кавказа. Прекрасное сіе стихотвореніе, изображающее въ „краткихъ словахъ дикую природу Кавказа и нравы необузданныхъ „его обитателей, написано во время похода противу горцевъ въ „октябрѣ 1825го года, въ становищѣ близъ каменнаго моста на „рѣкѣ Малкѣ. Видъ надъоблачныхъ горъ, гнѣзда хищническихъ „полудикихъ племенъ, возбудилъ въ воображеніи поэта мысль „представить ихъ въ природномъ ихъ характерѣ, пирующихъ по„слѣ битвы и грозными пѣснями прославляющихъ свои набѣги и „свои неприступныя убѣжища. Русскій мечъ вскорѣ наказалъ „хищниковъ за ихъ буйство и русскіе орлы воспарили надъ вер„шинами Кавказа, торжествуя блистательныя побѣды. По нашему „мнѣнію, понынѣ нѣтъ стихотворенія, которое бы съ такою силою „и сжатостію слога, съ такими мѣстностями и съ такою живостію „воображенія изображало, такъ сказать, характеръ Кавказа съ „нравами его жителей, какъ сіе безцѣнное произведеніе. Изд.“

б) Къ стиху 5^{му} куплета 4го; „Гора Эльбрусъ.“

в) Къ стиху 3^{му}, куплета 8го: „Джигитъ значитъ удалецъ.“

г) Къ стихи 7^{му} куплета 8го: „Вообще магометане ста„раются обращать въ свою вѣру плѣнныхъ, особливо юношей. Лож„ная мысль о невредимости стана истреблена побѣдами русскихъ.“

Прибавимъ къ этому, что экспедиціей осени 1825 года, во время которой написаны эти стихи, начальствовалъ извѣстный генералъ Вельяминовъ, при которомъ Грибоѣдовъ и находился во все время похода.

---

5. Душа.

Напечатано въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1835, Т. 8, No. 2, Отд. 1, стр. 160.

Время сочиненія этой пьесы неизвѣстно.

---

6. Востокъ.

Напечатано въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1836, Т. 14, No. 2, Отд. 1, стр. 160.

Время сочиненія этой пьесы неизвѣстно.

7. Отрывокъ изъ поэмы „Кальянчи.“

Напечатанъ въ „Сынѣ отечества“ 1838, Т. 1, Отд. 1, стр. 19. Время сочиненія этого отрывка неизвѣстно.

8. Эпиграмма.

Напечатана въ статьѣ Ксенофонта Алексѣевича Полеваго „О жизни и сочиненіяхъ Грибоѣдова,“ приложенной ко второму изданію „Горя отъ ума“ (С. П. бургъ, въ Военной типографіи, 1839), на стр. XXXIV.

Эпиграмма эта, кажется, написана между 1823^мъ^ и 1825^мъ^ годами во время перваго появленія „Горя отъ ума“ и возникшихъ о немъ толковъ.

9. Прибавленіе.

Есть еще два стихотворенія, которыя издатели считаютъ необходимымъ привести въ своихъ примѣчаніяхъ по слѣдующимъ причинамъ, не дозволяющимъ помѣщенія ихъ въ самомъ текстѣ Сочиненій Грибоѣдова.

Первое изъ нихъ „Давидъ“ напечатано въ сборникѣ 1824го года князя В. Ѳ. Одоевскаго и В. Кюхельбекера „Мнемозина“ (Ч. 1. стр. 24.) и подписано буквами А. Г. Издатели слышали, что это стихи Грибоѣдова, но неопровержимыхъ на то доказательствъ не имѣютъ, точно такъ же какъ и о послѣдующей пьесѣ.

Второе „Элегія изъ Леонара“ помѣщено было въ изданномъ П. Н. Араповымъ и Д. П. Новиковымъ, въ Москвѣ, альманахѣ на 1830ый годъ, „Радуга,“ на стр. 221. Подъ нимъ подпись: А. Г–въ.

Давидъ.

Не славенъ въ братіяхъ измлада,
Юнѣйшій у отца я былъ,
Пастухъ родительскаго стада;
И се! внезапно Богу силъ
Органъ мои создали руки.
Псалтырь устроили персты,
О! кто до горней высоты
Ко Господу воскрилитъ звуки!
Услышалъ самъ Господь Творецъ!
Шлетъ ангела: и свѣтлозрачный
Съ высотъ летитъ на долы злачны;
Взялъ отъ родительскихъ овецъ;
Елеемъ благости небесной
Меня помазалъ. — Чтожъ сіи
Велики братіи мои?
Кичливы крѣпостью тѣлесной!
Но въ нихъ Духъ Божій, Бога силъ,
Господень Духъ не препочилъ!
Иноплеменнику не съ ними,
Далече страхъ я отженя,
Во срѣтенье изшелъ: меня
Онъ проклялъ идолми своими;
Но я мечемъ надъ нимъ взыгралъ.
Сразилъ его и обезглавилъ
И стыдъ отечества отъялъ,
Сыновъ Израиля прославилъ!

Элегія.

(Изъ Леонара.)

Покоясь на брегу крутомъ,
Когда воздушныя равнины
Едва струятся вѣтеркомъ,
На лоно дремлющей пучины
Я въ слѣдъ за странникомъ въ моряхъ,
Лечу завистливой мечою,
И грусть о родинѣ слезою
Блеститъ въ задумчивыхъ очахъ.

И мѣрный плескъ волны вспѣненной
Ударомъ шумнаго весла,
И голосъ пѣсни отдаленной

Пловца съ бѣгущаго челна
Все тайное родитъ желанье
Покинуть берегъ мой родной,
И съ вѣтреной моей судьбой
Летѣть на чуждое призванье.
Когда жъ Эолъ во мглѣ шумитъ
И бурный валъ кипитъ и плещетъ,
И громъ надъ бездною гремитъ,
И молнія по тучамъ блещетъ:
Тогда, бросая жадный взоръ
На ручейка потокъ безпечный,
На миръ долинъ, лѣсовъ и горъ,
Воскликну въ радости сердечной;
Блаженъ, кто Ларами богатъ?
Онъ чуждъ коварныхъ обольщеній,
Его къ раздумью лишь манятъ
Родныхъ дубравъ безмолвны сѣни
И тихій плескъ младыхъ Наядъ.

Предоставляемъ времени рѣшить имѣютъ ли два эти стихотворенія право попасть безъ всякихъ оговорокъ въ собраніе сочиненій Грибоѣдова?

С. ТЕАТРЪ.

1. Молодые супруги.

Комедія эта играна въ первый разъ въ Петербургѣ, въ бенефисъ извѣстной пѣвицы Нимфодоры Семеновны Семеновой, меньшой сестры знаменитой трагической актрисы Катерины Семеновны. При первомъ представленіи (29го сентября 1815го года) Ариста игралъ Иванъ Ивановичъ Сосницкій, Эльмиру — Катерина Семеновна Семенова; Сафира — Яковъ Григорьевичъ Брянскій.

Комедія въ то же время была напечатана отдѣльной книжкой (С. П. б., въ Театральной типографіи, 1815. Стр. 52.).

Французскій подлинникъ этой комедіи соч. Крёсе де Лессе. (Creusé de Lesser) называется: „Le secret du ménage." Она была представлена въ первый разъ въ Парижѣ, на Французскомъ театрѣ, 25го мая 1809го года.

2. Отрывокъ изъ „Своей семьи."

Напечатанъ въ первый разъ въ „Сынъ Отечества," 1817го, Ч. 42, No. 48, стр. 106, съ примѣчаніемъ автора, которое помѣщено въ нашемъ изданіи при началѣ отрывка. Другимъ сотрудникомъ при сочиненіи княземъ Алекс. А. Шаховскимъ комедіи: „Своя семья" былъ Николай Ивановичъ Хмельницкій. Все это обозначено въ предисловіи къ комедіи, напечатанной отдѣльною книжкой. („Своя семья, или замужняя невѣста, комедія въ 3хъ дѣйствіяхъ въ стихахъ, соч. князя А. А. Шаховскаго. С. П. б. въ Театральной типографіи, 1818; стр. 97.")

„Своя семья" играна въ первый разъ въ Петербургѣ, на Маломъ театрѣ, въ бенефисъ Марьи Ивановны Валберховой, 24го января 1818го года. Роли были розданы слѣдующимъ образомъ: Звонкина — Сандунова; Искринъ — Елисей Петровичъ Бобровъ; Брызгова — Катерина Ивановна Ежова; Вельдюзева — Александра Дмитріевна Каратыгина (мать трагика); Раиса Савишна — Софья Васильевна Самойлова (мать теперешнихъ артистовъ); Бирюлькинъ — Александръ Николаевичъ Рамазановъ; Любимъ — Иванъ Ивановичъ Сосницкій; Наташа — Марья Ивановна Валберхова.

Комедія эта до сихъ поръ играется иногда на сценѣ, особенно для первыхъ дебютовъ молодыхъ актрисъ, для которыхъ выгодна роль Наташи по разнохарактерности сценъ, въ которыхъ она участвуетъ.

---

3. Притворная невѣрность.

Комедія эта переведена Грибоѣдовымъ въ сообществѣ А. А. Жандра изъ сочиненій Барта (Barthe), гдѣ она называется „Les fausses infidélités." Она играна въ первый разъ на петербургскомъ Большомъ театрѣ, 11го февраля 1818го года. Въ ней играли тогда роли: Эледниной — Марья Ивановна Валберхова; Лизы — Анна Матвѣевна Брянская; Рославлева — Яковъ Григорьевичъ Брянскій; Ленскаго — Иванъ Ивановичъ Сосницкій; Блёстова — Александръ Николаевичъ Рамазановъ.

Комедія въ то же время напечатана отдѣльной книжкой. (С. П. б. въ тип. Греча, 1818. стр. 59.)

Въ Парижѣ эта пiеса играна была въ первый разъ на Французскомъ театрѣ, 25го января 1768го года.

---

4. Второй прологъ изъ Фауста Гёте.

Переводъ этотъ подъ названiемъ „Отрывка изъ Гёте" напечатанъ въ альманахѣ „Полярная Звѣзда," на 1825ый годъ, изданномъ А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ. (стр. 306.)

Напомнимъ здѣсь, что русскiе переводы этого пролога находятся въ полныхъ переводахъ гётева „Фауста": Эдуарда Ивановича Губера (С. П. б. 1838.), Михаила Павловича Вронченки (С. П. б. 1844). Александръ Николаевичъ Струговщиковъ въ своемъ переводѣ пропустилъ этотъ прологъ (Современникъ, 1856, Т. 59, No. 10, Отд. 1, стр. 134 и отдѣльной книгой, С. П. б. 1856.).

Мы не прилагаемъ здѣсь подлинника, который слишкомъ извѣстенъ всякому кто знакомъ съ нѣмецкой литературой.

---

5. Горе отъ ума.

Ѳ. В. Булгаринъ въ своихъ „Воспоминанiяхъ объ А. С. Грибоѣдовѣ" (Сынъ От. и Сѣв. Арх. 1830, Ч. 9, No. 1, стр. 3.) разсказываетъ, что мысль написать эту комедiю пришла автору во снѣ. Будучи при нашей миссiи въ Тегеранѣ, въ 1821 году, Грибоѣдовъ мечталъ однажды о столицахъ, оставленныхъ друзьяхъ и театрѣ. Заснувши въ кiоскѣ, онъ увидѣлъ себя во снѣ разсказывающимъ друзьямъ своимъ планъ новой комедiи и читающимъ изъ нея отрывки. Проснувшись, онъ въ ту же ночь написалъ планъ „Горя отъ ума" и нѣсколько сценъ перваго дѣйствiя. Онъ кончилъ свою комедiю въ 1822мъ году, въ Тифлисѣ. Въ мартѣ 1823го года прiѣхавши въ отпускъ въ Москву, Грибоѣдовъ подъ свѣжимъ влiянiемъ особенностей тамошняго общества, многое измѣнилъ и добавилъ въ свой комедiи

Онъ читалъ ее друзьямъ и знакомымъ и она скоро сдѣлалась извѣстной. Многiе негодовали на автора, отыскивая въ его комедiи личности; другiе по жалкой рутинѣ хулили нововведенiя автора въ языкѣ, формахъ стиха и планѣ комедiи. Но эти немногiе долж-

ны были умолкнуть передъ общимъ голосомъ публики, привѣтствовавшей новое произведеніе съ восторгомъ. Переписанные экземпляры (большею частію неисправные) распространились не только по Москвѣ и Петербургу, но по всей Россіи. Стихи комедіи выучивались наизусть, обратились въ поговорки и едва ли могъ найтись черезъ годъ грамотный русскій человѣкъ, не знавшій о Грибоѣдовѣ и его комедіи.

Единственный (до 1833 года) печатный отрывокъ изъ „Горя отъ ума" появился въ альманахѣ г. Булгарина на 1825 годъ: „Русская Талія" (стр. 257—316.). Тутъ помѣщены: конецъ 1го дѣйствія (явленія 7, 8, 9 и 10) и весь третій актъ, въ томъ видѣ какъ они были напечатаны въ изданіи 1833го года. Издатель „Таліи" въ особомъ увѣдомленіи, приложенномъ къ альманаху, извѣщалъ публику, что нѣкоторые стихи комедіи въ печати не сходны съ подлинникомъ.

Представленія „Горе отъ ума" на сценѣ начались тѣмъ, что въ Петербургѣ игрались изъ него отрывки. Если судить по одному театральному фельетону „Сѣверной Пчелы" (1830, февраля 11го, No. 18), можно заключить, что Иванъ Ивановичъ Сосницкій въ одинъ изъ своихъ бенефисовъ (вѣроятно 19го ноября 1827го года въ интермедіи, „Театральное фойе." См. Сѣв. Пчелу 19го ноября 1827го, No. 139. Зрѣлища.) поставилъ нѣсколько сценъ этой комедіи; достовѣрно, что онъ исполнялъ въ нихъ роль Чацкаго. Потомъ дано было 3е дѣйствіе комедіи, въ бенефисъ Александры Михайловны Каратыгиной, на Маломъ театрѣ, 4го февраля 1830го года. Изъ разбора этого спектакля (Сѣв. Пчела, 1830, февраля 11го, No. 18), подписаннаго Т. В., видно, что Чацкаго игралъ Василій Андреевичъ Каратыгинъ, бенефиціантка — Наталью Дмитріевну; Иванъ Ивановичъ Сосницкій — Загорѣцкаго; Николай Осиповичъ Дюръ — Молчалина; Яковъ Григорьевичъ Брянскій — Платона Михайлыча; Василій Ивановичъ Рязанцевъ — Фамусова; Катерина Ивановна Ежова — Хлестову; Гжа Величкина б. — княгиню Тугоуховскую; Гжа Семенова — Софью.

Въ 1830мъ году, 16го іюня, въ бенефисъ Петра Ивановича Григорьева и Петра Андреевича Каратыгина 2го играны на Маломъ театрѣ 3й и 4й акты „Горя отъ ума;" второй изъ бенефиціантовъ игралъ Репетилова — лице въ первый разъ появив-

шееся на сценѣ. (Свв. Пчела, 1830го, іюня 14, No. 75.) Прочія лица оставались прежнія.

Первое свидѣтельство о представленіи въ Москвѣ вмѣстѣ 3^{аго} и 4^{аго} актовъ, „Горя отъ ума," находимъ въ извѣстіяхъ о бенефисѣ Г^{жи} Сабуровой въ среду утромъ на масляницѣ, 25го февраля 1831го года (Моск. Телеграфъ, 1831го, Ч. 38, No. 5, стр. 125. Дамскій журналъ, 1831, Ч. 33, No. 11, стр. 172 и Молва, 1831, Ч. 1, No. 10, стр. 14.) Изъ статей этихъ узнаемъ, что Чацкаго игралъ Павелъ Степановичъ Мочаловъ; Фамусова — Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ; Тугоуховскаго — Петръ Гавриловичъ Степановъ; Александръ Матвѣевичъ Сабуровъ — Репетилова, Илья Васильевичъ Орловъ — Скалозуба; Дмитрій Тимоѳеевичъ Ленскій — Молчалина; Прасковья Ивановна Куликова (нынѣ Г^{жа} Орлова) — Софью.

Первое представленіе всѣхъ 4^{хъ} актовъ „Горя отъ ума," какъ цѣлой, капитальной пьесы, происходило въ Петербургѣ, на Большомъ театрѣ, въ бенефисѣ Якова Григорьевича Брянскаго, въ понедѣльникъ, 26го января 1831го года. Отчетъ объ этомъ представленіи, написанный Ѳ. В. Булгаринымъ (Свв. Пчела, 1831, февраля 9го и 10го, N N 31 и 32) показываетъ, что Загорѣцкаго игралъ тутъ Петръ Андреевичъ Каратыгинъ 2^{й}, а Иванъ Ивановичъ Сосницкій занялъ роль Репетилова; Г^{жа} Азаревичева играла Лизу. Прочія лица оставались тѣ же какъ и въ 1830^{мъ} году.

Десять мѣсяцевъ спустя „Горе отъ ума" было играно въ полномъ составѣ четырехъ актовъ въ первый разъ и въ Москвѣ на Большомъ театрѣ 27го ноября 1831го, въ пятницу. (Моск. Вѣд., 1831, ноября 25го, No. 94, стр. 4036 и Молва 1831 Ч. 2, No. 48, стр. 347.) Представляемъ здѣсь статью „Горе отъ ума" на московской сценѣ, появившуюся по этому случаю въ журналѣ, издававшемся покойнымъ Иваномъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ (Европеецъ, 1832го, No. 1, стр. 135.):

„Въ концѣ прошедшаго года поставлена на московскій театръ „извѣстная комедія покойнаго А. С. Грибоѣдова: Горе отъ ума, и „не смотря на то, что актеры играли дурно и ни одинъ изъ нихъ, „не исключая даже г. Щепкина, не понялъ своей роли; не смотря „на то, что комедія была уже давно знакома большей части зри-„телей, ибо нѣтъ уѣзда въ европейской Россіи, нѣтъ армейскаго

„полка, гдѣ бы ее не знали наизусть; не смотря на то, что она „не имѣетъ собственно драматическихъ и театральныхъ достоинствъ „и лучше въ простомъ чтеніи чѣмъ на сценѣ; не смотря на то, „наконецъ, что московская публика видѣла въ ней собственную „свою каррикатуру, — театръ былъ почти полонъ въ продолженіи „трехъ или четырехъ разъ ея представленія. Доказываетъ ли „это безпристрастіе московской публики? — Или наша насмѣшли-„вость сильнѣе нашего самолюбія? Или, можетъ быть, мы смотрѣ-„ли на сцену съ такимъ же добрымъ простодушіемъ, съ какимъ „извѣстная обезьяна, глядясь въ зеркало, говорила медвѣдю:

„Смотрика, Мишенька: что это тамъ за рожа?"

„Правда, оригиналы тѣхъ портретовъ, которые начерталъ „Грибоѣдовъ, уже давно не составляютъ большинства московскаго „общества, и хотя они созданы и воспитаны Москвою, но уже сама „Москва смотритъ на нихъ какъ на рѣдкость, какъ на любопытныя „развалины другаго міра. Но главный характеръ московскаго об-„щества вообще — не перемѣнился. Философія Фамусова и теперь „еще кружитъ намъ головы*); мы и теперь также какъ въ его „время хлопочемъ и суетимся изъ ничего; кланяемся и унижаемся „безкорыстно и только изъ удовольствія кланяться; ведемъ жизнь „безъ цѣли, безъ смысла; сходимся съ людьми безъ участія, рас-„ходимся безъ сожалѣнія; ищемъ наслажденій минутныхъ и не у-„мѣемъ наслаждаться. И теперь также какъ при Фамусовѣ, домы „наши равно открыты для всѣхъ: для званыхъ и незваныхъ, для „честныхъ и для подлецовъ. Связи наши составляются не сход-„ствомъ мнѣній, не сообразностью характеровъ, не одинакою „цѣлью въ жизни, и даже не сходствомъ нравственныхъ правилъ; „ко всему этому мы совершенно равнодушны. Случай насъ сво-„дитъ, случай разводитъ, и снова сближаетъ, безъ всякихъ послѣд-„ствій, безъ всякаго значенія.

„Эта пустота жизни, это равнодушіе ко всему нравственному, „это отсутствіе всякаго мнѣнія и вмѣстѣ боязнь пересудовъ, эти „ничтожныя отношенія, которыя истощаютъ человѣка по мелочамъ „и дѣлаютъ его неспособнымъ ко всему стройно-дѣльному, ко „всему возвышенному и достойному труда: жить, — все это

*) Пофилософствуй, умъ вскружится:
Вѣшь три часа, а въ три дни не сварится!

„даетъ московскому обществу совершенно особенный характеръ, „составляющій середину между уѣзднымъ кумовствомъ и безвку-„сіемъ и столичною искательностью и роскошью. Конечно есть „исключенія, и можетъ быть ихъ больше, чѣмъ сколько могутъ за-„мѣтить проходящіе: есть общества счастливо отборныя, заботливо „охраняющія себя отъ ихъ окружающей смѣшенности и душнаго „ничтожества; есть люди, которые въ кругу тихихъ семейныхъ „отношеній, посреди безкорыстныхъ гражданскихъ обязанностей, „развиваютъ чувства возвышенныя вмѣстѣ съ правилами твердыми „и благородными; есть люди, постигшіе возможность цѣли вы-„сокой посреди всеобщей пустоты и плоскости: люди умѣющіе „создавать себѣ наслажденія просвѣщенныя, и роскошествовать съ „утонченностью и вкусомъ; но эти люди, эти общества далеко не „составляютъ большинства; и еслибы они захотѣли принять на „себя безполезную и молодо-странную откровенность Чацка-„го, то, также какъ онъ, явились бы пугалищемъ собраній, „существомъ несноснымъ, неприличнымъ и сумасшедшимъ.

„Однако и самыя исключенія, находящіяся въ безпрестанной „борьбѣ съ большинствомъ, не могутъ совершенно охраниться отъ „его заразительности и невольно болѣе, или менѣе, раздѣляютъ „его недостатки. Такъ почти нѣтъ дома въ Москвѣ, который бы „чѣмъ нибудь не обнаружилъ просвѣщенному иностранцу нашей „недообразованности, и если не въ гостиной, не въ кабинетѣ, то „хотя въ прихожей найдетъ онъ какое нибудь разногласіе съ „европейскимъ бытомъ и согласіе съ бытомъ московскимъ.

„Естественно, что это имѣетъ вліяніе и на самаго хозяина, „и потому совершенно справедливо, что:

„На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.

„Вотъ въ чемъ состоитъ главная мысль комедіи Грибоѣдова, „мысль, выраженная сильно, живо и съ прелестью поразительной „истины. Каждое слово остается въ памяти неизгладимо; каждый „портретъ прирастаетъ къ лицу оригинала неотъемлемо; каждый „стихъ носитъ клеймо правды и кипитъ огнемъ негодованія, зна-„комаго одному таланту.

„Но есть въ той же комедіи другая мысль, которая, по мое-„му мнѣнію, если не противорѣчитъ господствующей, то по край-„ней мѣрѣ доказываетъ, что авторъ судилъ о Москвѣ болѣе какъ

„свидѣтель, страстно взволнованный, нежели какъ судья, „равнодушно мыслящій, и умѣющій, даже осуждая, отличать „хорошее отъ дурнаго. Можетъ быть это не вредитъ произве„денію искусства, не вредитъ истинѣ художественной, но вре„дитъ истинѣ практической и нравственной. Мысль, о кото„рой я говорю, заключается въ негодованіи автора на нашу „любовь къ иностранному. Правда, эта любовь часто дохо„дитъ до смѣшнаго и безсмысленнаго; дурно направленная, она „часто мѣшаетъ нашему собственному развитію; но злоупотребле„нія вещи не уничтожаютъ ея достоинства. Правда, мы смѣшны „подражая иностранцамъ, но только потому что подражаемъ не„ловко и не вполнѣ; что изъ подъ европейскаго фрака выгляды„ваетъ остатокъ русскаго кафтана, и что обривши бороду, мы еще „не умыли лица. Но странность нашей подражательности прой„детъ при бóльшемъ распространеніи просвѣщенія, и просвѣщеніе „у насъ распространиться не можетъ иначе, какъ вмѣстѣ съ рас„пространеніемъ иностраннаго образа жизни, иностраннаго платья, „иностранныхъ обычаевъ, которые сближаютъ насъ съ Европою „физически, и слѣдовательно способствуютъ и къ нашему нрав„ственному и просвѣщенному сближенію. Ибо, кто не знаетъ, ка„кое вліяніе имѣетъ наружное устройство жизни на характеръ „образованности вообще? Намъ нечего бояться утратить своей „національности: наши религіи, наши историческія воспоминанія, „наше географическое положеніе, вся совокупность нашего быта „столь отличны отъ остальной Европы, что намъ физически не „возможно сдѣлаться ни французами, ни англичанами, ни нѣмцами. „Но до сихъ поръ національность наша была національность не„образованная, грубая, китайски-неподвижная. Просвѣтить ее, „возвысить, дать ей жизнь и силу развитія, — можетъ только „вліяніе чужеземное; и какъ до сихъ поръ все просвѣщеніе наше „заимствовано извнѣ, такъ только извнѣ можемъ мы заимствовать „его и теперь, и до тѣхъ поръ, покуда поравняемся съ осталь„ною Европою. Тамъ, гдѣ обще-европейское совпадется съ „нашею особенностью, тамъ родится просвѣщеніе истинно „русское, образованно-національное, твердое, живое, глубокое, и „богатое благодѣтельными послѣдствіями. Вотъ отчего наша лю„бовь къ иностранному можетъ иногда казаться смѣшною, но ни-

„когда не должна возбуждать негодованія; ибо болѣе или менѣе, „посредственно или непосредственно, она всегда ведетъ за собой „просвѣщеніе и успѣхъ, и въ самыхъ заблужденіяхъ своихъ не „столько вредна, сколько полезна.

„Но любовь къ иностранному не должно смѣшивать съ при- „страстіемъ къ иностранцамъ; если первая полезна, какъ дорога „къ просвѣщенію, то послѣднее безъ всякаго сомнѣнія и вредно, „и смѣшно, и достойно нешуточнаго противодѣйствія. Ибо, не „говоря ужъ объ томъ, что изъ десяти иноземцевъ, промѣнявшихъ „свое отечество на Россію, рѣдко найдется одинъ просвѣщенный, „— большая часть такъ называемыхъ иностранцевъ не разнится съ „нами даже и мѣстомъ своего рожденія; они родились въ Россіи, „воспитаны въ полурусскихъ обычаяхъ, образованы также поверх- „ностно, и отличаются отъ коренныхъ жителей только своимъ незнаньемъ русскаго языка и иностраннымъ окончаніемъ фами- „лій. Это незнанье языка естественно дѣлаетъ ихъ чужими посре- „ди русскихъ, и образуетъ между ними и коренными жителями со- „вершенно особенныя отношенія. Отношенія сіи, всѣмъ имъ болѣе „или менѣе общія, рождаютъ между ними общіе интерессы, и по- „тому заставляютъ ихъ сходится между собою, помогать другъ другу „и, не условливаясь, дѣйствовать за одно. Такъ самое незнанье „языка служитъ для нихъ паролемъ, по которому они узнаютъ „другъ друга, а недостатокъ просвѣщенія нашего заставляетъ насъ „смѣшивать иностранное съ иностранцами, какъ ребенокъ смѣши- „ваетъ учителя съ наукою и въ умѣ своемъ не умѣетъ отдѣлить „понятія объ учености отъ круглыхъ очковъ и неловкихъ движеній."

„Горе отъ ума" осталось и останется любимой пьесой образованной публики и играется очень часто. Изъ артистовъ въ разныя времена особенно отличались въ этой комедіи: на московской сценѣ: Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ — въ Фамусовѣ; Илья Васильевичъ Орловъ — въ Скалозубѣ; Василій Петровичъ Степановъ — въ Загорѣцкомъ и Иванъ Васильевичъ Самаринъ въ Чацкомъ; на петербургской: Вѣра Васильевна Самойлова въ Софьѣ Павловнѣ и особенно Иванъ Ивановичъ Сосницкій — въ Репетиловѣ, роль котораго проходилъ съ нимъ въ 1824мъ году самъ Грибоѣдовъ, во время бывшихъ тогда въ петербургской театральной школѣ (не публичныхъ) спектаклей, гдѣ представлялось „Горе отъ ума."

Переходимъ къ печатнымъ изданіямъ „Горя отъ ума.“ Первое появилось въ Москвѣ въ 1833мъ году. (Въ тип. Семена, стр. 167, in 8) и было издано книгопродавцемъ А. С. Ширяевымъ. Въ немъ много пропусковъ противъ текста рукописнаго и оно напечатано въ томъ видѣ, какъ играется на сценѣ. Приложеній нѣтъ никакихъ. Изданіе это скоро было раскуплено и печатной комедіи нельзя было достать нигдѣ до 1839го года, когда вышло новое изданіе (С. п. б. въ Военной типографіи, стр. 202, in 32) съ приложеніемъ статьи „о жизни и сочиненіяхъ Грибоѣдова,“ нарочно для того написанной К. А. Полевымъ и портрета Грибоѣдова. Въ скоромъ времени и его уже не осталось въ продажѣ.

„Горя отъ ума“ нѣсколько лѣтъ не было въ книжныхъ лавкахъ до начала 1854го года 30го января 1854го минуло 25 лѣтъ со дня смерти Грибоѣдова и тотчасъ по истеченіи этого срока появилось нѣсколько изданій „Горя отъ ума,“ напечатанныхъ не полно и неправильно, такъ что первыя два изданія всё-таки оказались несравненно лучшими. Для возможной полноты библіографической упомянемъ объ этихъ изданіяхъ: 1) Книгопродавца В. А. Терскова. (С. П. б. въ тип. Трея, 1854, стр. 227 in 32.) 2) А. Г. Черноглазова. (С. П. б. въ тип. Академіи наукъ, 1854, стр. XLVI и 154 in 12) къ нему приложена статья Ѳ. В. Булгарина „Воспоминанія о незабвенномъ А. С. Грибоѣдовѣ“ изъ Сына Отечества 1830го года, съ небольшимъ прибавленіемъ въ концѣ. 3) А. Г. Черноглазова. (С. П. б. въ тип. Штаба Военно-Учебныхъ Зав., 1854, стр. XVI и 205 in 32) съ приложеніемъ той же статьи Ѳ. В. Булгарина въ сокращеніи. 4) А. Ф. Смирдина. (С. П. б. въ тип. Академіи наукъ, 1854, стр. 162 in 12) безъ всякихъ приложеній. 5) Неизвѣстнаго (Москва, въ тип. Семена, 1854, стр. 161, in 12.), также безъ приложеній. При всѣхъ этихъ изданіяхъ находится портретъ Грибоѣдова, изъ которыхъ лучшій (гравированный Уткинымъ) помѣщенъ при смирдинскомъ изданіи. По невѣрности и неполнотѣ текста всѣ эти изданія одинаковы. То же можно сказать и о другихъ, появившихся послѣ того изданіяхъ (ихъ было два, если не ошибаемся), принадлежащихъ къ разряду лубочныхъ. Считаемъ себя въ правѣ уволить и читателей и себя отъ ихъ описанія.

Кромѣ того „Горе отъ ума“ вошло въ точно такомъ же иска-

женномъ видѣ въ „Сочиненія Грибоѣдова," изданныя въ смирдинскомъ „Полномъ собраніи соч неній русскихъ авторовъ," въ одномъ томѣ съ сочиненіями Крюковскаго. (С. П. б. въ тип. Трея, 1854, стр. 298.)

Въ настоящемъ изданіи появляющійся въ первый разъ въ печати полный текстъ „Горя отъ ума" сличенъ съ текстомъ „Русской Таліи," въ концѣ 1го акта и въ 3[мъ], и вообще съ достовѣрными рукописями, свѣренными съ экземплярами, исправленными по бумагамъ автора. Издатели старались по возможности дополнить недостатокъ у насъ точнаго изданія „Горя отъ ума" и вообще сочиненій Грибоѣдова, бывшихъ доселѣ въ печати. Публика рѣшитъ удалось ли имъ исполнить свое дѣло сообразно съ современными требованіями.

---

6. Прибавленіе.

Въ послѣдніе годы своей жизни Грибоѣдовъ составилъ планъ трагедіи „Грузинская ночь," основанный на народной грузинской сказкѣ и написалъ нѣсколько сценъ изъ нея вольными риѳмованными стихами. Хотя говорятъ, что эти отрывки уцѣлѣли; но намъ они неизвѣстны. Приводимъ здѣсь содержаніе трагедіи, сохраненное въ статьѣ Ѳ. В. Булгарина (Сынъ От. и Сѣв. Арх. 1830го, Ч. 9, No. 1, стр. 3), слышавшаго превосходные отрывки изъ „Грузинской ночи" отъ самого Грибоѣдова, талантъ котораго, по словамъ Н. И. Греча (см. тамъ же) возвысился въ этой трагедіи до такой степени, что „Горе отъ ума" могло считаться только пробой пера его. Вотъ содержаніе „Грузинской ночи," разсказанное Булгаринымъ.

„Одинъ грузинскій князь, за выкупъ любимаго коня, отдалъ „другому князю отрока, раба своего. Это было дѣломъ обыкно„веннымъ, и потому князь не думалъ о слѣдствіяхъ. Вдругъ „является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери „его, упрекаетъ его въ безчеловѣчномъ поступкѣ, припоминаетъ „службу свою и требуетъ или возврата сына или позволенія быть „рабою одного господина и угрожаетъ ему мщеніемъ ада. Князь „сперва гнѣвается, потомъ обѣщаетъ выкупить сына кормилицы, „и наконецъ, забываетъ обѣщаніе. Но мать помнитъ, что у нея

„отторжено отъ сердца дѣтище, и какъ азіятка, умышляетъ же-„стокую месть. Она идетъ въ лѣсъ, призываетъ дели, злыхъ „духовъ Грузіи, и составляетъ адскій союзъ на пагубу рода сво-„его господина. Появляется русскій офицеръ въ домѣ, таинствен-„ное существо по чувствамъ и образу мыслей. Кормилица за-„ставляетъ дели внушить любовь къ офицеру въ питомицѣ своей, „дочери князя. Она уходитъ съ возлюбленымъ изъ родитель-„скаго дома. Князь жаждетъ мести, ищетъ любовниковъ и видитъ „ихъ на вершинѣ горы св. Давида. Онъ беретъ ружье, прицѣ-„ливается въ офицера, но дели несутъ пулю въ сердце его до-„чери. Еще не совершилось мщеніе озлобленной кормилицы! Она „требуетъ ружья, чтобъ поразить князя; — и убиваетъ сына. „Безчеловѣчный князь наказанъ небомъ за презрѣніе чувствъ ро-„дительскихъ и познаетъ цѣну потери дѣтища. Злобная кормилица „наказана за то, что благородное чувство осквернила местію. Они „гибнутъ въ отчаяніи.

Заключеніе.

Сочиненія Грибоѣдова собраны въ первый разъ въ смирдинской коллекціи „Полное Собраніе сочиненій русскихъ авторовъ" (С. П. б. въ тип. Трея, 1854, стр. in 12). Въ этомъ изданіи не помѣщены: 1) Письмо изъ Бреста-Литовска. 2) О кавалерійскихъ резервахъ. 2) О разборѣ Леноры. 3) Письма. 5) Отъ Апполлона. 6) Востокъ и 7) Отрывокъ изъ Кальянчи. Текстъ остальныхъ сочиненій неполонъ и не сходенъ съ первыми изданіями. Приложеній къ смирдинскому изданію не сдѣлано никакихъ.

Въ заключеніе приводимъ исчисленіе нѣкоторыхъ изъ замѣчательнѣйшихъ статей о Грибоѣдовѣ и его безсмертной комедіи.

1) „Воспоминанія о незабвенномъ А. С. Грибоѣдовѣ, соч. Ѳ. В. Булгарина." (Сынъ От. и Сѣв. Арх. 1830, Ч 9, No. 1. стр. 3.)

2) „Письмо изъ Тифлиса къ Ѳ. В. Булгарину." (Сынъ От. и Сѣв. Арх., 1830, Ч. 9, No. 2, стр. 87.). Здѣсь описаны похороны поэта.

3) Грибоѣдовъ, А. С. (статья въ Энц. Лексик. Плюшара, Т. 15. стр. 131.)

4) О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова, соч. К. А. Полеваго. (Горе отъ ума, изд. 2, С. П. б. 1839.)

5) „Горе отъ ума," критическая статья В. Г. Бѣлинскаго. (Отеч. Зап. 1840, Т. 8, No. 1, Отд. 5. стр. 1.)

6) „Горе отъ ума," критическая статья безъ подписи имени автора. (Отеч. Зап. 1854.)

7) Грибоѣдовъ. (Хрестоматія А. Галахова, Ч. 3.)

Трудъ издателей конченъ. Имъ остается пожелать, чтобы онъ принесъ читателямъ хотя долю того удовольствія, съ которымъ они имъ занимались.

Печатано въ типографіи К. Шультце въ Берлинѣ.
Kommandanten-Strasse 72.

Оглавленіе.

Отдѣленіе I.

Статьи въ прозѣ.

Отдѣленіе II.

Разныя стихотворенія.

Отдѣленіе III.

Театръ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

30	стран.	27	строк.	счетъ	на счетъ
32	-	12	-	когда подумаетъ	когда подумаешь
54	-	10	-	витьязя	витязя
74	-	12	-	кругъ ее	кругъ нея
—	-	31	-	у вертушкѣ	у вертушки
78	-	12	-	обросили	отбросили
99	-	4	-	Какъ бы смѣшны	Какъ вы смѣшны
103	-	14	-	понравитьяс	понравиться
116	-	32	-	тюбезники	любезники
133	-	19	-	Бозъ	Безъ
202	-	30	-	врузья	друзья
226	-	13	-	тащится	тащиться
250	-	3	-	шамианскимъ	шампанскимъ
257	-	18	-	врочимъ	прочимъ